



УНИВЕРСИТЕТ ПРОКУРАТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (филиал)



АЛЬМАНАХ

МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Выпуск 4



Санкт-Петербург, 2018





УНИВЕРСИТЕТ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (филиал)

АЛЬМАНАХ

МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Выпуск 4

Санкт-Петербург
2018

УДК 34(05)
ББК 67я5
А57

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е. В. ЕЛАГИНА, кандидат юридических наук, доцент
(главный редактор)

Е. А. КУЗЬМИНА
(заместитель главного редактора)

З. Э. ЭРГАШЕВА
(ответственный редактор)

Д. С. СОЛОДЯНКИНА, А. В. ГУСЕВА, Д. А. ЖУЙКОВА

Под общей редакцией
заместителя директора Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
старшего советника юстиции, кандидата юридических наук, доцента
А. А. САПОЖКОВА

Статьи печатаются в редакции авторов

E-mail: almanakh2016@mail.ru

Альманах молодого исследователя / под общ. ред. А. А. Сапожкова. —
А57 Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. — Вып. 4. — 120 с.

Компьютерная верстка **Е. А. Меклиш**

Подписано в печать 17.05.2018. Формат 60х84/8. Усл. печ. л. 15,0
Тираж 100 экз. Заказ 2325.

Отпечатано в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале)
Университета прокуратуры Российской Федерации

191014, Санкт-Петербург, Литейный пр., 44

© Санкт-Петербургский
юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателю	6
I. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА	7
Джиджавадзе Л. Г. Подготовка судебной реформы 1864 года и институт мировых судей	—
II. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА	11
Владимиров А. В. Злоупотребление правом на забвение в сети «Интернет»	—
Жуйкова Д. А. Некоторые проблемы обеспечения иска в гражданском процессе	14
Жукова Ю. С., Забелина Т. С. К вопросу о правовой природе злоупотребления процессуальными правами в гражданском судопроизводстве	18
Колесова А. А. К вопросу об участии прокурора в делах о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации	21
Кузнецов С. С. К вопросу о классификации оснований прекращения права собственности на земельные участки	24
Лабумова Е. Ю., Некрасова А. А. К вопросу об эффективности института медиации в Российской Федерации	27
Морозов И. В. Определение правового статуса самозанятых граждан	30
Павленко И. В. Публичный интерес как предмет правовой защиты в гражданском процессе	33
Ружанова А. А. Электронная коммерция: проблемы безопасности товаров	37

III. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НАУКИ	40
Гасанзаде С. Э. Проблемы уголовно-правового регулирования гипноза как вида психического принуждения	—
Злобин А. Д. Некоторые замечания статье 35 Уголовного кодекса Российской Федерации	42
Коньшин Е. И. Об отграничении убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны, от убийства, совершенного при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление	45
Петрова О. В. К вопросу о необходимости предупреждения об уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ	49
Родимкина Е. В. К вопросу о разграничении ст. 239 УК РФ с смежными составами (ст. 205.4, 205.5, 210, 282.1, 282.2 УК РФ)	52
Романюк В. И. К вопросу о соотношении понятий «ущерб» и «размер» в уголовном праве	56
IV. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ	60
Антонюк И. Д., Зогина К. А. О значении криминалистической тактики при поддержании государственного обвинения	—
Артамонов В. Е. Предпосылки упрощения уголовно-процессуальной формы	63
Берездовец М. С. К вопросу обеспечения права потерпевшего на безопасность в связи с его участием в уголовном судопроизводстве	66
Зинченко В. Н. Некоторые проблемы, возникающие при обеспечении прав личности в стадии возбуждения уголовного дела	70
Магомедова Э. Г. Некоторые вопросы участия иностранного гражданина в уголовном судопроизводстве России	74

Мануковский А. В. Некоторые проблемы осуществления уголовного преследования прокурором на стадии возбуждения уголовного дела	77
Морякина В. И. Медиация как способ разрешения уголовно-процессуального конфликта	79
Никитин Ф. Н., Францев Е. А. Некоторые вопросы института свидетельских показаний в уголовном судопроизводстве	82
Фирсов Д. С. Анализ и оценка прокурором заключения эксперта	85
V. ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ВЗГЛЯД МОЛОДОГО УЧЕНОГО	89
Безрукавая Н. И. Предмет участия прокурора в рассмотрении судами дел об административных правонарушениях	—
Васильева А. В. Актуальные вопросы кадрового обеспечения органов прокуратуры	93
Карпов К. Н. К вопросу о совершенствовании функциональной деятельности прокуратуры	96
Носёнок Е. И. Особенности организации прокурорской проверки исполнения законодательства о животном мире с привлечением специалиста	101
Шишкин М. Н. Предмет и пределы прокурорского надзора за исполнением законодательства о налогах и сборах в Российской Федерации: особенности правоприменения	106
VI. КОНСТИТУЦИОННОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	110
Дриц К. В. О некоторых вопросах международно-правовой регламентации деятельности частных военных и охранных компаний	—
Дубровина Ю. Я. Конституционно-правовое регулирование информирования граждан в избирательном процессе России	114
Казимир А. А., Федорова А. Д. Трансплантация органов: моральные и юридические аспекты	117

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации представляет вашему вниманию четвертый выпуск периодического издания «Альманах молодого исследователя».

Анализ направленных в адрес редакционной коллегии работ позволяет прийти к выводу, что наибольший интерес для авторов неизменно представляют вопросы гражданского права и процесса, уголовного процесса, криминалистики, уголовного права и прокурорской деятельности.

Доброй традицией стало плодотворное взаимодействие редакционной коллегии журнала со студенческим научным сообществом Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, выражающееся в публикации в очередном выпуске материалов заочной научно-практической интернет-конференции «Актуальные вопросы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы».

Поздравляем с первой публикацией в нашем Альманахе авторов из Нижнего Новгорода, Оренбурга и Саратова. Отмечаем, что в авторском коллективе четвертого выпуска присутствуют не только работники Прокуратуры Российской Федерации, но и сотрудники Министерства внутренних дел Российской Федерации.

При формировании четвертого выпуска журнала редакционная коллегия традиционно неукоснительно придерживалась установленных требований, которым, к сожалению, соответствовали далеко не все направленные работы.

Напоминаем, что решение о публикации принимается редакционной коллегией на основании тщательного изучения и беспристрастной оценки каждой полученной научной работы. Приоритет отдается статьям, которые не только позволяют выявить «болевые точки» теории и практики правоприменительной деятельности, но и содержат предложения по разрешению существующих проблем. Особо обращаем внимание, что очевидное несоответствие текста статьи стилистическим, грамматическим, пунктуационным нормам является основанием для принятия решения о невозможности опубликования статьи в журнале.

Редакционная коллегия желает всем авторам плодотворных научных изысканий и надеется на дальнейшее сотрудничество при подготовке последующих выпусков Альманаха.

Редакционная коллегия

I

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Л.Г. ДЖИДЖАВАДЗЕ

студент 2 курса
Ярославского государственного
университета им. П.Г. Демидова

ПОДГОТОВКА СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 года И ИНСТИТУТ МИРОВЫХ СУДЕЙ

В статье на основе комплексного анализа трудов ученых, документов, затрагивающих подготовку Судебной реформы, и действовавшего законодательства выявляются предпосылки и причины формирования института мировых судей, дается оценка обоснованности и эффективности осуществленных нововведений. В работе прослеживается связь между Судебной реформой и иными социальными изменениями, происходившими в России в рассматриваемый период, показывается их взаимообусловленность.

Ключевые слова: мировой суд, Судебная реформа 1864 г., Судебные уставы, судебная система, проекты реформы.

В эпоху Александра II был проведен ряд важных реформ, одной из которых стала Судебная реформа 1864 г. В ходе нее были приняты Судебные уставы, закрепившие институт мировых судей. Хотя в целом Судебная реформа 1864 г. обстоятельно исследована историко-правовой наукой¹, но специализированного труда, посвященного причинам введения мирового суда, до настоящего времени подготовлено не было. Учреждение данного института было обусловлено рядом причин, как затра-

¹ Подробнее об этом см., например: Вертеловский А. Реформы Александра II. Харьков, 1880 // Российская государственная библиотека. URL: <http://dlib.rsl.ru> (дата обращения: 04.01.2018); Джаншиев Г.А. Страницы из истории судебной реформы. М., 1883; Памятники российского права. В 35 т. / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. Т. 13. Судебная реформа 1864 года в Российской империи М., 2015; Филиппов М.А. Судебная реформа в России. СПб., 1871; Российское законодательство X – XX веков: В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 8. Судебная реформа. М., 1991.

гивающих судебную систему в целом, так и непосредственно относящихся к мировым судам, анализ деятельности которых необходим для понимания роли этого события в контексте изучения истории государства и права России.

Значительное влияние на реформу оказал передовой европейский опыт организации и осуществления мировой юстиции¹. В Западной Европе к моменту проведения российской реформы уже существовал мировой суд, в основу которого в разных странах были положены определенные признаки. В целом выделяют несколько типов моделей мирового суда в зависимости от его состава и функций:

1. Классическая модель, которая предполагает, что мировой суд работает на полупрофессиональной основе и выполняет судебно-административные функции (Англия).

2. Континентальная модель, также предусматривающая полупрофессиональный состав суда, наделяя при этом мирового судью исключительно судебными полномочиями (Франция, Испания, Италия).

3. Смешанная модель, согласно которой мировой суд является профессиональным органом, рассматривающим судебно-административные дела (США).

Составители Судебных уставов за основу взяли континентальный тип мировой юстиции². При этом особое внимание уделялось тому, что исторически мировой суд создавался для оперативного рассмотрения малозначительных дел и способствовал освобождению общих судебных мест от чрезмерного количества дел. В некоторых странах Европы мировой суд еще решал задачу ограничения произвола исполнительной власти, рассматривающей мелкие дела, то есть выступал в качестве элемента системы сдержек и противовесов.

В одном из документов Судебной реформы обращалось внимание на то, что «необходимость учреждения... сего первоначального органа судебной власти не подлежит сомнению»³. До 1864 г. не существовало суда, к подсудности которого относились бы малозначительные дела. Они рассматривались либо административной властью (например, полицейские органы – Управы благочиния рассматривали гражданские дела с ценой иска меньше 20 рублей или имущественные преступления на такую же сумму), либо помещиком, который в ряде случаев выступал судьей для своих крепостных крестьян (так называемый, вотчинный суд).

А. Вертеловский писал, что крепостное право было «болезненным явлением в государственном организме», оказывающим «парализующее влияние на все его функции»⁴. Тяжелое положение крестьян выражалось, в том числе и в том, что вотчинный суд зачастую не обеспечивал защиту их прав и законных интересов, более того, он нередко сопровождался истязаниями. Так, по данным Б.Н. Миронова, за произвол в отношении крестьян к ответственности в XIX в. было привлечено 2838 помещиков⁵, однако некоторые авторы считают эти цифры заниженными.

В 1861 г. крепостное право, а вместе с ним и вотчинные суды в прежнем их статусе, были отменены, вследствие чего перед государством встала задача выработать иные подходы к разрешению юридических споров с участием крестьян. Как считает М.Г. Коротких, без Судебной реформы, отмена крепостного права привела бы к еще большему произволу со стороны чиновников по отношению к крестьянам из-за утраты покровительства со стороны помещиков⁶. В связи с этим и предпола-

¹ Памятники русского права. Т. 13. С. 70.

² Язева Е. Е. Мировые судьи: учеб. пособие Ярославль, 2007. С. 23.

³ Основные положения судостроительства / Учреждение судебных установлений // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

⁴ Вертеловский А. Реформы Александра II. Харьков: Унив. тип., С. 46.

⁵ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–XX вв.). В 2 т. Т. 1. СПб., 2000. С. 389.

⁶ Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 г. в России. Воронеж, 1989. С. 62.

галось создать особый суд для разрешения таких споров. Действительно, если обратиться к п. 3 ст. 34 Устава уголовного судопроизводства, то можно увидеть, что мировой суд выступал апелляционной инстанцией по отношению к сельским судам при разрешении споров освободившихся крестьян¹.

В результате повеления Александра II от 25 марта 1859 г. последовало отделение судебной власти от исполнительной. Это привело к ограничению компетенции полиции, из ведения которой изымались маловажные гражданские дела и проступки, в связи с чем, появилась необходимость отнесения этих дел к подсудности определенного суда. По мнению одного из «отцов» Судебной реформы – С.И. Зарудного², так как данные дела требовали незамедлительного разбирательства на месте, то выбор пал на мировых судей. В этом можно убедиться, обратившись к примечанию к ст. 29 Устава гражданского судопроизводства, в котором поясняется, что дела отнесены к подведомственности мировых судей из-за необходимости их оперативного решения и осмотра происшествий на месте³. Такой же точки зрения придерживались и другие современники реформы – А.М. Плавский и О.И. Квист, считавшие, что мировой суд должен быть учрежден «не для одного рода дел не против одних крестьян, а для разных дел маловажных и для разных сословий»⁴. Таким образом, мировому суду стали подсудны все дела, подлежащие в дореформенный период «судебно-полицейскому разбору»⁵.

Также причиной проведения Судебной реформы, в том числе и учреждения мировой юстиции, являлась некомпетентность судей дореформенного периода. До 1864 г. к судьям формально не предъявлялось требований, касающихся образования или опыта работы, что приводило к многочисленным нарушениям законности. До реформы даже высшее образование не обеспечивало судей в должной мере необходимыми знаниями и навыками, потому что изучение права в институтах осуществлялось простым чтением законов⁶. Свое недовольство по этому поводу высказывал, в частности, известный государственный и общественный деятель Б.Н. Чичерин, подчеркивавший поверхностный характер преподавания юридических наук⁷. С принятием Судебных уставов к кандидатам на должность судьи, в том числе мирового, стали предъявляться определенные квалификационные требования. Так, в соответствии со ст. 19 Учреждения судебных установлений мировой судья должен был иметь высшее или среднее образование либо сдать соответствующий экзамен или иметь трехлетний опыт службы⁸.

Также важной причиной учреждения института мировых судей была судебная волокита. Общие судебные места были перегружены делами, рассмотрение которых затягивалось на долгое время. Вместе с тем, существовала сложная процедура разрешения споров. Мировой суд решил данную проблему, разгрузив общие суды

¹ Устав уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. // Российское законодательство X – XX веков / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 8. М., 1991. С. 120-251.

² Зарудный С.И. О способах исполнения высочайше утвержденного начала об отделении исполнительной власти от судебной // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 15. С. 35-36.

³ Устав гражданского судопроизводства Российской империи. 1864 г. // Справочная правовая система «Консультант Плюс». С. 45.

⁴ Цит. по: Памятники русского права. Т. 13. С. 74.

⁵ Великая реформа: К 150-летию Судебных Уставов: В 2 т. Т. II: Устав уголовного судопроизводства / под ред. Л.В. Головки. М., 2014.

⁶ Случевский В.К. Из первых лет жизни Судебных Уставов // Журнал Министерства юстиции. 1914. № 9. С. 187.

⁷ Чичерин Б.Н. Воспоминания // Российская государственная библиотека. URL: <http://dlib.rsl.ru> (дата обращения: 04.01.2018).

⁸ Учреждения судебных установлений Российской империи 1864 г. // Российское законодательство X – XX веков: В 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 8. М., 1991. С. 34.

от рассмотрения малозначительных дел, которые он разрешал оперативно и в упрощенном порядке. К тому же, многие споры могли заканчиваться примирением сторон, к чему по закону мировой судья обязан был склонять участников процесса.

Еще одной причиной реформирования судебной системы в целом была проблема сословности суда. Проанализировав статьи Судебных уставов, можно сделать вывод, что мировой суд, хотя часто и ассоциировался с крестьянскими делами, являлся всесословным учреждением. Этот факт отражался в его подсудности, к которой относился широкий круг дел, не связанных с принадлежностью к какому-либо сословию. Критериями отнесения дел к подсудности мирового судьи были цена иска, размер и вид наказания и т. д.

Кроме того, судебная система до середины XIX в. была сложной и путаной, существовало множество специальных судов (совестные, межевые, духовные и иные), а также административных органов, выполнявших судебные функции (губернские правления, органы полиции). Мировой суд сыграл важную роль в унификации судебной системы. В Основных положениях судостроительства (предисловию к одному из Судебных уставов – Учреждению судебных установлений), говорилось, что введение института мировых судей приведет к сокращению численности уездных и губернских судов, а также судебных палат, что сделает систему более четкой¹. Как пишет С.А. Егоров, реформой устанавливалась «простая и стройная» система², элементом которой, наряду с общими судебными местами, стали местные судебные места. К последним как раз и относилась мировая юстиция.

Таким образом, учреждение института мировых судей было обусловлено комплексом социально-экономических и политико-правовых причин. Введение же института мировых судей оказало огромное влияние на развитие судебной системы в целом и на совершенствование принципов осуществления правосудия.

¹ Основные положения судостроительства / Учреждение судебных установлений // Справочная правовая система «Консультант Плюс». С. II, III.

² Егоров С.А. История отечественного государства и права: Вторая половина XIX – начало XX века: Опыт проблемного изложения: Учебное пособие / Ярослав. гос. ун-т. Ярославль, 2004. С. 22.

II

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

А.В. ВЛАДИМИРОВ

магистрант 1 курса
Национального исследовательского
Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ НА ЗАБВЕНИЕ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

В рамках данной статьи произведен анализ актуальной судебной практики, доказывающей, что реализация права на забвение не является злоупотреблением правом. В ходе исследования были проанализированы различные способы защиты права от недостоверной информации, а также сделаны выводы относительно эффективности таких способов. Также в статье раскрыты некоторые проблемы, возникающие при реализации права на забвение.

Ключевые слова: «Интернет», право на забвение, способы защиты права от недостоверной информации, злоупотребление правом.

Информация в информационном обществе приобретает особое значение. Именно поэтому некоторые характеристики информации возводятся в правовое поле. Например, на основании ст. 10.3 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹ (далее – ФЗ № 149-ФЗ) правовое значение имеет такой критерий информации как «достоверность». Соответственно, в отношении информации, не отвечающей такому критерию, физическое лицо имеет возможность реализовать право на забвение, то есть обратиться к оператору поисковой системы с требованием прекратить выдачу ссылок, которые позволяют получить доступ к такой информации о заявителе.

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Российская газета. 2006. № 165.

Необходимо понимать, что реализация права на забвение в сети «Интернет» в соответствии со ст. 10.3 ФЗ № 149-ФЗ позволяет прекратить выдачу ссылок на страницы сайта, а не просто удалить соответствующую информацию с данных страниц. В то время как на странице сайта может быть размещена и иная информация, в том числе достоверная; информация, содержащая помимо всего прочего оценочные суждения, мнения, убеждения. Таким образом, реализация права на забвение позволит прекратить доступ пользователей как к информации, не отвечающей критерию «достоверности», так и к информации, отвечающей такому критерию. Более того, при реализации данного права доступ будет прекращен также и к размещенной на странице информации, которая содержит оценочные суждения, мнения, убеждения, несмотря на то, что ч. 1, ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации¹ каждому гарантируется свобода слова, право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом.

В законодательстве Российской Федерации помимо права на забвение закреплены и иные способы защиты от недостоверной информации. Например, в соответствии с п.5 ст.152 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ²(далее – ГК РФ) в случае, если сведения, которые порочат честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, оказались после их распространения доступными в сети «Интернет», гражданин, в отношении которого распространены соответствующие сведения, имеет право требовать удаления такой информации³. В п. 10 ст. 152 ГК РФ указано, что правила данной статьи применяются также к случаям распространения любых не соответствующих действительности сведений, то есть к случаям распространения любой недостоверной информации. Исходя из проанализированной судебной практики недостоверная информация в большинстве случаев распространяется с целью опорочить честь, достоинство, деловую репутацию лица, что позволяет говорить о существовании двух способов защиты от информации, не соответствующей такой характеристике как «достоверность»: по п. 5 ст. 152 ГК РФ и по ст. 10.3 ФЗ № 149-ФЗ.

В соответствии со сложившейся судебной практикой оператор поисковой системы прекращает выдачу ссылок по ст. 10.3 ФЗ № 149-ФЗ только на ту информацию, в отношении которой на момент рассмотрения заявления имеется установленный факт ее недостоверности. В случае, если такой факт не установлен, отказ оператора поисковой системы признается законным⁴. Следовательно, уже на момент обращения к оператору поисковой системы с соответствующим требованием пострадавшее лицо должно предоставить доказательства, позволяющие сделать однозначный вывод о недостоверности распространяемой о нем информации. Исходя из сложившейся правоприменительной практики такими доказательствами являются, во-первых, справки, выданные органами исполнительной власти (например,

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ)// Собрании законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. ст. 4398

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2017) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. ст. 3301

³ Апелляционное определение Московского городского суда от 20.07.2016 по делу № 33-27676/2016// Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» ; Апелляционное определение Московского городского суда от 12.07.2016 по делу № 33-26927/2016// Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» ; Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 07.07.2016 по делу № 33-11835/2016// Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»

⁴ Решение Московский районный суд г. Чебоксары от 15.08.2017 по делу № 2-7072/2016// Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» ; Решение Одинцовского городского суда от 06 апреля 2017 года по делу № 2-2715/2017// Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»

справка о погашении, о снятии судимости¹); во-вторых, решения суда о признании распространенной информации недостоверной, порочащей честь, достоинство и деловую репутацию².

Таким образом, решения суда о признании распространенной информации недостоверной, порочащей честь, достоинство и деловую репутацию может стать основанием для реализации лицом права на забвение по ст. 10.3 ФЗ № 149-ФЗ, то есть позволит ограничить доступ на всю информацию, размещенную на странице. В то же время суды неоднократно отмечали, что лица злоупотребляют правом на забвение, так как кроме информации, касающейся истцов, страницы сайтов, на которые истцы просят прекратить выдачу ссылок, содержат и иную информацию, распространение которой не нарушает их прав³.

Интересна в данном плане позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенная в п.1 Постановления 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»⁴, где разъяснено, что суды при разрешении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации должны обеспечивать баланс между правом граждан на защиту чести, достоинства, а также деловой репутации и иными правами и свободами, которые гарантированы Конституцией РФ: свободой мысли, слова, массовой информации, правом свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, правом на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

Есть ли основания говорить о наличии такого баланса по смыслу п.1 Постановления Пленума ВС РФ 24.02.2005 № 3 при реализации права на забвение? Такие основания есть.

В соответствии с п.5 Постановления Пленума ВС РФ от 24.02.2005 № 3 надлежащими ответчиками по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации являются авторы сведений, не соответствующих действительности, порочащих честь, достоинство, деловую репутацию. Надлежащим ответчиком по спорам о реализации права на забвение в сети «Интернет» является оператор поисковой системы (напрямую вытекает из ст. 10.3 ФЗ № 149-ФЗ), поскольку в рамках таких дел оспаривается мотивированный отказ оператора в удовлетворении требований относительно прекращения выдачи ссылок на недостоверную информацию. Именно в силу последнего доводы истцов о том, что суд мог самостоятельно установить недостоверность информации об истце, учитывая представленные в материалы дела, но ранее не направленные в адрес оператора поисковой системы, документы являются несостоятельными⁵. Таким образом, на основании ст. 10.3 ФЗ № 149-ФЗ и ст.152 ГК РФ, а также принимая во внимание разъяснения Пленума ВС РФ, изложенные в п. 5 Постановления от 24.02.2005 № 3, можно сделать вывод, исходя из которого законодательство РФ сегодня не подразумевает юридической возможности в одном судебном процессе признать распространенную информацию недостоверной, порочащей честь, достоинство и деловую репутацию и потребовать прекратить выдачу ссылок, позволяющих получить доступ к данной информации. Для этого требуется два отдельных судебных процесса.

¹ Решение Привокзального районного суда г. Тулы от 21.09.2016 года по делу № 2-1479/2016// Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»

² Апелляционное определение Московского городского суда от 22.05.2017 по делу № 33-14853/2017// Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»

³ Там же

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»// Российская газета. № 50. 15.03.2005

⁵ Апелляционное определение Московского городского суда от 08.02.2017 по делу № 33-5031/2017// Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»

В то же время эффективная своевременная исполнимость решений по делам, по которым ответчиком выступает оператор поисковой системы, намного выше, чем решений по делам, где ответчиком выступает автор сведений, не соответствующих действительности. Нужно помнить и то, что право на забвение исходя из сложившейся правоприменительной практики может быть реализовано только тогда, когда распространенная информация в судебном порядке признана не соответствующей действительности, порочащей честь, достоинство, деловую репутацию. Таким образом, только в случае, если автор сведений самостоятельно не удалит информацию, признанную по решению суда порочащей честь, достоинство, деловую репутацию, лицо, в отношении которого распространена такая информация, получит юридическую возможность реализовать право на забвение, то есть прекратить выдачу ссылок на такую информацию. Иными словами, реализация права на забвение часто является вынужденной мерой, являющейся реакцией на неисполнение решения суда о признании сведений порочащими честь, достоинство или деловую репутацию гражданина и об удалении соответствующей информации (основание – п. 5 ст. 152 ГК РФ), что, в свою очередь, обуславливает тот факт, что помимо недостоверной информации доступ будет прекращен и к иной информации, отвечающей критериям достоверности. Считаем подобное обоснованным в условиях глобализации информационных процессов, а баланс между правом граждан на защиту чести, достоинства, а также деловой репутации и иными гарантированными Конституцией РФ правами и свободами, в том числе свободой слова, правом свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию, соблюденным.

Д.А. ЖУЙКОВА
студентка 4 курса
Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСКА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматриваются актуальные вопросы обеспечения иска в гражданском процессе. Автором проанализирована судебная практика, теоретические аспекты данной темы и выявлены некоторые проблемы, нуждающиеся в законодательном урегулировании, такие как возможность добровольного обеспечения иска, применение мер обеспечения в приказном производстве; рассмотрены «иные меры» обеспечения иска.

Ключевые слова: обеспечение иска, гражданский процесс, способ процессуальной защиты, ГПК, антиисковые обеспечительные меры.

Обеспечение иска в гражданском процессе как применяемый судом способ процессуальной защиты одной стороны или лиц, участвующих в деле, законодательно находит свое закрепление в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ). Однако этот институт гражданского процессуального права до сих пор окончательно не урегулирован и вызывает целый комплекс дискуссионных вопросов, а вместе с тем неослабевающий интерес ученых к его исследованию.

Обеспечение иска согласно буквальному толкованию п. 1. ст. 139 ГПК РФ представляет собой процессуальный институт, регулирующий условия и порядок принятия и отмены судом по заявлению лиц, участвующих в деле, принудительных мер обеспечения в целях реального исполнения будущего судебного постановления.

По мнению ряда ученых, данный институт применяется в качестве государственно-необходимых, превентивных мер правового принуждения¹ при разрешении конкретных гражданских дел в целях гарантии надлежащего и своевременного исполнения обеспечения иска, то есть используется судом по заявлению заинтересованных лиц, участвующих в деле, к другой стороне. Однако далеко не всегда судом удовлетворяется такое ходатайство. Как правило, основанием в отказе принятия мер обеспечения иска является несоразмерность заявленных лицом, участвующем в деле, требований обеспечения иска имущественным претензиям, содержащимся в иске; возможность причинения стороне, к которой применяются данные меры, значительного материального ущерба; а также отсутствие доказательств о том, что в случае непринятия обеспечительных мер исполнение судебного решения может быть затруднено².

Стоит отметить, что в Конституционный Суд Российской Федерации не раз обращались граждане по поводу нарушения их конституционных прав путем принятия судом мер обеспечения иска, в частности, наложения ареста на имущество³. В свою очередь Конституционный суд, отказывая в принятии таких жалоб, разъяснил, что полномочие суда об обеспечении иска вытекает из принципа самостоятельности судебной власти и является проявлением его дискреционных полномочий, необходимых для осуществления правосудия⁴.

В ходе анализа судебной практики и законных предписаний у нас возникло несколько вопросов.

Во-первых, урегулирована ли в законе и допустима ли ситуация, когда ответчик добровольно обеспечивает иск?

Проблема обеспечения иска ответчиком заслуживает особого внимания. Еще в советское время, как отмечали А. Бабкин и М. Юков, были допустимы такие случаи, когда об обеспечении иска просил не истец, а ответчик, хотя встречный иск им не заявлен⁵. В настоящее время такая ситуация часто возникает по делам о расторжении брака и разделе общей совместной собственности супругов. Независимо от того, какая из сторон обратилась с заявлением об обеспечении иска, суд обязан рассмотреть данный вопрос и, если сочтет необходимым, принять меры к сохранению спорного объекта⁶. В таком случае получается, что ответчик добровольно просит суд об обеспечении с его стороны исковых требований истца.

В ГПК РФ законодатель не закрепил встречное обеспечение, более того в гражданском судопроизводстве предусмотрено обеспечение иска только в исковом производстве, поэтому для реализации ответчиком права на встречное обеспечение должен подать встречный иск, то есть он сам становится истцом с присущими ему процессуальными правами и обязанностями. Но, предъявляя встречный иск, ответчик по первоначальному иску предъявляет уже самостоятельные требования, обеспечение которого не связано с обеспечением первоначального иска. Поэтому, наверное, всё же не совсем правильно говорить об обеспечении иска со стороны ответчика.

¹ Ведыкин В.М., Шубина Т.Б. Защита права как правовая категория // Правоведение. 1998. № 1. С. 69.

² Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 05.10.2016 по делу № 33-13501/2016, Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 10.10.2016 по делу № 33-13794/2016, Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 21.09.2016 по делу № 33-13104/2016 и др.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 20.06.2006 № 247-О

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 № 1566-О, Определение Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 № 1653-О, Определение Конституционного Суда РФ от 19.10.2010 № 1271-О-О

⁵ Бабкин А., Юков М. Обеспечение иска. // Советская юстиция. 1975. № 16. С. 17.

⁶ Жуйков В. М., Пучинский В. К., Треушников М.К. Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации. М.: Юрист. 2003. С. 325.

Под встречным обеспечением можно понимать обеспечение требованием ответчика по двустороннему иску, притязания первоначального истца или ответчика к третьему лицу, заявляющему самостоятельные требования относительно предмета спора и т. д. Таким образом, говорить о встречном обеспечении допустимо, когда принятие обеспечительных мер направлено на защиту прав противоположной стороны по одному и тому же основанию. В гражданском процессе, в отличие от арбитражного, возможность встречного обеспечения иска со стороны ответчика не предусмотрена, а, следовательно, ответчик не может добровольно обеспечить заявленные иски.

Во-вторых, применим ли институт обеспечения иска к ситуации, когда истец, подавая иск о признании за ним права собственности на жилое помещение, добровольно вносит на счет судебного департамента денежные средства в качестве обеспечения заявленных требований?

Рассматривая данный вопрос, приведем следующий пример. Истец, предъявляя иск о признании за ним права собственности на спорное жилое помещение, вносит на депозит судебного департамента сумму, подтверждая тем самым свою платежеспособность и готовность немедленно перечислить денежные средства другой стороне в случае удовлетворения иска, когда ни ответчиком, ни судом вопрос о необходимости обеспечения исполнения решения суда не рассматривался, а обязанность по обеспечению иска возложена на истца не была. Получается, истец самостоятельно добровольно обеспечивает иск.

Можно ли данные действия истца признать реализацией института обеспечения иска и как быть в случае неудовлетворения судом заявленных исковых требований?

На наш взгляд, добровольное внесение денежных средств в качестве обеспечения иска процессуально недопустимо, поскольку данный институт согласно ст. 139 ГПК РФ требует, во-первых, заявление лица, участвующего в деле, а во-вторых, вынесения судебного постановления, то есть законодателем не предусмотрена обязанность по обеспечению иска стороной дела без рассмотрения этого вопроса судом и признания такого обеспечения необходимым в судебном определении, в зависимости от которого ставится возможность удовлетворения иска.

В параграфе 8 гл. 23 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) содержатся положения об обеспечительном платеже, посредством которого обеспечиваются обязательства, возникающие из договоров.

По нашему мнению, в указанном случае допустимо применение аналогии закона, предусмотренной ст. 6 ГК РФ к отношениям, связанным с обеспечением иска в судебном процессе.

Согласно абз. 2 п. 1 ст. 381.1 ГК РФ обеспечительный платеж может обеспечивать обязательства, которые возникнут в будущем. В силу п. 2 ст. 381.1 ГК РФ в случае ненаступления обстоятельств, обеспеченных обеспечительным платежом, обеспечительный платеж подлежит возврату.

Кроме того, обеспечение иска направлено на реализацию принципа исполнимости судебного акта в случае удовлетворения заявленных исковых требований. Соответственно, применяя аналогию закона, в случае отказа в удовлетворении исковых требований обеспечительный платеж остается не востребованным и подлежащим возврату. Но при этом возникает проблема: в каком процессуальном порядке должны быть возвращены денежные средства? В соответствии с ч. 1 ст. 144 ГПК РФ обеспечение иска может быть отменено тем же судьей или судом по заявлению лиц, участвующих в деле, либо по инициативе судьи или суда. Как мы указали, добровольное внесение денежных средств истцом не является обеспечением иска и рассматривается в качестве обеспечительного платежа, а, следовательно, для их возврата истцу не требуется определение суда.

В настоящее время возможность добровольного обеспечения исковых требований содержится в абз. 5 п. 1.2 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 10.06.1980 г. № 4 «О некоторых вопросах практики рассмотрения судами споров, возникающих между участниками общей собственности на жилой дом», из которого следует, что при разрешении споров, возникающих в связи с осуществлением участником долевой собственности преимущественного права покупки доли имущества (ст. 250 ГК РФ), необходимо учитывать, что при предъявлении такого иска истец обязан внести по аналогии с ч. 1 ст. 96 ГПК РФ на банковский счет управления (отдела) Судебного департамента в соответствующем субъекте Российской Федерации уплаченную покупателем за дом сумму, сборы и пошлины, а также другие суммы, подлежащие выплате покупателю в возмещение понесенных им при покупке дома необходимых расходов. Совершенно очевидно, что это несколько иная категория дел, однако полагаем необходимым предусмотреть возможность добровольного обеспечения иска и для других категорий гражданских дел в судах, а также отнести решение вопроса о возврате невостребованных денежных средств к компетенции судебного департамента, принятому на основании постановления суда, согласно которому истцу отказано в удовлетворении исковых требований.

Следующим дискуссионным вопросом является применение «иных мер» обеспечения иска в гражданском процессе, поскольку в ч. 1 ст. 140 ГПК указан открытый перечень мер обеспечения иска.

В последнее время в научной литературе предлагается применять такую процессуальную меру, нехарактерную для отечественного гражданского процессуального права, как «антиисковая обеспечительная мера российского суда»¹. Данная мера применяется в английском праве и представляет собой запрет ответчику, на которого распространяется юрисдикция английского суда, начинать или продолжать гражданское разбирательство в иностранном государстве или участвовать в арбитраже². При ее нарушении могут последовать меры процессуального принуждения, вплоть до уголовной ответственности за неуважительное отношение к суду. Кроме того, как отмечает Н. Эндрюс, подобная мера применяется судом исключительно в отношении стороны, а не в отношении суда иностранной компетенции.

В.В. Ярков рассматривает данную меру как эффективный способ борьбы со злоупотреблениями процессуальными правами, направленный на то, чтобы исключить конфликт компетенций разных судов и будущих судебных актов. Но допустимо ли применять ее в гражданском процессе РФ?

В ГПК РФ перечень обеспечительных мер носит открытый характер. Применение той или иной меры должно соответствовать целям обеспечения иска. На наш взгляд, применение запрета на возбуждение и продолжение стороной дела в иностранном суде может выступать гарантией достижения целей гражданского судопроизводства в Российской Федерации и предотвращения причинения ущерба сторонам дела в российском суде, следовательно, допустимо в отечественном гражданском процессе.

Необходимым шагом при введении подобной обеспечительной меры в гражданский процесс Российской Федерации является разработка критериев, согласно которым суд сможет вынести обоснованное решение о наложении такого запрета. По мнению ученых, к таким критериям могут относиться, во-первых, общие условия применения любой обеспечительной меры: срочность, временный характер, защита имущественных интересов взыскателя, соразмерность обеспечительных

¹ Ярков В.В. Применение антиисковых обеспечительных мер российскими судами: почему бы и нет? // Закон. 2014. № 8. С. 84-92.

² Эндрюс Н. Система гражданского процесса Англии: судебное разбирательство, медиация и арбитраж. М., 2012. С. 434.

мер заявленному требованию, а, во-вторых, фактические обстоятельства дела, особенности спорных материальных правоотношений, соответствие обеспечительной меры требованиям взыскателя и предмету спора¹.

Необходимость применения меры обеспечения иска в виде запрета на возбуждение или продолжение ведения гражданского дела в суде обуславливается складывающейся судебной практикой как в англо-саксонских, так и в романо-германских странах и затруднением применения судебного решения отечественного или иностранного суда относительно одного и того же предмета спора, при котором практически невозможно доказать приоритет того или иного судебного акта.

Кроме того, при анализе ст. ст. 139, 140 ГПК РФ можно сделать вывод о том, что применение данной меры не противоречит существу гражданского процессуального законодательства, а значит ее внедрение в гражданский процесс не только целесообразно, но и допустимо.

Подводя итог, стоит отметить, что обеспечение иска в гражданском процессе выступает одним из важнейших институтов, регулирующих способы защиты гражданских прав лиц, участвующих в деле. Однако законодательные пробелы, затрудняющие его практическое применение, дают основания ученым, правоприменителю и законодателю искать соответствующие пути решения. Урегулирование данного института предложенными в работе методами будет способствовать развитию и совершенствованию института обеспечения иска в гражданском процессе и способов защиты прав лиц, участвующих в деле.

Ю.С. ЖУКОВА,
Т.С. ЗАБЕЛИНА,
студентки 3 курса
Санкт-Петербургского
юридического института (филиал)
Университета Прокуратуры
Российской Федерации

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье авторы анализируют злоупотребление процессуальными правами участниками гражданского процесса. Дается определение злоупотребление процессуальным правом, указываются признаки, характеризующие институт злоупотребления правом, а также применение мер ответственности.

Ключевые слова: злоупотребление процессуальным правом, недобросовестное поведение, гражданский процесс, гражданская процессуальная ответственность.

Отсутствие в Гражданском процессуальном кодексе РФ (далее ГПК РФ) легального определения понятия «злоупотребление процессуальными правами» и его характерных признаков препятствует унификации судебной практики, что в свою очередь вызывает бурные дискуссии в современной процессуальной науке.

¹ Иванов А.А. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации. С. 320–335 (автор комментария - Н.В. Павлова); Ярков В.В. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации. С. 315 - 321 (автор комментария - В.В. Ярков); М.К. Треушников Арбитражный процесс: Учебник. М.2007. С. 282 - 286 (автор главы - С.А. Иванова).

Ни в теории, ни на практике не выработан единый подход к толкованию данного института. Так, в Постановлении Четвертого арбитражного апелляционного суда злоупотребление определяется как действия лица, нарушающие права и интересы других лиц и направленные на затягивание судебного процесса¹.

Однако данное определение можно считать не совсем корректным, так как оно не раскрывает всей сущности института злоупотребления процессуальными правами.

Иной подход выражен в определении от 14.06.2016 № 52-КГ16-4 Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, где под злоупотреблением понимаются любые негативные последствия, явившиеся прямым или косвенным результатом осуществления субъективного права². В приведенном примере правоприменитель дает широкое толкование понятия «злоупотребление процессуальными правами», исходя из которого невозможно выделить характерные признаки.

Данный институт также можно рассмотреть с позиции законодательной формулировки. В ст. 35 ГПК РФ закреплено общее положение, согласно которому лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами. Следовательно, под злоупотреблением процессуальным правом понимается нарушение права добросовестного пользования принадлежащими процессуальными правами.

По нашему мнению, наиболее точное определение рассматриваемой дефиниции дает А. В. Юдин, который под злоупотреблением процессуальными правами понимает «особую форму гражданского процессуального правонарушения, т. е. умышленные недобросовестные действия участников гражданского процесса, сопровождающиеся нарушением условий осуществления субъективных процессуальных прав и совершаемые лишь с видимостью реализации таких прав, сопряженные с обманом в отношении известных обстоятельств дела, в целях ограничения возможности реализации или нарушения прав других лиц, участвующих в деле, а также в целях воспрепятствования деятельности суда по правильному и своевременному рассмотрению и разрешению гражданского дела, влекущие применение мер гражданского процессуального принуждения»³.

Исходя из вышеизложенного, выделим следующие характерные признаки злоупотребления процессуальными правами:

недобросовестное использование предусмотренных законом гражданских процессуальных прав;

формально злоупотребление процессуальными правами выглядят как правомерные деяния;

злоупотребление процессуальными правами может осуществляться только лицами, которые участвуют в деле;

злоупотребление гражданскими процессуальными правами влечет наступление неблагоприятных последствий. Однако, стоит оговориться, что в отличие от Гражданского кодекса РФ (далее ГК РФ) ГПК РФ не предусматривает конкретных последствий за злоупотребление процессуальными правами, а только содержит нормы, которые направлены на противодействие злоупотреблению правом, в частности это нормы ст. ст. 99, 150, 159 ГПК РФ.

¹ Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 21.01.2009 № 04АП-3444/2008 по делу № А19-12083/06-24). [Электронный ресурс] // Доступ из справ. - правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.06.2016 № 52-КГ16-4. [Электронный ресурс] // Доступ из справ. - правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: дис. докт. юрид. наук. СПб.: Изд.-во юрид. фак. СПбГУ. 2009. С. 4.

Анализ судебной практики позволяет прийти к выводу, что допускается одновременное применение норм материального и процессуального права, касающихся недобросовестного поведения. Так судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда в определении от 20 января 2015 г. указывает: «действия лица в соответствии со ст. 10 ГК РФ расцениваются как злоупотребление правом, поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 35 ГПК РФ оно должно добросовестно пользоваться всеми принадлежащими ему процессуальными правами»¹.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ» также разрешается одновременное применение норм материального и процессуального права, касающихся недобросовестного поведения². В частности, только путём реализации процессуальных положений допускается установление отклоняющегося поведения участников гражданского оборота.

Тем не менее, есть противники данной позиции, которые утверждают, что несмотря на то, что прослеживается определённая взаимосвязь между гражданским правом и гражданским процессуальным правом, применение гражданско-правовых средств защиты за процессуальные злоупотребления представляется невозможным³.

Однако стоит не забывать, что одной из значимых задач гражданского судопроизводства является своевременность рассмотрения и разрешения гражданских дел, поэтому целесообразно будет согласиться с позицией Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Также на практике актуальна проблема квалификации процессуального деяния в качестве злоупотребления процессуальным правом. Согласно общей презумпции добросовестности лиц, участвующих в деле, факт злоупотребления процессуальным правом должен быть установлен и доказан, но в силу практической сложности установления злоупотребления правом лицом, участвующим в деле, суд вынужден делать вывод о недобросовестном поведении такого лица на основании предположения, что данное деяние противоречит презумпции добросовестности лиц, участвующих в деле, и нарушает их право на защиту. Тем самым суд, определяя, является ли то или иное деяние злоупотреблением правом или нет, исходит из субъективных соображений, что в принципе противоречит нормам ГПК РФ. И впоследствии данный факт является основанием для обжалования решений в вышестоящие суды.

Таким образом, можно сделать безусловный вывод, что добросовестное поведение участников гражданского судопроизводства является одним из ключевых факторов правильного и своевременного рассмотрения и разрешения гражданских дел. Достижение тех целей и задач, которые закреплены в ст. 2 ГПК РФ, возможно лишь при наличии легально закреплённых понятий «злоупотребление процессуальным правом» или «добросовестное поведение», критериев и правил, позволяющих определить, где кончается право и начинается его злоупотребление, а также мер ответственности за нарушения.

¹ Определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 20 января 2015 г. по делу № 33-1383. [Электронный ресурс] // Доступ из справ. - правовой системы «КонсультантПлюс».

² О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25. [Электронный ресурс] // Доступ из справ. - правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Бармина О. Н. Злоупотребление правом. Киров: Радуга - ПРЕСС. 2015. С.-76.

Алиев Т. Т. О гражданской процессуальной ответственности за злоупотребление процессуальными правами и обязанностями // Современное право. 2015. № 5. С. 90-93. Толмачева И. И. Актуальные проблемы гражданской процессуальной ответственности // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 8. С. 3-7.

А.А. КОЛЕСОВА
магистрант 1 курса
Санкт-Петербургского
юридического института (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

**К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ПРОКУРОРА
В ДЕЛАХ О ВОЗВРАЩЕНИИ РЕБЕНКА
ИЛИ ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ
В ОТНОШЕНИИ РЕБЕНКА ПРАВ ДОСТУПА
НА ОСНОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ДОГОВОРА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В статье рассматриваются изменения, внесенные в ГПК РФ в 2014 году – появление главы 22.2. Рассмотрение дел о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации происходит с обязательным участием прокурора, которое возможно в двух формах: обращение с заявлением в суд и вступление в процесс для дачи заключения.

Ключевые слова: Конвенция, международный договор, ребенок, гражданский процесс, прокурор.

В соответствии со ст. 38 Конституции Российской Федерации, п. 1 ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства.

В сфере защиты прав и интересов несовершеннолетних большое значение имеет проблема возникновения спора родителей относительно постоянного места проживания ребенка после развода. Особенно остро этот вопрос встает в том случае, если родители проживают в разных странах. С каждым годом растет количество браков, заключаемых между российскими гражданами и иностранцами. Так, в Москве и Московской области было зарегистрировано 13 685 таких браков за 2017 год¹.

Несомненно, такая динамика влияет на количество споров между бывшими супругами, в том числе и о детях. Примером таких споров может служить дело, рассмотренное Пятигорским городским судом Ставропольского края. Гражданин А. обратился с исковым заявлением к гражданке Б. о возвращении троих детей, незаконно перемещенных и удерживаемых в Российской Федерации. В обоснование заявленного требования истец указал, что ответчицей без его согласия было принято единоличное решение о смене места жительства их малолетних детей, которые были незаконно перемещены из Израиля в Россию. Суд удовлетворил исковые требования и предписал незамедлительное возвращение детей в страну постоянного проживания – на территорию Израиля².

Выявление большого количества фактов незаконного вывоза детей за пределы России, их невозвращения в страну, отказов одного из родителей, проживающего за пределами Российской Федерации, в обеспечении доступа другого родителя, гражданина Российской Федерации, к общению с ребенком и уча-

¹ Москвички стали чаще выходить за иностранцев [Электронный ресурс] // Российская газета. 2018. № 7495(32). URL: <https://rg.ru/2018/02/13/reg-cfo/pochemu-moskvichki-stali-chashche-vygodit-zamuzh-za-inostrancev.html> (дата обращения: 15.02.2018).

² Решение № 2-360/2017 2-360/2017(2-5815/2016;)-М-6424/2016 2-5815/2016 М-6424/2016 от 27 февраля 2017 г. по делу № 2-360/2017 [Электронный ресурс] URL: <http://sudact.ru/regular/doc/ntjO4flMd6J9/>.

стию в его воспитании обусловило необходимость создания на международном уровне универсального механизма, обеспечивающего регулирование данных отношений¹.

В настоящее время можно констатировать, что Российская Федерация ратифицировала основную часть международных договоров в этой сфере, в том числе и Конвенцию о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (далее – Конвенция), которая была принята 25 октября 1980 г. 14-й сессией Гаагской конференции по международному частному праву. Основная идея Конвенции заключается в том, что любой ребенок, который незаконно вывезен из страны обычного проживания либо удерживается вне ее, должен быть незамедлительно возвращен домой. В Российской Федерации Конвенция вступила в силу 1 октября 2011 г.

В связи с присоединением к указанной Конвенции были внесены изменения в отдельные законодательные акты Российской Федерации², в частности в Гражданский процессуальный кодекс РФ (далее – ГПК РФ), который был дополнен главой 22.2, регламентирующей производство по рассмотрению заявлений о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации.

Согласно ст. 244.12 такие дела рассматриваются и разрешаются по общим правилам искового производства с учетом особенностей, установленных международным договором Российской Федерации и главой 22.2 ГПК РФ.

В делах рассматриваемой категории в суде первой инстанции прокурор может участвовать в двух формах. Рассмотрим каждую из них.

Одной из форм участия в деле является обращение с заявлением в суд. Следует отметить, что законом прокурор отнесен к числу субъектов, которым предоставлено право на подачу заявления в суд (ч. 1 ст. 244.11 ГПК РФ).

Согласно ч. 1 ст. 45 ГПК РФ заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина может быть подано прокурором только в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд. При этом законодателем выделены определенные категории дел, по которым это условие не соблюдается, среди них – обращение граждан о защите семьи, материнства, отцовства и детства. Таким образом, прокурор может обратиться с заявлением о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа без доказательств уважительности причин того, что гражданин сам не может обратиться в суд.

Заявление может быть подано только в определенный районный суд (один суд в каждом федеральном округе). Законом определена особая родовая подсудность дел о возвращении ребенка. Н.Г. Галковская называет это своеобразной «законодательной новеллой», указывая, что до этого момента никогда еще районный суд определенного города не наделялся особыми полномочиями, отличными от полномочий иных районных судов³. Соответственно, при обращении в прокуратуру заявителя, чьи права и интересы нарушены, следует при необходимости обратиться к выше-

¹ Семина Т.А., Тригубович Н.В. К вопросу о реализации в Российской Федерации Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г. // Семейное и жилищное право. 2012. № 4. С. 2.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с присоединением Российской Федерации к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей: федер.закон Рос. Федерации от 05.05.2014 № 126-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.- правовой системы «Консультант Плюс».

³ Галковская Н.Г. Процессуальные особенности рассмотрения заявлений о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 207.

стоящему прокурору для решения вопроса об обеспечении участия прокурора в рассмотрении судом данного заявления (п. 4.2 Приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 10 июля 2017 г. № 475).

Содержание заявления о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа на основании международного договора Российской Федерации и перечень прилагаемых к нему документов должны отвечать требованиям ст. ст. 131, 132 ГПК РФ.

В ст. 8 Конвенции закреплены данные, которые обязательно должны быть указаны в заявлении о возвращении ребенка, подаваемом во внесудебном порядке:

1. Сведения о личности заявителя, ребенка, а также лица, которое предположительно похитило или удерживает ребенка;
2. Дата рождения ребенка (если заявитель располагает такой информацией);
3. Обоснование требования заявителя;
4. Вся имеющаяся информация о местонахождении ребенка и лица, с которым предположительно находится ребенок.

В этой же статье указано, что к заявлению могут быть приложены любые относящиеся к делу документы.

Такое заявление подлежит рассмотрению Центральным органом Договаривающегося государства (в России согласно Постановлению Правительства РФ от 22 декабря 2011 г. № 1097 Центральным органом является Министерство образования и науки Российской Федерации).

Прокурор, подавший заявление, пользуется всеми процессуальными правами истца и несет все процессуальные обязанности истца, за исключением права на заключение мирового соглашения и обязанности по уплате судебных расходов (ч. 2 ст. 45 ГПК РФ).

Как лицо, участвующее в деле, прокурор имеет право заявить ходатайство о применении особой обеспечительной меры – запрет ответчику менять место пребывания ребенка и временно ограничить его выезд из России до момента вступления решения суда по делу о возвращении ребенка в законную силу, предусмотренной ст. 244.13 ГПК РФ. Так же прокурору следует руководствоваться тем, что законодателем установлены сокращенные процессуальные сроки рассмотрения и обжалования решений по данной категории дел.

Второй формой участия прокурора в делах о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа является вступление в процесс для дачи заключения.

В соответствии с ч. 1 ст. 244.15 ГПК РФ, заявление о возвращении ребенка рассматривается с обязательным участием прокурора и органа опеки и попечительства. Представляется, что предписания закона об обязательном участии прокурора вызваны сложностью и спецификой указанной категории дел, а также важностью принимаемых решений для социально незащищенной группы населения – детей.

Прокурору с целью формирования грамотного, точного, законного заключения необходимо ориентироваться в международно-правовых нормах, правильно применять и толковать Конвенцию и иные относящиеся к делу международные акты, что влечет необходимость более тщательной подготовки к участию в судебном заседании.

Итак, в делах о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации прокурор может участвовать в деле в двух формах. Одновременное участие в деле в двух процессуальных формах не допускается, т.к. это противоречит принципам состязательности и равноправия сторон¹.

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Кропачевой Марины Рафаэловны на нарушение ее конституционных прав частями первой и второй статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 20.06.2006 № 251-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.- правовой системы «Консультант Плюс».

С.С. КУЗНЕЦОВ
студент 3 курса
Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета Прокуратуры
Российской Федерации

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ОСНОВАНИЙ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ

В статье на основе анализа трудов различных авторов представлена авторская классификация оснований прекращения права собственности на земельные участки.

Ключевые слова: право собственности, земельный участок, сделки с землей, основания прекращения права собственности, свидетельство о праве на наследство.

Прекращение права собственности принято рассматривать как прекращение соответствующего конкретного правоотношения. В соответствии с п. 1 ст. 235 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) право собственности прекращается при отчуждении собственником своего имущества другим лицам, отказе собственника от права собственности, гибели имущества или его уничтожении, а также при утрате права собственности на имущество в иных случаях, предусмотренных законом. При этом в п. 2 указанной статьи законодатель особо отмечает, что не допускается принудительное изъятие у собственника имущества, за исключением ряда допускаемых действующим гражданским и действующим земельным законодательством случаев – обращения взыскания на имущество по обязательствам, отчуждения имущества, которое в силу закона не может принадлежать данному лицу, отчуждения имущества в связи с изъятием земельного участка ввиду его ненадлежащего использования, реквизиции, конфискации и т. д.

Одной из особенностей права собственности на земельные участки является определенная специфика прекращения рассматриваемого права, поскольку оно обусловлено особенностями земельных участков, земли как объекта гражданских прав и, как следствие, в гораздо большей степени характеризуется синтезом гражданско-правового и земельно-правового регулирования. В частности, из ст. 44 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ) следует, что прекращение права собственности на земельные участки имеет место при отчуждении собственниками своих земельных участков другим лицам, отказе собственников от права собственности на земельные участки, а также по иным основаниям, предусмотренным гражданским и земельным законодательством.

Исходя из этого, а также из упомянутых ранее гражданско-правовых норм, касающихся оснований прекращения права собственности, можно выделить следующие основания прекращения права собственности на земельные участки.

Во-первых, добровольное отчуждение собственником своего имущества. Прежде всего, собственники земельных участков вправе, в силу п. 1 ст. 260 ГК РФ, продавать их, дарить, отдавать в залог или сдавать в аренду и распоряжаться ими каким-либо иным образом, т.е. в данном случае основанием прекращения права собственности является сделка, направленная на передачу этого права другому лицу, что будет более подробным образом рассмотрено нами далее. Кроме того, в силу ст. 236 ГК РФ и ст. 53 ЗК РФ собственники земельных участков вправе отказаться от своего права собственности. В данном случае, как отмечает С.А. Чаркин, «...прекращение правоотношений собственности влекут два правомерных юридических акта: односторонняя

сделка – подача собственником заявления об отказе в орган, осуществляющий государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним (Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии – Росреестр) и юридический акт регистрации прекращения права собственности»¹.

Во-вторых, прекращение права собственности на земельный участок лица, не совершившего никаких противоправных деяний, в публичных (общественных) интересах. В данную группу оснований прекращения права собственности входит реквизиция, а также национализация, под которой понимается принудительное изъятие земельных участков для публичных – государственных или муниципальных – нужд, что более подробным образом будет рассмотрено далее.

В состав этой группы входит процедура отчуждения имущества, которое в силу закона не может принадлежать лицу (например, если иностранному гражданину или юридическому лицу перешел по наследству земельный участок в приграничной территории, то для него разрешена только аренда). Так, Управление государственного имущества Орловской области обратилось в суд с иском к М. Гусаровс о понуждении произвести продажу трех земельных долей из земель сельскохозяйственного назначения на торгах. В суде было установлено, что М. Гусаровс, являясь лицом без гражданства и проживая в Латвии, на основании свидетельства о праве на наследство по закону произвел государственную регистрацию права общей долевой собственности на три земельные доли из земель сельскохозяйственного назначения, в то время как лица без гражданства, в соответствии со ст. 3 Федерального закона от 24.07.2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», не могут обладать земельными участками из земель сельскохозяйственного назначения на праве собственности. Поскольку М. Гусаровс в течение года с момента возникновения у него права собственности не произвел отчуждение земельных долей, что вытекает из ч. 1 ст. 5 указанного нормативно-правового акта, суд, рассмотрев материалы дела, удовлетворил иск Управления государственного имущества Орловской области².

Подобные решения были приняты и в ряде иных аналогичных случаях, в частности, по иску Комитета по управлению имуществом Курской области к В.В. Лукашеву о понуждении к продаже доли в праве общей долевой собственности на земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения на торгах, поскольку В.В. Лукашев, являясь иностранным гражданином, получил в составе наследства долю в праве общей долевой собственности на земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения и не произвел ее отчуждения в течение года с момента возникновения права собственности³.

В-третьих, прекращение права собственности на земельные участки как санкция за земельные правонарушения. Как отмечает в связи с этим С.А. Чаркин, «...в отличие от всех остальных случаев здесь имеет место не регулятивное, а охранительное правоотношение»⁴. Основаниями прекращения права собственности, входящими в данную категорию, является принудительное прекращение права собственности посредством изъятия земельного участка, который не используется по целевому назначению (ст. 284 ГК РФ), а также то, которое используется с наруше-

¹ Чаркин С.А. О некоторых проблемах правового регулирования прекращения права частной собственности на земельные участки // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2012. № 5. С.79.

² Решение Хотынецкого районного суда Орловской области от 03.06.2013 г. по делу № 2-47/2013 // РосПравосудие: [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 25.02.2018).

³ Решение Хомутовского районного суда Курской области от 31.01.2014 г. по делу № 2-5/14 // РосПравосудие: [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 27.02.2018).

⁴ Чаркин С.А. О некоторых проблемах правового регулирования прекращения права частной собственности на земельные участки // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2012. № 5. С.79.

нием действующего земельного законодательства (ст. 285 ГК РФ). Иными словами, данные основания следуют за нарушение обязанностей, возлагаемых действующим земельным законодательством на собственников земельных участков, однако «...эту процедуру нельзя смешивать с конфискацией, поскольку после реализации земельного участка с торгов его бывшему собственнику выплачивается полученная сумма за вычетом расходов на проведение публичных торгов»¹.

Вполне очевидно, таким образом, что основания прекращения права собственности на земельные участки могут быть определены как юридические факты, направленные на прекращение соответствующего правоотношения. При этом основания прекращения права собственности на рассматриваемый объект гражданских прав могут быть подразделены на две категории, подразумевающие добровольное и принудительное прекращение права собственности, а принудительное прекращение права собственности, в свою очередь, может быть подразделено на прекращение в публичных (общественных) интересах и прекращение в качестве санкции за совершение земельных правонарушений. При этом С.А. Чаркин, например, определяет принудительное прекращение права собственности на земельные участки как «...относительное правоотношение, направленное на принудительное прекращение права частной собственности на земельный участок и возникновение права публичной собственности на него по причине необходимости такого участка для осуществления государственных или муниципальных нужд после справедливого и полного возмещения расходов»².

В контексте особенностей прекращения права собственности на земельные участки, упомянутых нами выше, интересной представляется точка зрения А.П. Варнавского и В.В. Булгакова, вполне справедливо замечающих, что как действующее гражданское, так и действующее земельное законодательство содержат в себе нормы, регламентирующие одни и те же отношения, в частности, прекращение права собственности. При этом, как отмечают ученые, «...при выборе нормы той или иной отрасли права необходимо понять, на каком принципе основано правоотношение: власти и подчинения или юридическом равенстве сторон»³. Представляется, что данная точка зрения является не вполне верной, поскольку применительно к прекращению права собственности на земельные участки имеет место синтез гражданско-правовых и земельно-правовых норм, которые, в целом, не противоречат друг другу. Так, например, действующее гражданское законодательство, допуская такое основание прекращения права собственности на земельные участки, как изъятие для государственных или муниципальных нужд, в п. 1 ст. 279 ГК РФ адресует к действующему земельному законодательству, в котором установлены случаи и порядок такого изъятия.

Таким образом, основания прекращения права собственности на земельные участки могут быть определены как юридические факты, направленные на прекращение соответствующего правоотношения, и могут являться добровольными, включающими в себя сделки и отказ от права собственности, а также принудительными, посредством которых реализуется публичный интерес и которые включают в себя изъятие земельного участка для государственных и муниципальных нужд, изъятие земельного участка в связи с совершением собственником земельного правонарушения, конфискацию и т.д.

¹ Самохина А.Н. Возможность прекращения права собственности в принудительном порядке // Таврический научный обозреватель. 2017. № 3-1 (20). С.106.

² Чаркин С.А. О некоторых проблемах правового регулирования прекращения права частной собственности на земельные участки // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2012. № 5. С. 86.

³ Варнавский А.П., Булгаков В.В. Основания прекращения права собственности на земельные участки: критерии разграничения предметов регулирования гражданского и земельного права // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 3-7. С. 80.

Е.Ю. ЛАБУТОВА,
А.А. НЕКРАСОВА
студентки 3 курса
Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета Прокуратуры
Российской Федерации

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассмотрен институт медиации в аспекте современного подхода законодателя, выявлен ряд актуальных причин неэффективности и непопулярности института медиации. Предложены варианты решения возникающих проблем, которые могли бы повысить эффективность данного института и распространить опыт его использования.

Ключевые слова: медиация, альтернативная процедура, проблемы развития, законопроект, перспективы.

За последние десять лет процедура медиации получила широкое распространение по всему миру. Необходимость внедрения такой процедуры в российское право вызвана перегруженностью судебной системы и продолжительными сроками судебной защиты нарушенных прав.

В Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2007-2012 годы указывалась необходимость внедрения в правовую действительность институтов, касающихся применения альтернативных способов разрешения споров, как обязательных досудебных процедур урегулирования некоторых видов конфликтов, которые позволят снизить нагрузку на судей и, как следствие, сэкономят бюджетные ресурсы и повысят качество осуществления правосудия¹.

В целях выполнения задач, указанных в программе, и началось постепенное внедрение медиации в России.

Значение медиации, как альтернативного способа урегулирования споров, нам видится в том, что данный институт в перспективе дает возможность создать условия для снижения конфликтности общества, а также выступает гарантом конституционного права на судебную и иную защиту. К тому же, большинство участников гражданского оборота привыкли решать свои правовые конфликты в судах, поэтому применение альтернативных способов разрешения споров остается актуальным.

Процедура медиации согласно ст. 2 ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» – это способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения.²

Стоит сказать, что с помощью медиации могут разрешаться споры, возникающие из гражданских правоотношений, а также из семейных и трудовых (за исключением коллективных трудовых споров).

К примеру, А.С. Карпенко, отвечая на вопрос, в каких сферах посредничество приживется быстрее, пояснил, что, по его мнению, в России оно приживется сначала там, где больше самостоятельной ответственности и меньше зависимости в

¹ О Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2007-2012 годы : постановление Правительства РФ от 21.09.2006 № 583 // Российская газета. 2006. № 245.

² Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : Федеральный закон от 27.07.2010 №193-ФЗ // Российская газета. 2010. № 168.

принятии решений, а именно – в разрешении межличностных конфликтов между родственниками, соседями и друзьями или разногласий в бизнесе.¹

Процесс интеграции медиативной практики в правовую действительность нашей страны характеризуется достаточной сложностью.

Основными проблемами института медиации на сегодняшний день являются: несовершенство нормативной базы регулирования процедуры медиации в России; недоверие к медиации целевой аудитории; непопулярность, которая оправдывается новизной такой процедуры; отсутствие квалифицированных кадров профессионалов-медиаторов.

Рассмотрим наиболее важный, на наш взгляд, вопрос – несовершенство нормативной базы регулирования медиации.

Закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» был принят в 2010 году для реализации Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России» на 2007-2012 годы. В настоящий момент он является основой правового регулирования института медиации в нашей стране. Также данная процедура регулируется процессуальным и трудовым законодательством, в которые были внесены соответствующие изменения в связи с принятием данного закона.

В нормативной базе на данный момент существует достаточно много пробелов. Так, Н.Ю. Шелковая отмечает, что остался неразрешенным законодателем вопрос о круге лиц, участвующих в процедуре медиации², а Я.В. Трофимов высказывает ряд замечаний о неопределенности правовой природы медиации, а также о противоречиях законодательства, регулирующего медиацию.³

Действительно, закон сравнительно новый и требующий дальнейшего развития и совершенствования, впрочем, как и остальное законодательство, регулирующее медиацию. В настоящее время уже имеется проект Федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации», в котором предполагается, что нотариус сможет выступать медиатором.⁴ Также на рассмотрение Государственной Думы РФ поступил законопроект № 290871-7⁵, в котором конкретизируются некоторые вопросы процедуры медиации.

В отношении проблемы недоверия целевой аудитории к процедуре медиации, стоит сказать, что в России отсутствие традиции прибегать к услугам подобных специалистов – это сложившийся исторический аспект. Целевой аудиторией в данном случае выступают потенциальные стороны медиативной процедуры, то есть стороны конфликта, который решается посредством привлечения профессионала-медиатора.

Но все-таки стоит для начала выяснить, почему происходит такое сопротивление внедрению медиации? В первую очередь, на наш взгляд, это именно психологические, эмоциональные установки. Они вызваны страхом новизны, неготовностью адаптироваться к таким изменениям, возможно также подсознательная

¹ Интервью Карпенко А.С. Медиация – понять, принять и применять // Вестник Арбитражного суда города Москвы. 2008. № 5. С.15.

² Шелковая Н.Ю. Медиация в России // Актуальные проблемы права и управления глазами молодежи. 2013. С. 194-196.

³ Трофимов Я.В. Современное развитие медиации в Российской Федерации: правовые или неправовые принципы составляют ее основу? // Вопросы цивилистической науки и современность. 2013. С. 76-80.

⁴ О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации : проект Федерального закона (подготовлен Минюстом России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 17.09.2013). ст. 257.

⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования медиативной практики : проект Федерального закона № 290871-7 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 19.10.2017) // Доступ из системы обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/>

неуверенность в своих и других людей способностях. Но и нельзя сказать, что медиативная практика несовместима с особенностями российского менталитета, потому что нельзя разделять страны на те, в которых идея внедрения медиации перспективна, и те, где она не может быть эффективна ввиду особенностей ментальности и культуры.

Позволим предложить следующие пути, направленные на решение этой проблемы:

- активизация просветительская деятельность, которая позволит трансформировать понятие медиации из чужого и неизвестного в более знакомое и простое;
- информация должна исходить из авторитетных источников;
- возможно также принятие решения о создании единого органа федерального значения, который бы регулировал медиативные отношения на территории всей страны, и закрепить его деятельность законодательно;
- активное использование метода вовлечения.

Переходя к следующей проблеме, следует заметить, что Верховный суд РФ отмечает непопулярность медиации. Так за период с 2013 по 2014 год медиация после возбуждения производства по делам, рассматриваемым судами общей юрисдикции, использовалась в 24 регионах, а после возбуждения производства по делам, рассматриваемым арбитражными судами, – в 15 регионах. При этом медиаторы для проведения процедуры медиации непосредственно в здании суда привлекались судами общей юрисдикции в 14 регионах, а арбитражными судами – в 7 регионах.¹ Это достаточно низкий показатель с учетом того, что в России 85 регионов.

В 2015 году ситуация ухудшилась. Так путем проведения медиации споры были урегулированы в 1 115 делах (0,007% от числа рассмотренных), а в 2014 году споры с помощью медиации были урегулированы в 1329 делах (0,01% от числа рассмотренных).²

Очевидна непопулярность медиации. Суды объясняют это в том числе тем, что процедура относительно нова, практика использования медиации не распространена, стороны не осведомлены о ней, а также низким уровнем правовой культуры.³

Одной из наиболее важных проблем является отсутствие квалифицированных кадров медиаторов профессионалов. Чем же она обусловлена? Опять-таки несовершенством нормативно-правовой базы и отсутствием должной просветительской работы. Здесь же стоит сказать, о том, что практически сразу после принятия Федерального закона, регулирующего процедуру медиации, вступил в силу Приказ Минобрнауки РФ от 14.02.2011 №187 «Об утверждении программы подготовки медиаторов», но 22 мая 2017 года он утратил силу. Сделано это было в целях приведения нормативных правовых актов Министерства образования и науки РФ в соответствие с законодательством РФ.

Однако 26 октября 2017 года на рассмотрение Государственной Думы РФ поступил законопроект № 290871-7, в котором предлагается ужесточить требования к медиаторам и расширить само применения медиации в Российской Федерации, в частности, предлагается осуществлять медиативную деятельность «только на профессиональной основе», при этом автор законопроекта ссылается на то, что нередко случаи злоупотребления статусом непрофессионального «медиатора» для

¹ Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за период с 2013 по 2014 год. // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

² Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за 2015 год. // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

³ Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за период с 2013 по 2014 год // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

решения частных задач адвокатами одной из сторон спора. Цель данного законопроекта – прекратить дискредитировать институт мировых соглашений из-за получения клиентами некачественных услуг. К тому же, медиаторами смогут быть только граждане от 25 лет, не имеющие судимости, имеющие высшее образование. Для осуществления такой деятельности им придется пройти дополнительную профессиональную подготовку, программы такой подготовки будут разработаны и утверждены Правительством РФ.

По нашему мнению, такой законопроект направлен на совершенствование деятельности медиаторов, что должно привести к созданию определенного корпуса квалифицированных профессионалов-медиаторов и популяризации данного института.

Проблем с реализацией института медиации в условиях России на данный момент достаточно много. Решение их видится, в первую очередь, в создании прочной нормативно-правовой основы, не противоречащей остальному законодательству, не пестрящей пробелами, а позволяющей воплотить в жизнь идеи медиации. Например, можно обязать стороны конфликта по ряду категорий дел (например, расторжение брака) прибегать к услугам медиатора как к обязательной досудебной процедуре урегулирования конфликта. Безусловным исключением должны являться только дела таких категорий, в которых обязательно участие прокурора, органа государственной власти или органа местного самоуправления. Также целесообразно привлекать отставных судей к осуществлению данной процедуры.

Вторым немаловажным путем решения проблем внедрения медиации является просвещение граждан относительно содержания и эффективности данной процедуры, что может быть реализовано в рамках публикаций в СМИ, социальной рекламы, а также с помощью иных информационных порталов.

И.В. МОРОЗОВ

студент 3 курса

Санкт-Петербургского

юридического института (филиала)

Университета Прокуратуры

Российской Федерации

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА САМОЗАНЯТЫХ ГРАЖДАН

Статья посвящена проблемам правового регулирования статуса самозанятых граждан в РФ. Исследуются новеллы законодательства в указанной сфере. Намечены возможные пути легализации деятельности самозанятых граждан.

Ключевые слова: самозанятые граждане, индивидуальный предприниматель, предпринимательская деятельность, правовой статус, налоговые каникулы.

Переход Российского государства к новой экономической модели в начале 1990-х годов прошлого века и отказ от всеобщей обязательности труда создал благоприятную среду для экономической активности граждан в различных сферах предпринимательской деятельности. Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ) зафиксировал право граждан заниматься указанной деятельностью при условии государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя (ч. 1 ст. 23 ГК РФ)¹.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. ст. 3301

Одновременно с этим ГК РФ определил пределы ответственности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без соответствующей регистрации. Такие лица не вправе ссылаться в отношении заключенных ими сделок на то, что они не являются предпринимателями (ч. 4 ст. 23 ГК РФ). Таким образом, суд при возникновении гражданско-правовых споров может применить к сделкам таких граждан нормы ГК РФ, регулирующие сделки предпринимателей. Однако значительная часть экономически активного населения страны не спешила делиться с государством своими доходами и продолжала заниматься различными видами предпринимательства, минуя обязательные процедуры.

Борьба государства с незаконным предпринимательством посредством санкций, предусматривающих административную и уголовную ответственность (ст. 14.1 КоАП РФ, ст. 116 НК РФ, ст. 171 УК РФ), также не достигла желаемого результата. Число граждан, фактически осуществлявших предпринимательскую деятельность без регистрации, неуклонно росло и на начало 2016 г. составило по различным данным от 15 до 20 млн. человек¹.

По мнению А.В. Бурлак, в настоящее время «отсутствует как легальное определение самозанятых граждан, так и единообразное доктринальное понимание, группа внутренне неоднородна и имеет тенденцию к расширению»².

Идея легализации самозанятого населения, которое выполняет работы или оказывает услуги без привлечения наемного труда, неоднократно высказываемая Президентом и Правительством РФ, начала реализовываться в ноябре 2016 г. Минфин подготовил поправки в Налоговый кодекс РФ – законопроект № 11078-7 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса РФ и отдельные законодательные акты РФ». Данный законопроект закрепил освобождение от уплаты налогов и страховых взносов некоторых категорий граждан, к которым относятся лица, оказывающие услуги по присмотру и уходу за детьми, больными и пожилыми гражданами старше 80 лет, услуги по уборке жилых помещений и ведению домашнего хозяйства, а также те, кто занимается репетиторством. Указанные предложения вошли в Федеральный закон от 30.11. 2016 г. № 401-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В ст. 217 НК РФ внесены поправки, касающиеся освобождения от уплаты налога на доходы физических лиц (НДФЛ) граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями и осуществляющих указанные выше виды деятельности без привлечения наемного труда. Предполагается, что законом субъекта РФ перечень услуг может быть расширен. Поправки внесены и в ст. 422 НК РФ – доходы самозанятых граждан освобождаются от обязательных страховых взносов.

Необходимо отметить, что налоговые каникулы установлены законом на период с 2017 по 2018 г. Для того, чтобы воспользоваться льготным правом, необходимо уведомить налоговый орган в соответствии с правилами, установленными п. 7.3. ст. 83 НК РФ. Таким образом, самозанятые граждане, не являющиеся индивидуальными предпринимателями и оказывающие без привлечения наемного труда услуги физическому лицу для личных, домашних или иных подобных нужд, должны встать на учет по месту жительства (месту пребывания). В случае же прекращения такой деятельности необходимо также подать уведомление в любой налоговый орган для снятия с учета в качестве самозанятого физического лица.

¹ Двадцать тысяч на все // Российская газета: [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2015/10/13/patent.htm> (дата обращения: 29.10.2017).

² Бурлак А.В. Социальное обеспечение самозанятых граждан: законодательные новеллы // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 3 (52). С. 128–130.

Соответствующие изменения были внесены и в ГК РФ. Федеральный закон от 26.07.2017 г. № 199 ФЗ «О внесении изменений в статьи 2 и 23 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» освободил самозанятых граждан от обязанности проходить государственную регистрацию и получать статус индивидуального предпринимателя. В ст. 23 ГК РФ добавлен новый пункт следующего содержания: «В отношении отдельных видов предпринимательской деятельности законом могут быть предусмотрены условия осуществления гражданами такой деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя».

Вышеназванные изменения в законодательстве должны сделать деятельность миллионов экономически активных граждан законной без необходимости сбора и подачи множества различных документов. Таким образом, законодатель предпринял попытку заинтересовать реальных и потенциальных самозанятых граждан в осуществлении деятельности на законных основаниях в упрощенном порядке.

Следующим этапом на пути к легализации самозанятых граждан должно стать легальное определение данной категории лиц. Пока законодатель такого определения не дает. Можно лишь, опираясь на уже существующие изменения в законодательстве, определить критерии, по которым лицо должно быть отнесено к самозанятым гражданам. Во-первых, это физическое лицо, причем возраст, с которого лицо может быть поставлено на учет в качестве самозанятого в законодательстве, не определен. Во-вторых, это лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, то есть деятельность, направленную на систематическое получение прибыли. В-третьих, деятельность гражданина основана на личном трудовом участии без привлечения наемных работников. В-четвертых, это деятельность по выполнению работ и оказанию услуг физическим лицам. И, в-пятых, лицо не должно быть зарегистрировано в качестве индивидуального предпринимателя.

Необходимо признать, что данные критерии не позволяют четко отличать самозанятых граждан от индивидуальных предпринимателей, осуществляющих те же виды деятельности без привлечения наемного труда. Очевидно также различие в правовом статусе указанных лиц, поскольку индивидуальные предприниматели не могут пользоваться налоговыми каникулами, которые предусмотрены НК РФ для самозанятых граждан. Кроме того, проблема социального обеспечения самозанятых граждан остается нерешенной, так как в 2017–2018 гг. у таких граждан, уведомивших налоговые органы о начале своей деятельности, не будут формироваться пенсионные права, не будет происходить и зачёт этого периода в страховой стаж, необходимый для приобретения права на будущую пенсию. В таком случае, гражданину выгоднее осуществлять деятельность на основании трудового либо гражданско-правового договора.

Следует учитывать также и тот факт, что по истечении двухлетнего периода, предусматривающего льготный налоговый режим и освобождение от уплаты страховых взносов, данные граждане переходят на обычную систему уплаты налогов и взносов. Более того, они будут вынуждены или прекратить свою деятельность, или получить статус индивидуального предпринимателя и воспользоваться патентной системой налогообложения либо режимом единого налога на вменённый доход, продлённым до 1 января 2021 г.

Всё вышесказанное дает основание утверждать, что правовое положение самозанятых граждан остается весьма неопределенным. Об этом свидетельствуют и статистические данные по состоянию на 1 октября 2017 г., представленные ФНС. Количество граждан, подавших уведомления в налоговые органы об осуществлении предпринимательской деятельности, отвечающей указанным критериям, составило 559 человек.

Представляется, что решение проблемы правового регулирования деятельности самозанятых граждан невозможно без легального определения данной категории лиц и четкого разграничения самозанятых граждан и индивидуальных предпринимателей. Необходимо также закрепить социальные гарантии самозанятых граждан и определить их правовой статус после завершения налоговых каникул. Только после этого можно будет выработать механизмы контроля и привлечения к ответственности граждан, осуществляющих указанные виды деятельности без уведомления налоговых органов, включив соответствующие положения в НК РФ, КоАП РФ и УК РФ.

И.В. ПАВЛЕНКО

магистрант 1 курса
Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета Прокуратуры
Российской Федерации

ПУБЛИЧНЫЙ ИНТЕРЕС КАК ПРЕДМЕТ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматривается проблема толкования правовой категории «публичный интерес» как предмета правовой защиты в гражданском процессе. Автором выявлена и обоснована актуальность рассматриваемого вопроса на одном из примеров практики судебных органов, отмечена особая роль участия прокурора в гражданском процессе по категориям делам, указанным в ст. 45 ГПК РФ. Проведенным исследованием дано собственное толкование анализируемого понятия. Выявлены субъекты, определенные случаи участия которых в гражданском процессе рассматриваются как заявление требований публичного характера. Автор делает вывод о том, что публичный интерес представляет собой субъективную оценочную категорию, содержание которой определяется судебными органами при рассмотрении конкретного дела.

Ключевые слова: гражданский процесс, прокурор, органы государственной власти, публичный интерес, защита, ГПК РФ.

В гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ) законодателем закреплены общие нормы об участии органов государственной власти и прокурора в гражданском процессе, но вместе с тем не используется такая правовая категория, как «публичный интерес», однако же, данное понятие упоминается в других статьях кодекса, и при этом его содержание не раскрывается.

Основаниями для отмены или изменения постановлений суда в кассационном порядке являются существенные нарушения норм материального или процессуального права, которые повлияли на исход дела, и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан, а также защита охраняемых законом публичных интересов (ст. 387 ГПК РФ). Также, для отмены или изменения постановлений суда в порядке надзора одним из оснований выступает нарушение прав и законных интересов неопределенного круга лиц или иных публичных интересов (п. 2 ст. 391.9 ГПК РФ).

Пробелы в гражданском процессуальном законодательстве порождают определенные сложности, как в деятельности судебных органов, так и прокурора, и органов власти.

В качестве примера может служить конкретная ситуация: межрайонным прокурором направлено в суд исковое заявление в интересах Российской Федерации в лице Территориального фонда ОМС Ивановской области к ОБУЗ «Центральная районная больница» о возмещении денежных средств фонду, мотивированные нецелевым расходованием денежных средств. Судом первой инстанции производство по делу прекращено со ссылкой на то, что прокурору законом не предоставлено право на обращение в суд с таким заявлением в интересах Территориального фонда обязательного медицинского страхования. Суд апелляционной инстанции удовлетворил представление прокурора, указав, что территориальный фонд является некоммерческой организацией, созданной субъектами Российской Федерации для реализации государственной политики в сфере медицинского страхования на территориях субъектов Российской Федерации, а предъявленные иски прокурора имеют цель защиты государственных интересов, поскольку средства государственных внебюджетных фондов входят в бюджетную систему Российской Федерации и основаны на ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, предоставляющей право на обращение в суд в защиту законных интересов Российской Федерации¹.

Вышеприведенный пример особенно ярко раскрывает актуальность рассматриваемой проблемы, поскольку требования прокурора, предъявляемые в защиту интересов государства, неопределенного круга лиц, социального незащищенных граждан, в целом в защиту публичных интересов, могут остаться без рассмотрения по одному лишь основанию – отсутствие полномочий на предъявление подобных исков. Стоит отметить, что прокуратура в лице ее сотрудников представляет собой единственный орган, который имеет возможность осуществить подобную защиту при неэффективности деятельности органов государственной власти.

Возвращаясь к вопросу толкования понятия «публичные интересы», необходимо отметить, что на сегодняшний день практика деятельности, как Верховного суда Российской Федерации, так и Конституционного Суда РФ отчасти выработала позиции по отдельным вопросам рассматриваемой правовой категории, но и они, в свою очередь, являются дискуссионными.

Так, в одном из своих постановлений Конституционный Суд Российской Федерации прямо указывает на то, что защита интересов публично-правовых образований «является проявлением именно публичного интереса, потому что они в любом случае выступают выразителями интересов всего народа»². При этом Конституционный Суд Российской Федерации указывает только лишь на защиту интересов публично-правовых образований, не отмечая иных субъектов, перечисленных в ч. 1 ст. 45 ГПК РФ.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части Гражданского кодекса Российской Федерации» по поводу содержания публичного интереса касательно сделок указал, что применительно к статьям 166 и 168 ГК РФ под публичными интересами, в частности, следует понимать интересы неопределенного круга лиц, обеспечения безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды. При этом Верховным Судом Российской Федерации акцентируется внимание на сфере общественных отношений применения рассматриваемой правовой категории «публичные интересы», что говорит о невозможности использования данного толкования применительно к ГПК РФ.

¹ Васильчикова Н.А. Защита прокурором публичных интересов в гражданском процессе // Криминалист. 2016 № 2 (19). С. 86-90.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2011 № 20-П // Российская газета. 2011. 12 авг. № 177.

Особую сложность вызывает именно выявление в гражданском процессуальном праве публичного интереса. С.Л. Дяттеревым высказывается мнение, что рассматриваемая правовая категория проявляется при разрешении судом конкретного дела¹. Данная мысль подтверждается тем, что в гражданском процессе юридический интерес выступает в качестве необходимой предпосылки для реализации субъективного права на судебную защиту, а это означает, что реализация права на судебную защиту – проявление публичного интереса.

Предусмотренная российским гражданским процессуальным законодательством конструкция «публичные интересы» заставляет задуматься над вопросом: каким образом именно нарушение публичного интереса является основанием для пересмотра судебного акта, который затрагивает права конкретных участников дела? Не дает разъяснения по данному вопросу и Конституционный Суд².

Е.И. Алексеевской высказывается мнение, что элементом публичного интереса в гражданском процессе является обеспечение единства применения, а также толкования норм права при разрешении аналогичных дел – так называемое единство судебной практики³. Но, на наш взгляд, единство судебной практики не может являться составляющей «публичных интересов», в виду того что интересы данного единства могут преследоваться совершенно разные – от восполнения пробелов законодательства при применении норм до банального повышения показателей деятельности судебных органов, т.е. уменьшения количества отмененных судебных актов.

Стоит согласиться с позицией А.Ю. Томилова, который полагает, что «публичные интересы» представляют собой интерес правосудия – субъективную оценочную категорию, содержательная часть которой должна определяться судебной властью (а не должностными лицами), в чьих дискреционных полномочиях и находится функция соотнесения интереса с правом⁴. Но, по мнению ученого, интересы правосудия представляют собой режим законности и укрепления правопорядка (что является абстрактными понятиями). Представляется, наиболее оправданным является использование правовой конструкции «публично-правовые споры», предложенную Ю.А. Тихомировой, под которой понимаются «установленная законом процедура рассмотрения уполномоченными органами притязаний публичного (общественного) характера»⁵.

В настоящий момент, в связи с исключением из Гражданского Процессуального Кодекса РФ подраздела III о производстве по делам, возникающим из публичных правоотношений, публичный характер требований проявляется в случае участия в деле государственных органов, органов местного самоуправления (ст. ст. 46, 47 ГПК РФ) и прокурора (ч.1 ст. 45 ГПК РФ). И в исковом производстве, например, в целях защиты прав, свобод и законных интересов других лиц происходит трансформация частного интереса в публичный⁶.

¹ Дяттерев С.Л. Некоторые элементы механизма реализации судебной власти в гражданском судопроизводстве // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / Под ред. Л.Ф. Лесницкой, М.А. Рожковой. М.: Статут. 2008. С. 35.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 № 2-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 1.

³ Алексеевская Е.И. Реализация публичных интересов на стадии производства в суде надзорной инстанции в гражданском процессе // Журнал российского права. 2010. № 3. С. 81.

⁴ Томилов А.Ю. Публичный интерес в гражданских делах // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 36. С. 60.

⁵ Тихомиров Ю.А. Публично-правовые споры // Право и экономика. 1998. № 6. С. 8 – 15.

⁶ Крайнова Анна Владимировна Проблемы защиты неопределенного круга лиц в гражданском процессе // Вестник ПензГУ. 2017. №2 (17). URL: <https://cyberleNsiNka.ru/article/N%/problemy-zaschity-N%eopredeleN%N%ogo-kruga-lits-v-grazhdanN%skom-protsesse> (дата обращения: 01.03.2018).

Как указывают некоторые авторы, при этом перечисленные субъекты выступают «проводниками публичных интересов»¹, хотя их участие и представляет собой выполнение должностных обязанностей.

Налицо проявляется защита публичных интересов при участии прокурора или органов власти в защиту, например, недееспособных лиц (в литературе используется термин «защита безгласного интереса»), что выражается, во-первых, в оказании правовой защиты заведомо слабой стороны, а во-вторых, в интересе самого общества в оказании такой помощи в силу одного из принципов, закрепленных Конституцией РФ о возможности каждого обратиться за судебной защитой.

И упомянутое постановление Конституционного Суда РФ², и правила формальной логики подсказывают, что представление интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований также выражает публичность защищаемого интереса, так как указанные субъекты сами по себе являются представителями интересов народа.

Стоит отметить, что правовая категория государственного интереса публично-правового образования может быть рассмотрена в нескольких аспектах, поскольку имеет двойственную природу: как носителя властных полномочий, публичный интерес которого проявляется в защите интересов законности, как основы функционирования общества, и как собственника имущества – как участника гражданского оборота в лице его соответствующих органов.

Исковая форма защиты неопределенного круга лиц – «такого круга лиц, который невозможно индивидуализировать (определить), привлечь в процесс в качестве истцов..., решить вопрос о правах и обязанностях каждого из них при разрешении дела»³, также является проявлением публичного интереса в той мере, поскольку в ходе судебного разбирательства может быть затронут законный интерес всех и каждого.

Интересна изменившаяся практика Верховного суда РФ по рассмотрению подобных споров. Так, определением Верховного суда РФ было отменено решение нижестоящего суда по иску прокурора об обязании провести специальную оценку условий труда рабочего места в защиту неопределенного круга лиц с обоснованием, что трудовые отношения в соответствии с ТК РФ возникают между работником и работодателем на основании трудового договора, а потому лица, которые не заключили трудовой договор с работодателем, не могут быть отнесены к числу работников, и, следовательно, до поступления на работу их права не могут быть нарушены.⁴

По нашему мнению, выступление государственных органов или прокурора в защиту социальных прав граждан является достаточно условным проявлением публичного интереса. Скорее же, данный случай отражает неразвитость отдельных институтов общества, как, например, бесплатная юридическая помощь⁵. Стоит согласиться с Т.Ю. Каревой, которая отмечает, что институт защиты «чужих» интересов

¹ Тарабрин Д. Баланс частноправовых и публично-правовых начал в гражданском и арбитражном процессах // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 11. С. 7.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2011 № 20-П // Российская газета. 2011. 12 авг. № 177.

³ Салахутдинова Г.И. "Публичный интерес", "интересы неопределенного круга лиц" и "государственные интересы" как основание для обращения прокурора в суд // Законность. 2010. № 12. С. 33.

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 20.11.2017 г. по делу № 25-КГ17-28 // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [М., 2018].

⁵ Соколова Оксана Геннадьевна Неопределенный круг лиц: некоторые вопросы реализации права на обращение в суд // Вестник СПЮА. 2016. №6 (113). URL: <https://cyberleN°iN°ka.ru/article/N°/N°eopredeleN°N°yy-krug-lits-N°ekotorye-voprosy-realizatsii-prava-N°a-obrascheN°ie-v-sud> (дата обращения: 01.03.2018).

является экстраординарной формой защиты для исключительных случаев, в общем же порядке частные интересы должны быть защищены в гражданском процессе их носителями самостоятельно или же с помощью института представительства¹.

Таким образом, проведенным исследованием юридических норм и научной литературы установлено следующее: публичный интерес как предмет судебной защиты представляет собой субъективную оценочную категорию, содержание которой определяется судебными органами при рассмотрении конкретного дела, в общем виде представляющая собой осознанную потребность, обусловленную конкретным положением общества в государстве. Публичный интерес представляет собой родовое понятие к терминам общественный и государственный интерес, а предметом рассматриваемой категории является определенное общественное благо.

А.А. РУЖАНОВА

магистрант 1 курса
Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета Прокуратуры
Российской Федерации

ЭЛЕКТРОННАЯ КОММЕРЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ТОВАРОВ

В статье проводится анализ законодательства России и ряда зарубежных стран с целью определения места электронной коммерции в системе гражданских правоотношений с участием потребителей. Рассматриваются проблемы, связанные с обеспечением безопасности товаров, продаваемых посредством сети Интернет, а также проблемы защиты прав потребителей-участников электронной коммерции.

Ключевые слова: электронная коммерция, сеть Интернет, безопасность товаров, угроза жизни и здоровью, защита прав потребителей.

Появление Интернета, интеграция телекоммуникационных связей в жизнь человека привели к появлению нового сектора экономики, именуемого электронной коммерцией. Электронная коммерция набирает обороты, что подтверждается статистическими показателями. Федеральной службой государственной статистики отмечено значительное увеличение доли продаж через Интернет в общем объеме оборота розничной торговли². В денежном соотношении объемы рынка на 2017 год составляют более 800 млрд. руб., что составляет прирост на 23 % по сравнению с 2011 годом. Интернет трансформируется из средства связи в полноценную торговую площадку, виду чего электронная коммерция стала самостоятельной, активно развивающейся отраслью.

Специальный нормативно-правовой акт, регулирующий отношения между субъектами электронной коммерции в Российской Федерации, отсутствует, как и само определение понятия электронной коммерции. Отсутствие законодательного закрепления понятия электронной коммерции порождает несомненные трудности в определении ее правовой сущности и отграничения от других видов торговли без непосредственного контакта продавца с покупателем.

¹ Карева Т.Ю. Участие в гражданском процессе лиц, выступающих в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб. 2005. С. 8.

² Доля продаж через Интернет в общем объеме оборота розничной торговли в 2014 году составила 0,7 %, в 2015 году – 0,9 %, в 2016 году – 1,1 %, в 2017 увеличилась до 1,5 %.

Обратимся к дефинициям, которыми характеризуется электронная коммерция в зарубежном законодательстве и международных актах.

Так, правовое регулирование электронной торговли в Великобритании представлено «Законом о продаже товаров» 1979 года, «Законом об охране прав потребителей» 1986 года, «Положением о защите прав потребителей (дистанционная продажа)» 2000 года, «Правилами электронной торговли» 2002 года, «Законом о цифровой экономике» 2017 года. Понятие электронной коммерции раскрывается через дефиницию «коммерческая связь», под которой понимается информация в любой форме, предназначенная прямо или косвенно для продвижения товаров, работ, услуг от одного человека (преследующего коммерческую, промышленную или иную цель) к другому, в сети Интернет¹.

Во Франции электронная торговля регулируется «Законом о доверии цифровой экономике» 2004 года, в котором закреплены правила осуществления данной деятельности, требования к лицу, предоставляющему товары (услуги), правила рекламы, маркировки, индикация цен, электронные контракты и другая информация, предоставляемая потребителю; понятие электронная коммерция раскрывается как экономическая деятельность, посредством которой человек предлагает или предоставляет дистанционно и в электронном виде поставку товаров или услуг². При этом общие положения зафиксированы в отдельном разделе «электронная коммерция».

Законодательную базу электронной коммерции в Китае составляют: «Закон о договорах», «Закон о защите прав потребителей», «Закон о рекламе в Народной Республике Китая», «Закон об электронной подписи», «Руководство по электронным платежам (первый номер)» выпущенный Народным банком Китая 26 октября 2005 года. В декабре 2016 года правительство Китайской Народной Республики опубликовало проект первого закона страны об электронной торговле (Draft E-Commerce Law of the People's Republic of China), направленный на дальнейшее регулирование и управление различными видами деятельности в области электронной торговли³.

В Российской Федерации, ввиду отсутствия правового регулирования электронной коммерции, сеть Интернет используется недобросовестными участниками рынка, осуществляющими незаконную продажу товаров, свободная реализация которых запрещена или ограничена в гражданском обороте⁴; опасных и некачественных товаров; товаров, не соответствующих обязательным требованиям безопасности.

Контролирующие и правоохранительные органы, в том числе прокуратура, не обладают в данном направлении достаточными полномочиями. К примеру, органы прокуратуры имеют возможность лишь инициировать блокировку сайта Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), направив заявление в суд. Однако гарантировать повторное появление данных сайтов под иными доменными именами, невозможно.

¹ The Electronic Commerce (EC Directive) Regulations 2002 // National Archives on behalf of HM Government. URL: <http://www.legislation.gov.uk/> (дата обращения: 17.01.2018)

² Loi n° 2004-575 du 21 juin 2004 pour la confiance dans l'économie numérique // Le Journal officiel de la République française. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/> (дата обращения 27.02.2018)

³ Ермаков М.А. Электронная коммерция в Китае / М.А.Ермаков // Молодежь. Общество. Современная наука, техника и инновации. 2017. №13. С. 11.

⁴ Согласно данным прокуратуры Центрального района города Санкт-Петербурга за 2017 год прокуратурой района направлены заявления о признании информации, запрещенной к распространению на территории РФ и ограничению к ней доступа в отношении 46 сайтов, реализующих товары биологически активных добавок (БАД), 60 сайтов, реализующих спиртосодержащую продукцию, 53 сайтов – наркотических средств и психотропных веществ, 38 – лекарственных средств, более 30 сайтов, реализующих оружие, взрывчатые вещества и устройства кустарного производства.

Полагаем, необходимо предусмотреть по результатам проверок государственных органов надзора досудебную блокировку сайтов, представляющих угрозу жизни и здоровью граждан, по аналогии с защитой прав интеллектуальной собственности.

Стоит отметить, что основной причиной уклонения виновных лиц от юридической ответственности является невозможность полномочных органов идентифицировать владельцев сайтов. Данная проблема вызвана отсутствием единой платформы электронной торговли в России, которая, например, разработана и успешно функционирует, в странах Европы и Азии, в частности, Китае¹. Участниками данной платформы являются добросовестные продавцы, прошедшие регистрацию и получившие разрешение на осуществление продажи товаров на данном рынке. Первоначальным этапом для создания единого пространства электронной коммерции может стать введение нового направления деятельности Департамента государственной политики в области технического регулирования, стандартизации и обеспечения единства измерений Министерства промышленности и торговли Российской Федерации по аккредитации субъектов, намеренных осуществлять электронную торговлю на территории России. Так, субъекты, получившие аккредитацию и занесенные в единый реестр, имеют возможность открыто осуществлять коммерческую деятельность в сети Интернет, потребитель обладает необходимой информацией о продавце, а государственные органы, в случае необходимости, могут идентифицировать владельца Интернет-ресурса. При этом должен осуществляться мониторинг Интернет-сайтов, которые осуществляют продажу товаров в отсутствие специального разрешения, а также товаров, запрещенных или ограниченных в гражданском обороте.

Достаточно грубые нарушения допускаются в процессе выдачи сертификатов соответствия. Большинство товаров зарубежных Интернет-магазинов, поступаая в почтовых отправлениях для личных нужд потребителей, не проходят проверку на соблюдение требований технических регламентов. Таким образом, потребителям поступают товары, безопасность которых стоит под большим вопросом.

Примечательно, что законодательно ни один надзорный орган не наделен полномочиями по оперативному аннулированию сертификатов, вследствие чего товары, признанные по результатам проверок органов надзора не соответствующими требованиям безопасности, находятся в экономическом обороте, создавая угрозу для потребителей. В связи с этим, представляется целесообразным наделить государственные органы по надзору (контролю) за качеством продукции и органы, осуществляющие контроль деятельности аккредитованных лиц, правом аннулирования сертификатов по результатам своих проверок. Также, необходимо усиления контроля за процессом выдачи сертификатов со стороны аккредитующего органа. Например, перед регистрацией сертификата направлять запрос в сертифицирующий орган о предоставлении пакета документов, подтверждающих объективность и беспристрастность проведенной проверки и принятого решения о выдаче сертификата безопасности продукции. На основании проверки данных документов принимать решение о регистрации сертификата.

Подводя итог, стоит отметить, что по мере глобального развития данного сегмента потребительского рынка, и вовлечения в него все большего числа активных пользователей сети Интернет, недобросовестные участники рынка умело эксплуатируют правовую неграмотность потребителей, а так же пробелы в правовом регулировании безопасности товаров и электронной коммерции в целом, в целях получения максимальной выгоды, что причиняет ущерб как экономическим интересам потребителей, так жизни и здоровью граждан.

¹ Draft E-Commerce Law of the People's Republic of China // The people's republic of China. URL: <http://english.gov.cn/> (дата обращения 08.12.2017).

III

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО - ПРАВОВОЙ НАУКИ

С.Э. ГАСАНЗАДЕ
студент 2 курса
Саратовской государственной
юридической академии

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО – ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГИПНОЗА КАК ВИДА ПСИХИЧЕСКОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

В статье раскрывается проблема уголовного-правового регулирования гипноза как обстоятельства, исключающего преступность деяния. Автор отстаивает позицию определения гипноза в качестве вида непреодолимого психического принуждения. В качестве аргументов приводятся мнения различных ученых в сфере юриспруденции и психологии. Автором предлагается внесение соответствующих дополнений в ст. 40 п. 1 УК РФ.

Ключевые слова: уголовное право, психическое принуждение, непреодолимое принуждение, гипноз, внушение.

Согласно ст. 40 УК РФ, принуждение, как обстоятельство, исключающее преступность деяния, выступает в двух видах: физическое и психическое. Однако мы не можем дать абсолютную характеристику сущности данных понятий, вследствие отсутствия легальной дефиниции термина «принуждение».

Исходя из теории уголовного права, под психическим принуждением понимается насильственное, незаконное воздействие на психику человека с целью заставить его совершить определенные действия (бездействия)¹. В соответствии с отечественным уголовным законодательством все виды психического принуждения рассматриваются как преодолимые. Однако, по мнению ряда ученых, такую позицию нельзя назвать правильной в отношении таких видов психического принуждения, как гипноз, религиозный экстаз и человеческие страхи.

¹ Девятковская С.В. Физическое или психическое насилие как составляющие принуждения // ЮП. 2016. №4 (77). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/fizicheskoe-ili-psiicheskoe-nasilie-kak-sostavlyayuschie-prinuzhdeniya> (дата обращения: 19.02.2018).

На протяжении всей истории своего существования гипноз вызывал к себе значительный интерес со стороны как народных масс, так и научной общественности. С одной стороны, гипнотическое воздействие презентовалось в качестве мирного средства психотерапии, направленного на исцеление душевных, физических и психосоматических заболеваний, с другой — таило в себе угрозу полного подчинения власти гипнотизера, что могло использоваться в противоправных целях¹. Гипнотическое внушение является уникальным по своей природе, при котором лицо не может руководить своими действиями и осознавать их общественную опасность.

В уголовно-правовой науке понятие и значение гипноза определяется по-разному. На наш взгляд, самое точное определение понятия «гипноз» дано авторами Юридической энциклопедии: «гипноз» в судебной психиатрии - искусственно вызванное состояние бодрствования (по учению И.П. Павлова — частичный сон), при котором ограничена свобода волеизъявления и повышена степень внушаемости. Другими словами, гипноз объединяет в себе такие категории, как гипнотическое внушение, гипнотический транс и постгипнотические последствия². В настоящее время гипноз не имеет рамок своего применения как на законодательном, так и на практическом уровнях.

Лицо, совершившее преступление под влиянием гипноза это лицо, которое вследствие целенаправленного психического воздействия совершило преступление, находясь под постгипнотическим внушением. Важно заметить то, что преступление может быть совершено не только в отношении третьих лиц, но и в отношении себя самого. Например, ограбление может быть совершено с предварительным приведением жертвы в беспомощное гипнотическое состояние. Также гипноз применим при доведении до самоубийства, изнасиловании, вовлечении в совершение терроризма, преступлениях против собственности, вовлечении несовершеннолетних в совершение преступления.

Гипноз широко применяется при склонении, вербовке, вовлечении и подготовке лиц для совершения преступлений террористической направленности, а также в деятельности деструктивных религиозных организаций. Однако самыми распространенными преступлениями, совершенными с применением гипноза в качестве способа, являются преступления против собственности.

Результатом гипнотического внушения является гипнотический транс, который определяется беспомощностью состояния внушаемого лица, с целью подчинения его воли. Такая позиция вступает в противоречие с содержанием статьи 40 УК РФ, согласно которому только физическое принуждение характеризуется полным подавлением воли лица. Представленная трактовка этого вопроса, по нашему мнению, является ошибочной, так как она исключает вероятность рассмотрения гипнотического транса как принуждения, имеющего непреодолимый характер, в силу признания возможности преодоления всех психических принуждений.

Помимо этого, говоря о гипнотическом трансе, как состоянии, исключающем преступность деяния, следует выделять преступления против жизни и здоровья. К примеру, если лицо совершит убийство (ст. 105 УК РФ) под непреодолимым физическим принуждением, то оно, согласно ч. 1 ст. 40 УК РФ, не будет привлекаться к уголовной ответственности. Но, в то же время, если лицо совершает убийство в состоянии гипнотического транса, данное деяние будет оцениваться по правилам ч. 2 ст. 40 УК РФ, то есть как психическое принуждение. В данном случае будем применять ст. 39 УК РФ о крайней необходимости. С нашей точки зрения, гипноз

¹ Полиди А.А., Шишкин А.А. Гипноз как способ совершения уголовных преступлений // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: электр. сб. ст. по мат. XIXVII междунар. студ. науч.-практ. конф. № 9-10(16). URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/9-10\(16\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/9-10(16).pdf) (дата обращения: 21.02.2018).

² Там же.

нельзя считать преодолимым видом психологического принуждения, по причине того, что лицо, совершающее преступление, находясь под гипнотическим внушением, не может осознавать последствий своих деяний и руководить ими.

Исходя из вышесказанного, можно декларировать неэффективность защиты человека от воздействия криминального гипноза. Российское законодательство лишь косвенно указывает на возможность легального применения гипноза врачами в качестве мирного психотерапевтического средства. Помимо этого, в нашей стране существует десятки крупных центров и школ, специализирующихся, то есть на обучении гипнозу, а также техникам нейролингвистического программирования есть все желающие могут пройти курсы обучения и изучить основные психологические характеристики и наклонности личности. В результате недобросовестные граждане, овладевшие указанными методиками, могут направить свои знания в криминальное русло.

Раннее законодательство признавало существование данного явления и пыталось ограничить его применение. Так, в годы РСФСР Народный комиссариат земледелия издал циркуляр № 90 от 19.04.1923 «О запрете публичных демонстраций гипнотических сеансов»¹. В настоящее время в нормативных правовых актах РФ не закреплено ограничение использования гипноза.

Таким образом, в целях предупреждения преступлений, совершенных с применением гипноза, как вида психического принуждения, предлагается законодательно закрепить определение гипноза². Мы также считаем, что преступления, совершенные под гипнотическим трансом, нельзя квалифицировать как крайнюю необходимость. Вследствие этого, целесообразно дополнить ч. 1 ст. 40 УК РФ положением, определяющим гипноз в качестве непреодолимого психического принуждения.

А.Д. ЗЛОБИН

студент 2 курса

Оренбургского института (филиала)
университета им. О.Е. Кутафина

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ СТАТЬЕ 35 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье проводится критический анализ некоторых положений ст. 35 Уголовного кодекса Российской Федерации. Автором предлагается внести ряд изменений в уголовный закон с целью приведения его в соответствие со сложившейся длительной судебной практикой.

Ключевые слова: соучастие, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, преступное сообщество (преступная организация), исполнитель, организатор, подстрекатель, пособник.

Согласно ч. 2 ст. 35 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления³. С точки зрения УК РФ, в группе лиц по предварительному сговору допускается наличие одного исполнителя. Однако анализ п. 10 Постановления Пле-

¹ Балашов С.М. Состояние гипноза как состояние беспомощности // URL: http://enotabene.ru/nb/article_15453.html (дата обращения: 20.02.2018).

² Семенова Д. А. Гипноз как вид психического принуждения в уголовном праве // Вестник ЮГУ. 2015. №S3-2 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gipnoz-kak-vid-psihicheskogo-prinuzhdeniya-v-ugolovnom-prave> (дата обращения: 21.02.2018).

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

нума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ППВС) от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», п. 10 ППВС от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», п. 21 ППВС от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», а также п. 15 ППВС от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», позволяет прийти к выводу о том, что для признания преступления совершенным группой лиц по предварительному сговору необходимо, чтобы предварительный сговор на совершение преступления состоялся между двумя или более исполнителями. При этом, наряду с соисполнителями, другие участники группы могут выступать в роли организаторов, подстрекателей и пособников¹. Подобная позиция отражается и в других постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. В связи со сложившейся длительной судебной практикой, на наш взгляд необходимо внести изменения в ч. 2 ст. 35 УК РФ и изложить ее в следующей редакции: «Преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в его совершении совместно участвовали два или более исполнителя, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления. Наряду с соисполнителями преступления, другие участники группы лиц по предварительному сговору могут выступать в роли организаторов, подстрекателей или пособников». Ситуация, при которой в совершении преступления по предварительному сговору принимают участие лица, из которых только одно является исполнителем, в теории уголовного права именуется соучастием в преступлении без образования группы лиц². В данной ситуации квалифицирующий признак «группа лиц по предварительному сговору» не вменяется соучастникам. В связи с вышеизложенным, считаем необходимым дополнить ст. 35 УК РФ частью 21 и изложить ее в следующей редакции: «Преступление признается совершенным соучастниками без образования группы лиц, если в его совершении участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления, из которых только одно является исполнителем». Действия исполнителя должны квалифицироваться по соответствующей статье Особенной части без ссылки на ст. 33 УК РФ. Действия же организатора, пособника, подстрекателя должны квалифицироваться по статье Особенной части со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ. Подобные правила квалификации применяются в судебной практике и соответствуют ст. 34 УК РФ.

Согласно ч. 3 ст. 35 УК РФ, преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений³. На наш взгляд, следовало бы раскрыть признак устойчивости в ч. 3 ст. 35 УК РФ. Исходя из анализа положений постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, можно выделить следующие обязательные признаки организованной группы: 1) постоянство состава; 2) длительность существования; 3) количество совершенных преступлений; 4) наличие руководителя. Если с первыми двумя признаками можно согласиться, то два последних вызывают определенные вопросы. Так, организованная группа может быть создана для совершения и одного преступления (что прямо указывается в УК РФ и подтверждается судебной практикой). Что же касается признания группы организованной только при наличии в ее составе руководителя, то ранее судебная практика не признавала данный признак в качестве

¹ О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 27.01.1999 (ред. от 03.03.2015) // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрондан. [М., 2017].

² Жовнир С. А. Несколько замечаний действующему уголовному закону // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2008. № 9. С. 270.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

обязательного. Это объяснялось тем, что в организованной группе при наличии особых близких отношений между ее членами (например, родственных, дружеских) формально руководитель может и отсутствовать. На наш взгляд, именно первые два признака являются существенными и позволяют отграничить организованную группу от группы лиц по предварительному сговору.

Исходя из положений ч. 4 ст. 35 УК РФ «преступное сообщество» и «преступная организация» являются равнозначными понятиями. Это подтверждается и в п. 3 ППВС от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)»¹. На наш взгляд, следовало бы исключить двойное наименование данной формы соучастия. Дискуссионным является вопрос о различиях между структурированной организованной группой и объединением организованных групп. Пленум Верховного Суда Российской Федерации характеризует одинаковыми признаками подразделение структурированной организованной группы и организованную группу в составе преступного сообщества (стабильность состава; согласованность действий; наличие двух или более лиц). На наш взгляд, следовало бы согласиться с позицией А.Н. Мондохонова и признать тождественными подразделение и организованную группу². Стоит согласиться и с позицией А.Б. Мельниченко по поводу необходимости исключения цели деятельности преступного сообщества из редакции УК РФ (совершение одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды)³. Многие преступления, например, в сфере экономики, относятся к категориям средней тяжести. При совершении подобных преступлений объединением организованных групп (которое по всем формальным признакам является преступным сообществом), квалификация по ст. 210 УК РФ будет невозможна. Стоит отметить, что преступления могут совершаться преступным сообществом не обязательно в целях материальной выгоды. Для преступного сообщества целеполагание не должно являться критерием, позволяющим отграничить ее от организованной группы, т. к. главное значение имеет усложнение связей между соучастниками, повышение степени организованности. В связи с вышеизложенным, считаем необходимым внести изменения в ч. 4 ст. 35 УК РФ и изложить ее в следующей редакции: «Преступление признается совершенным преступным сообществом, если оно совершено объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких преступлений».

Согласно позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации (п. 16 ППВС от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»⁴; п. 16 ППВС от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»⁵), действия всех членов организованной группы независимо от выполняемой роли следует оценивать как действия соисполнителей и квалифицировать по правилам ч. 2 ст. 34 УК РФ за

¹ О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней): Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 12 от 10.06.2010 // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрон.дан. [М., 2017].

² Мондохонов А. Н. Структурное подразделение преступного сообщества (преступной организации) // Уголовное право. 2009. № 1. С. 40 – 41.

³ Мельниченко А.Б. Уголовно-правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. С. 55 – 56.

⁴ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 29 от 27.12.2002 (ред. от 16.05.2017) // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрон.дан. [М., 2017].

⁵ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 24 от 09.07.2013 (ред. от 03.12.2013) // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрон.дан. [М., 2017].

исключением случаев, если лицо не входило в состав организованной группы, участвовало в совершении преступления в качестве пособника или подстрекателя (в этом случае квалификация осуществляется по правилам ч. 3 ст. 34 УК РФ). Согласно п. 14 и п. 17 ППВС от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)», в случае совершения преступления преступным сообществом (преступной организацией) действия всех участников квалифицируются по статье Особенной части и соответствующей части ст. 210 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ¹. При этом оказание лицом, не являющимся членом преступного сообщества (преступной организации), содействия деятельности такого сообщества (организации) подлежит квалификации как соучастие в форме пособничества по ч. 5 ст. 33 УК РФ и ч. 2 ст. 210 УК РФ. На наш взгляд, данные особенности квалификации членов организованной группы и членов преступного сообщества следовало бы отразить в соответствующих частях ст. 35 УК РФ.

На наш взгляд, ст. 35 УК РФ следует именовать «Формы соучастия», т. к. дискуссия о соотношении понятий «формы соучастия» и «виды соучастия» не имеет никакой практической значимости и ее следует признать не состоявшейся.

Все вышеперечисленные критические замечания основаны на анализе судебной практики по делам о преступлениях, совершенных в соучастии. Предложенные изменения действующей редакции ст. 35 УК РФ позволили бы исключить необходимость систематического толкования некоторых положений УК РФ, а также позволили бы учесть сложившуюся длительную судебную практику.

Е.И. КОНЬШИН

магистрант 2 курса
Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета Прокуратуры
Российской Федерации

ОБ ОТГРАНИЧЕНИИ УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ, ОТ УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ МЕР, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ЗАДЕРЖАНИЯ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

В статье проведено отграничение убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны от убийства, совершенного при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.

Ключевые слова: убийство, превышение пределов необходимой обороны, превышение мер для задержания, лицо совершившее преступление.

В ранее действовавшем законодательстве институты необходимой обороны и задержания лица, совершившего преступления четко не разделялись, и превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступления, оценивалось по правилам о необходимой обороне.

¹ О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней): Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 12 от 10.06.2010 // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрондан. [М., 2017].

На первый взгляд, убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, и убийство, совершенное при задержании лица, совершившего преступление, представляются практически аналогичными преступлениями, особенно с точки зрения обывателя, необремененного знанием юриспруденции. Данному факту способствует и законодательное закрепление указанных составов в разных частях одной статьи Уголовного кодекса РФ. Но при более детальном рассмотрении оказывается, что рассматриваемые составы имеют больше различий, нежели сходных признаков.

Сходными признаками указанных составов, по нашему мнению, являются: объект преступления (общественные отношения, в сфере охраны жизни другого человека); наличие общего субъекта преступления, то есть факт того, что уголовный закон не предусматривает специальных характеристик субъектов данных преступлений. Однако в ряде случаев причинение вреда посягающему лицу, либо лицу совершившему преступление является не правом, а обязанностью субъекта этих преступлений; невозможность причинения вреда третьим лицам; высокая значимость предшествующего совершению преступления поведения потерпевшего; данные составы являются привилегированностью данных составов и их направленность на превенцию совершения преступлений, а также на неотвратимость наказания.

Субъекты рассматриваемых составов являются общими, то есть в уголовном законе не предусмотрено каких-либо особенных признаков субъекта, помимо достижения физическим лицом возраста уголовной ответственности, его вменяемости. Указанное положение является важным в связи с тем, что многие лица, незнакомые с положениями Уголовного кодекса РФ ошибочно полагают, что правом на задержание преступника обладают лишь сотрудники правоохранительных органов и, руководствуясь данными соображениями, не реализуют принадлежащее им право.

Как справедливо отмечает Баранова Е.А., указанному факту, в частности, способствует отсутствие в ст. 38 УК РФ указания, аналогичного ч. 3 ст. 37 УК РФ, гласящего, что положения настоящей статьи в равной мере распространяются на всех лиц независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения¹.

Если формально толковать положения УК РФ, право на задержание, а, следовательно, и возможность квалификации убийства задерживаемого лица по ч. 2 ст. 108 УК РФ возможно только в случае совершения задерживаемым преступления. Из такого толкования можно сделать вывод, что невозможна квалификация по ч. 2 ст. 108 УК РФ при убийстве недееспособного лица или лица, не достигшего возраста уголовной ответственности. В свою очередь, ч. 1 ст. 108 УК РФ может применяться и при убийстве лица, осуществляющего общественно опасное посягательство, не являющегося преступлением, например, при обороне от действий несовершеннолетнего или недееспособного.

Однако, несмотря на такое законодательное положение, в доктрине уголовного права данный вопрос представляется дискуссионным. Так, Н.Г. Валдимарова отмечает, что «причинение смерти лицу в целях его задержания подлежит квалификации по ч. 2 ст. 108 только при условии, когда имеется юридическое основание для задержания (факта совершения преступления) и потерпевший может быть признан субъектом уголовной ответственности²».

¹ Баранова Е.А. Необходимая оборона в уголовном законодательстве России и ее отличие от смежных институтов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.А. Баранова. М., 2006. С. 164.

² Валдимарова Н.Г. Уголовная ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.08. С. 156.

Другие авторы, такие как А.Б. Иванов¹ и С.М. Старых² отмечают, что основанием для совершения преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 108 УК РФ, являются общественно опасное посягательство. Третья группа ученых придерживаются точки зрения, согласно которой данным основанием может быть как преступление, так и общественно опасное посягательство. Такого мнения придерживаются, например, Е.А. Баранова³.

По нашему мнению, основанием причинения вреда в рамках ч. 2 ст. 108 УК РФ может быть только совершение задерживаемым лицом деяния, предусмотренного особенной частью УК РФ. Если лицо, причиняющее в данном случае вред, не знало и не могло знать о том, что задерживаемый не является субъектом преступления, то его действия должны быть квалифицированы по правилам о фактической ошибке, то есть по ст. 38 УК РФ.

В случае, если задерживаемое лицо, не обладающее признаками субъекта преступления, при задержании начинает осуществлять общественно опасное посягательство, то причинение вреда данному лицу надлежит оценивать по правилам необходимой обороны. Причинение вреда недееспособному или лицу, не достигшему возраста уголовной ответственности при условии, что данный факт был заведомо известен задерживающему, не может оцениваться по правилам о причинении вреда лицу, совершившему преступление с целью его задержания. Такие действия должны оцениваться по общим правилам, либо по правилам о необходимой обороне при наличии в действиях такого лица общественно опасного посягательства.

Критериями, позволяющими разграничить рассматриваемые составы преступлений являются: 1) объективная сторона преступления, а именно наличие состояния необходимой обороны только в случае, предусмотренном ч. 1 ст. 108 УК РФ; 2) субъективная сторона преступления, а именно форма умысла и различия в цели совершения указанных преступлений; 3) время совершения преступления; 4) основание причинения вреда.

Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом. В свою очередь, вопрос о форме умысла при совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 108 УК РФ, широко освещается в научных трудах по уголовному праву, но единства мнений по данному вопросу до сих пор не наблюдается. Так, И.П. Панфилов отмечает, что данное преступление, может быть совершено только умышленно⁴. В свою очередь ряд авторов придерживаются мнения о том, что оно может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом, например, А.Г. Тарновский отмечает, что субъективная сторона данного преступления характеризуется наличием у лица, осуществляющего задержание, умысла (прямого или косвенного)⁵.

¹ Иванов А.Б. Институт причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 15;

² Старых С.М. Ответственность за убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 8;

³ Баранова Е.А. Необходимая оборона в уголовном законодательстве России и ее отличие от смежных институтов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.А. Баранова. М., 2006. С. 167.

⁴ Панфилов И.П. Причинение вреда жизни и здоровью при превышении пределов необходимой обороны [Текст] : учебное пособие / И. П. Панфилов. Липецк: Липецкий гос. технический ун-т, 2014. С. 78.

⁵ Тарновский А.Г. Уголовно-правовая характеристика убийства при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление // Юрист.Правоведь. 2007. № 2. С. 90-91.

Однако, большинство авторов, таких как М.Д. Точеный¹, Д.В. Васяев¹ и А.Н. Попов² обосновывают точку зрения, согласно которой данное преступление может быть совершено только с косвенным умыслом. Представляется, что эта точка зрения является наиболее обоснованной, так как наличие прямого умысла на убийство лица исключал бы цель, доставления лица, совершившего преступление, органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений, которая является обязательным для состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 108 УК РФ.

Если лицо, совершившее убийство, руководствовалось целью, характерной для состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 108 УК РФ, квалификация его действий по ч. 2 ст. 108 УК РФ исключается, даже если первоначально действия этого лица были направлены на задержание лица совершившего преступление.

Важнейшим разграничительным критерием указанных составов преступлений является время их совершения. Право на необходимую оборону появляется с момента возникновения реальной угрозы посягательства, т. е. с того момента, когда посягающий готов перейти к выполнению объективной стороны состава преступления. При этом у защищающегося лица должны быть основания считать, что имеет место реальная угроза посягательства. Данное право прекращается с момента, когда посягательство было предотвращено, пресечено или окончено и в применении мер защиты явно отпала необходимость, что осознавалось оборонявшимся лицом.

Следует согласиться с А.Н. Поповым, который отмечает, что право на необходимую оборону прекращается не с момента юридического окончания общественно опасного посягательства, а с момента его фактического окончания. Например, разбойное нападение юридически считается оконченным с момента нападения в целях хищения чужого имущества, совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, однако право на необходимую оборону сохраняется и после юридического окончания данного преступления³.

В свою очередь, как справедливо отмечает Н.Г. Валдимарова, началом возникновения права на причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, является время окончания преступления или отказа преступника от доведения преступления до конца. Конечным моментом выступает истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности или давности исполнения приговора⁴.

В соответствии с выше изложенным, можно сделать вывод, что убийство при эксцессе обороны по своим юридическим признакам существенно отличается от убийства, совершенного при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. Данные составы объединяет лишь повод для выполнения оборонительных мер и мер по задержанию преступника – факт совершения потерпевшим противоправных действий. Указанное обстоятельство, безусловно, не может служить основанием для отождествления действий в состоянии необходимой обороны с мерами по задержанию преступника.

¹ Точеный М.Д. Убийство либо причинение телесных повреждений при превышении мер необходимых для задержания лица, совершившего преступление : ч. 2 ст. 106 УК РФ, ч. 2 ст. 114 УК РФ : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.08. Тальяти : 2006. с. 154.

² Попов А.Н. Преступление, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108, ч. 1 ст. 114 УК РФ) / А.Н. Попов. СПб. : С.-Петербург. юрид. ин-т Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 2001. С. 186.

³ Попов А.Н. Преступление, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108, ч. 1 ст. 114 УК РФ) / А.Н. Попов. СПб. : С.Петербург. юрид. ин. Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 2001. С. 229.

⁴ Валдимарова Н.Г. Уголовная ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.08. С. 156.

О.В. ПЕТРОВА

начальник отделения по методическому
обеспечению производства дознания
Управления организации дознания ГУ МВД России
по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области,
подполковник полиции

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 314.1 УК РФ

В статье рассмотрены теоретико-прикладные вопросы, связанные с необходимостью предупреждения об уголовной ответственности за уклонение от административного надзора.

Ключевые слова: уголовная ответственность, административный надзор, особенности привлечения к ответственности, предупреждение об уголовной ответственности за уклонение от административного надзора.

В 2011 году система профилактики преступлений и правонарушений была дополнена институтом административного надзора за освобожденными из мест лишения свободы лицами¹ с одновременным введением уголовной ответственности за уклонение от административного надзора (ст.314.1 УК РФ)².

Уклонение от административного надзора может быть совершено путем неприбытия поднадзорного лица к избранному им месту жительства либо самовольного оставления места своего жительства. Понятия «уклонение», «уклониться» толкуются как «отодвинуться, отклониться в сторону, чтобы избежать чего-нибудь; отойти от прямого направления»³. Применительно к преступлению, предусмотренному ст. 314.1 УК РФ полагаем, что уклониться – значит отказаться от исполнения решения суда об административном надзоре и обязанностей, предусмотренных ст. 11 Федерального закона № 64-ФЗ (прибыть после освобождения из мест лишения свободы к избранному месту жительства в срок, а также уведомить органы внутренних дел о перемене места жительства), избегая при этом контроля со стороны органов внутренних дел за своим поведением, соблюдением установленных ограничений. Вместе с тем в правоприменительной практике нередко возникает вопрос о возможности привлечения лица к уголовной ответственности за совершение указанного преступления в случае, когда лицо не предупреждалось об уголовной ответственности, либо это предупреждение документально не подтверждено. В связи с чем неизбежен вопрос – какова роль предупреждения об уголовной ответственности при доказывании уклонения от административного надзора?

Исследуя данный вопрос, считаем целесообразным обратиться к работам, связанным с исследованием других видов преступлений, так или иначе связанных с понятием уклонения от каких-либо обязанностей. Так, рассматривая проблемы доказывания признака злостности уклонения от уплаты алиментов, содержавшегося в диспозиции ст. 157 УК РФ до внесения в нее изменений Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ, Ю.С. Летников отмечает, что «объективную сторону данного преступления могут образовывать только признаки, характеризующие как деяние

¹ Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» Федеральный закон от 06.04.2011 № 66-ФЗ (ред. от 08.03.2015)

² Федеральный закон от 06.04.2011 № 66-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»

³ Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; Под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2010. С.1219.

должника, так и период уклонения от уплаты содержания, которые и составляют содержание признака злостности. Обязательность предупреждения судебным приставом-исполнителем об уголовной ответственности, количество предупреждений (от 1 до 9), неопределенное число месяцев неуплаты, прошедших между предупреждениями, не являются объективными характеристиками преступления, не зависят от сознания и воли виновного, но полностью определяются субъективным усмотрением судебного пристава. Поэтому, на наш взгляд, такое предупреждение является искусственной юридической конструкцией, создаваемой действиями судебного пристава и находящейся за пределами состава преступления. Предупреждение служит лишь средством, так называемого закрепления признака злостности и облегчения доказывания прямого умысла на совершение этого преступления».¹

Л.В. Лобанова также задается вопросом о влиянии на квалификацию преступлений, совершенных в сфере правосудия, того факта, что компетентные должностные лица не выполнили свою обязанность и не предупредили субъекта об уголовной ответственности за подобные посягательства. По мнению автора, «вряд ли можно усомниться в том, что подобное предупреждение является обязательным условием квалификации деяния по ст. 310 УК РФ, поскольку его соблюдение является составной частью установленного законом порядка предупреждения о недопустимости разглашения данных предварительного расследования. Не предупрежденное о недопустимости разглашения данных предварительного расследования лицо не может согласно ст. 310 УК РФ быть субъектом предусмотренного данной статьей преступления».² Наряду с этим Л.В. Лобанова отмечает, что «предупреждение участников уголовного судопроизводства об уголовной ответственности за совершаемые в сфере правосудия посягательства во всех случаях имеет воспитательное и профилактическое значение. Однако предупреждение далеко не всегда является обязательным условием возложения такой ответственности. Невыполнение компетентными органами соответствующей обязанности должно исключать уголовную ответственность за преступления против правосудия в тех случаях, когда это вытекает из содержания уголовного закона либо исключает общественную опасность допущенного участником процесса нарушения или осознание им данного обстоятельства. В остальных случаях должна действовать презумпция знания гражданами закона».³

Вместе с тем, отсутствие в диспозиции ч. 1 ст. 314.1 УК РФ требования о предупреждении поднадзорного лица об ответственности за уклонение от административного надзора, не позволяет рассматривать в качестве основания для освобождения от уголовной ответственности отсутствие такого предупреждения. В подобной ситуации прямой умысел на уклонение от надзора может быть подтвержден иными доказательствами, например, фактом использования поднадзорным лицом заведомо подложных документов, сокрытия им места своего фактического проживания и др.

Примечательно и то, что обязательность предупреждения лица при выдаче ему администрацией исправительного учреждения предписания о выезде к избранному месту жительства с предупреждением поднадзорного об уголовной ответственности за уклонение от надзора закреплена законодательно, но не уточнено, в какой форме лицо должно быть предупреждено об уголовной ответственности при установлении надзора по инициативе органов внутренних дел.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» органы внутренних дел обязаны разъяснять поднадзорному лицу его права и

¹ Летников Ю.С. Проблемы определения признака злостности при квалификации уклонения от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК РФ) // Уголовное право. 2015, № 2. С. 30-35

² Лобанова Л.В. Значение предупреждения лица об уголовной ответственности для квалификации посягательств, совершаемых в сфере правосудия по уголовным делам // Уголовное право. 2012, № 3 С. 9

³ Лобанова Л.В. Указ. соч. С. 14

обязанности, предупреждать его об ответственности за нарушение установленных судом административных ограничений, а также за невыполнение предусмотренных данным Федеральным законом обязанностей. В целях реализации данной нормы, в ч. 5 ст. 173.1 УИК РФ, а также в п. 15.3 Порядка осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы¹, указано, что лицу, освобождаемому из мест лишения свободы, вручается предписание о выезде к избранному месту жительства с предупреждением об уголовной ответственности за уклонение от административного надзора.

Однако нормативными правовыми актами не предусмотрена форма предупреждения об уголовной ответственности лица, административный надзор которому устанавливается по инициативе органов внутренних дел уже после освобождения из мест лишения свободы. В силу этого сложившаяся практика предупреждения об уголовной ответственности таких лиц неоднозначна. Например, в Санкт-Петербурге и Ленинградской области практика пошла по пути обязательного предупреждения поднадзорного лица об уголовной ответственности за уклонение от надзора. При установлении административного надзора по инициативе органов внутренних дел инспекторы по надзору в бланк предупреждения об основаниях продления и досрочного прекращения административного надзора дополнительно вносят сведения о предупреждении лица об уголовной ответственности за уклонение от административного надзора (ч. 1 ст. 314.1 УК РФ) и о последствиях неоднократного неисполнения возложенных на поднадзорное лицо административных ограничений (ч. 2 ст. 314.1 УК РФ). Кроме того, в рамках профилактической работы инспектор по надзору получает объяснение от поднадзорного лица, в том числе о том, что он предупрежден об уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, условия наступления которой ему разъяснены и понятны.

Результаты анализа более 100 обвинительных актов и постановлений по обвинению лиц в уклонении от административного надзора свидетельствуют о том, что в 100% случаев дознаватели в формулировке обвинения указывают, что подозреваемый не прибыл к избранному им месту жительства или самовольно оставил его, будучи предупрежденным об уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ.

Судебные органы при рассмотрении уголовных дел также акцентируют внимание на заблаговременном предупреждении поднадзорных лиц об уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ, и признают письменное подтверждение факта предупреждения доказательством виновности лица в уклонении от административного надзора. Более того, судебные органы считают обязательным не только заблаговременное предупреждение поднадзорного об этом, но и разъяснение ему последствий противоправного поведения, которые могут наступить при неисполнении правил административного надзора.

Так, Поронайским городским судом Сахалинской области вынесен обвинительный приговор в отношении Ш., который выехал из избранного им места жительства, где в отношении него осуществлялся административный надзор, и проживал по различным адресам своих знакомых, в том числе у Х., где и был задержан сотрудниками полиции при распитии спиртных напитков и участии в бытовом скандале. В приговоре судья в качестве доказательств вины подсудимого указал предписание, в соответствии с которым Ш. предупрежден об административной ответственности за неявку в установленный срок или уклонение от постановки на учет в орган внутренних дел, а также об уголовной ответственности за уклонение от административного надзора².

¹ О порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: приказ МВД России от 08.07.2011 года № 818.

² Приговор Паранайского городского суда Сахалинской области от 05.06.2015 по уголовному делу № 1-70/2015 // справочная правовая система «Росправосудие». Интернет-портал: [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 27.01.2018).

Шабалинский районный суд Кировской области при вынесении обвинительного приговора в отношении К., самовольно покинувшего место своего жительства в целях уклонения от административного надзора, среди других собранных по делу доказательств указал наличие расписки поднадзорного лица, согласно которой он предупрежден об уголовной ответственности по ст. 314.1 УК РФ за уклонение от административного надзора¹.

Принимая во внимание вышеизложенное, полагаем не только целесообразным, но и обязательным приобщать к материалам уголовного дела документы, подтверждающие ознакомление лица с правилами административного надзора и его обязанностями, а в случае заблаговременного предупреждения лица об уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ – документ, подтверждающий этот факт, поскольку уклонение от надзора, совершенное после предупреждения лица об уголовной ответственности послужит дополнительным доказательством прямого умысла на совершение преступления, однако отсутствие вышеуказанного документа не должно расцениваться как основание освобождения лица от ответственности.

В целях восполнения пробела в части нормативного закрепления обязанности предупреждать об уголовной ответственности лиц, административный надзор которым установлен судом по инициативе органов внутренних дел, полагаем необходимым внести дополнения в Порядок осуществления административного надзора, предусмотрев в бланке предупреждения об основаниях продления и досрочного прекращения административного надзора (приложение 20 к Порядку) разъяснение о последствиях уклонения.

Е.В. РОДИМКИНА
студентка 4 курса
Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета Прокуратуры
Российской Федерации

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ст. 239 УК РФ С СМЕЖНЫМИ СОСТАВАМИ (ст. 205.4, 205.5, 210, 282.1, 282.2 УК РФ)

В данной статье анализируются положения ст. 239 УК РФ, раскрываются сущностное соотношение и практическое разграничение со смежными составами (ст. 205.4, 205.5, 210, 282.1, 282.2 УК РФ). Автором затрагиваются вопросы многообъектности преступных посягательств, обозначаются специфические элементы указанных составов преступлений, приводится судебная практика.

Ключевые слова: конституционные права и свободы, религиозные цели, многообъектность преступных посягательств, прямой умысел, порядок создания объединений, разграничение смежных составов преступлений, альтернативность элементов объективной стороны.

Конституцией РФ предусмотрено право граждан РФ на создание различного вида организаций, общин, ассоциаций. Указанное право реализуется посредством разработанного механизма регистрации и контроля деятельности данных объединений со стороны государства. Деятельность любого подобного объединения должна быть законной, в противном случае при наличии нарушений, причинении

¹ Приговор Шабалинского районного суда Кировской области от 01.05.2015 по уголовному делу № 1-74/2015 // справочная правовая система «Росправосудие». Интернет-портал: [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 27.01.2018).

вреда охраняемым законом интересам, государством (в лице уполномоченных органов и должностных лиц) будут применены предусмотренные меры воздействия, в том числе уголовно-правового характера.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 239 УК РФ, уголовно-наказуемым является «создание религиозного или общественного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью, а равно руководство таким объединением»¹.

В данном случае, основным объектом преступного посягательства является санкционированный государством порядок создания и деятельности религиозных и общественных объединений, некоммерческих организаций, а дополнительными - здоровье граждан, а также конституционные права последних.

Объективной стороной выступают активные действия по созданию религиозного объединения, а также руководство его деятельностью.² Указанная форма общности может быть представлена как религиозными организациями (с последующей обязательной государственной регистрацией такого объединения и приобретением правоспособности юридического лица), так и религиозными группами, создание и деятельность которых не сопряжена с регистрацией и приобретением правоспособности и ограничивается уведомительным порядком в отношении контролирующих государственных органов (Минюста РФ).³ Под руководством следует понимать принятие (и последующую реализацию) управленческих решений, оказывающих прямое воздействие на деятельность созданной организации, т.е. осуществление организационно-распорядительных полномочий лица.

Рассматривая последующие положения ст. 239 УК РФ, укажем на отличия объективной стороны диспозиций, закрепленных в ч. 2 и ч. 3 ст. 239 УК РФ. Ответственность, согласно ч. 2 ст. 239 УК РФ, наступает в случае создания некоммерческой организации (структурного подразделения иностранной некоммерческой неправительственной организации /иностранного агента), деятельность которой направлена на побуждение граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний, а равно руководства такой организацией либо структурным подразделением, тогда как ч. 3 ст. 239 УК РФ предусматривает ответственность только за участие и пропаганду деятельности указанных организаций.

Представляется, что ч. 2 ст. 239 УК РФ являет собой отдельный состав преступления со своими специфическими признаками (такими, как влияние на гражданскую (в том числе и политическую) активность граждан).

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом. Следует указать, что прямой конкретизированный умысел направлен на нарушение порядка создания или деятельности организации/объединения, в отношении дополнительных объектов распространяется неосторожность (при причинении вреда здоровью/отказе от исполнения гражданских обязанностей/совершении членами организации иных преступлений).

Возраст субъекта преступления (физического вменяемого лица) коррелируется со статусом лица - участника противоправного деяния. Так, учредителями религиозных объединений/некоммерческих организаций по чч. 1 и 2 ст. 239 УК РФ могут

¹ Деятельность самой организации прекращается и запрещается в порядке административного судопроизводства, по административному исковому заявлению прокурора, поданному в защиту интересов государства, общества и неопределенного круга лиц в порядке ст. 19, ст. 39 КАС РФ.

² В настоящей работе речь пойдет о религиозном объединении как наиболее встречающейся форме общности граждан, в результате деятельности которой причиняется вред не только здоровью участников организаций/групп, но и иным общественным отношениям.

³ Указанные положения нашли свое отражение в главе 2 (чч.1,2 ст.ст.6,7,8) ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» № 125-ФЗ.

О свободе совести и о религиозных объединениях : федеральный закон от 26.09.1997 N 125-ФЗ (послед. ред) // Консультант Плюс. Версия Проф. [Электронный ресурс] Электрон. дан. [М., 2018]

быть только лица, достигшие совершеннолетия. Ограничения деятельности субъекта по осуществлению руководства, участию, пропаганде деяний объединения отдельно не оговорены законодателем, вследствие чего возрастной ценз считается общим (16 лет).

Обращаясь к диспозиции, закрепленной в ч. 3 ст. 239 УК РФ, необходимо отметить, что объективная сторона считается выполненной (преступление является оконченным) с момента принятия участия в деятельности религиозного объединения либо совершения действий по пропаганде деяний последнего. За пропаганду деяний, предусмотренных ч. ч. 1 и 2 ст. 239 УК РФ, ответственность несут не только члены объединения, но и лица, не входящие в его состав.

Так, примером практического применения ч. 3 ст. 239 УК РФ является подтвержденный факт участия Ф., которая признана виновной в том, что, зная о нелегальном статусе религиозного объединения «...», занималась вовлечением граждан РФ в специфические религиозные обряды, а также в том, что, не имея медицинского образования и лицензии, разрешающей занятие медицинской деятельностью, не осознавая, что в результате ее действий наносится психический и физический вред посетителям, систематически осуществляла религиозные обряды с жителями, обратившимися к ней за помощью в целях избавления от заболеваний и (или) душевных потрясений.¹

При этом участием в деятельности считается согласие лица на членство в объединении и практическое участие в подготовке и проведении мероприятий, осуществляемых в объединении, в обеспечении его деятельности (сбор средств, вербовка новых членов, предоставление помещения для сбора и т. п.). Пропаганда деяний представляет собой распространение сведений о таких деяниях, содержащих открытое или завуалированное их одобрение, в устной или письменной формах, а также с использованием средств массовой информации.²

Интересным представляются моменты разграничения ст. 239 УК РФ со смежными составами. Так, схожими являются такие составы, как статьи 205.4, 205.5, 210, 282.1, 282.2 УК РФ.

Статья 205.4 УК РФ предусматривает ответственность за организацию (создание) террористического сообщества, а также руководство сообществом или его частью (ч. 1 ст. 205.4 УК РФ), и отдельно, за участие в таком сообществе (ч. 2 ст. 205.4 УК РФ). Составы, указанные в чч. 1 и 2 ст. 205.5 УК РФ предусматривают схожее выражение объективной стороны – это организация деятельности организации, признанной в РФ террористической (ч. 1) и участие в указанных объединениях (ч. 2).

Анализируя соотношение ч. 1 ст. 205.4, 205.5 и ч. 1 ст. 239 УК РФ, следует отметить наличие альтернативных действий, составляющих объективную сторону чч. 1 ст. 205.4 и ч. 1 ст. 239 УК РФ: создание или руководство организацией (в ч. 1 ст. 205.5 закреплена только организация деятельности – организационно-функциональный аспект). Однако различие заключается в целях создания и характерных признаках деятельности указанных объединений. Согласно диспозиции ч. 1 ст. 239 УК РФ – это общественное / религиозное объединение, имеющее своей целью реализацию и распространение своих идеологических установок, причем деятельность данной организации обязательно сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью. В то время, как в соответствии с ч. 1 ст. 205.4 УК РФ это цели осуществления террористической деятельности/подготовки/совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных статьями 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, либо цели пропаганды, оправдания

¹ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Башкортостан от 10 августа 2017 г. № 22-5522/2017 по делу № 22-5522/2017 // Консультант Плюс. Версия Проф. [Электронный ресурс] Электрон. дан. [М., 2018]

² Комментарий к статье 239 УК РФ [Электронный ресурс] URL: [http://stykrf.ru/239\(дата обращения 01.03.2018\)](http://stykrf.ru/239(дата обращения 01.03.2018))

и поддержки терроризма (обязательное применение насилия в отношении членов организации отсутствует), в ч.1 ст.205.5 рассматривается организация террористической деятельности в самом общем виде.

В связи со столь многочисленной дифференциацией возникают сложности в определении сути деятельности организаций, т.к. большинство организаций террористической направленности имеют общие религиозные установки. Возрастной ценз субъектов по указанным составам преступлений варьируется. Как правило, возраст лица является общим, однако предусмотрено его снижение в отношении ч.2 ст.205.4 и 205.5 УК РФ (ответственность наступает с 14 лет) и повышение в отношении учредителей местных религиозных организаций – 18 лет.

Субъективная сторона указанных составов выражена в форме прямого умысла, однако, для ч.1,2 ст.239 УК РФ (преступления с двойной формой вины) предусматривают в качестве обязательного – наличие неосторожности при причинении вреда участникам объединений/отказе от исполнения гражданских обязанностей/совершении участниками объединения иных преступлений.

Проводя анализ следующей группы составов (ст.239 УК РФ в сравнении со ст.281 и 282.2 УК РФ), следует первоначально отметить альтернативный характер объективной стороны чч.1, 1.1 ст.282.1 УК РФ, согласно которым преступным считается создание/руководство/создание объединений организаторов частей организации, а также вербовка/склонение или иное вовлечение в деятельность организаций экстремистского толка, ч.2 (уже традиционно) криминализует участие в данных объединениях.

При разборе положений ст.282.2 УК РФ следует согласиться с В.В. Воробьевым, который указывает на тот факт, что «с объективной стороны преступление, закрепленное ч. 1 ст. 282.2 УК РФ, выражается в организации деятельности общественно-го или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, за исключением организаций, которые в соответствии с законодательством РФ признаны террористическими».¹ Положения ч.2 ст.282.2 УК РФ так же закрепляют вопросы участия в экстремистских организациях. Субъект и субъективный состав 239, 282.1 и 282.2 УК РФ схожи (за исключением особенностей возраста учредителей местных религиозных организаций).

Как можно заметить, положения чч.1, 1.1 и 2 ст.282.1 и 282.2 УК РФ схожи друг с другом (в ст.282.1 дополнительно включены функции руководства) – разница заключается в форме данных объединений: экстремистском сообществе (организованной группе лиц, создаваемой для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности) и экстремистской организации (общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности). Экстремистская деятельность, в свою очередь, подразумевает под собой активные действия, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. В случае со ст.239 УК РФ – мотивы деятельности не имеют значения, важен характер деятельности (как правило, религиозный) и обязательное наличие критерия применения насилия в отношении членов общества (по ч.1 ст.239) деятельность некоммерческой организации/иностранной некоммерческой неправительственной организации, сопряженная с возбуждением у граждан желания отказаться от исполнения гражданских обязанностей или совершить иные

¹ Воробьев В.В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям в сфере функционирования некоммерческих организаций :автореф. к.ю.н. Краснодар. 2014. С. 113

противоправные деяния, чего не наблюдается при экстремистской деятельности. Субъектами выступают лица, достигшие 16-тилетнего возраста, причем лица выступают как в качестве учредителей данных организаций, так и рядовых участников, осуществляющих практическую деятельность в рамках таких объединений.

Обращаясь к рассмотрению соотношения ст.210 УК РФ и ст.239 УК РФ, в первую очередь, следует отметить многоаспектность ст.210 УК РФ. Там так же присутствует альтернативность действий, однако их перечень намного шире, представленного в ст.239 УК РФ. Так, объективная сторона представлена не только созданием, руководством преступным сообществом, и участием в последнем, но координацией преступных действий, созданием устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами или разделом сфер преступного влияния и преступных доходов между ними, участием в собрании организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп.

Отличительными особенностями преступных организаций (сообществ) являются организованность, структурированность и специальная цель совместного совершения тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Напомним, что в ст.239 УК РФ каких-либо специальных целей создания и деятельности организаций не предусмотрено.

Таким образом, следует отметить, что объективная сторона рассмотренных ранее составов предусматривает активные действия (при пропаганде также привлекаются лица, не состоящие в организации) по созданию, руководству и участию в данных объединениях. Субъективная сторона представлена прямым умыслом (за исключением дополнительных объектов по ст.239 УК РФ). Признаки субъекта по указанным составам являются общими, однако для ч.2 ст.205.4 и 205.5 УК РФ возрастной ценз снижен, а в качестве учредителей местных региональных организаций по ч.1 ст.239 УК РФ могут выступать только совершеннолетние лица. Различны также цели деятельности указанных организаций религиозной/террористической/экстремистской направленности, а также определенным составам присущи специфические признаки деятельности.

В.И. РОМАНЮК

студентка 4 курса

Санкт-Петербургского

юридического института (филиала)

Университета Прокуратуры

Российской Федерации

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «УЩЕРБ» И «РАЗМЕР» В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

В статье произведен юридический анализ понятий «размер» и «ущерб», используемых при законодательном описании общественно опасных последствий как признаков объективной стороны составов преступлений.

Ключевые слова: ущерб, размер, упущенная выгода, субъективный и объективный критерии.

В настоящее время в результате анализа норм Уголовного Кодекса РФ нельзя сделать однозначный вывод о соотношении таких понятий как «размер» и «ущерб». Такие категории являются оценочными и призваны обеспечить возможность измерения вреда, явившегося последствием совершенного преступления.

Дискуссии в юридической литературе по данному вопросу не умолкают до сих пор. Теоретики уголовного права высказывают различные мнения относительно понятия и соотношения данных преступных последствий.

Так, Л.Д. Гаухман занимает следующую позицию: «В гносеологическом значении размер выражает ценность, представляющую собой объективную категорию, а ущерб – оценку, являющуюся субъективной категорией. В уголовно-правовом значении размер – это, с одной стороны, объективный, а с другой – в большинстве норм УК РФ точно определенный признак, тогда как ущерб соответственно объективно-субъективный и во всех нормах УК – оценочный признак»¹. Таким образом, при определении ущерба важно исходить из имущественного положения гражданина и его оценки ущерба как значительного, крупного и так далее.

Несомненно, что понятие ущерба является более широким, и включает в себя размер причиненного вреда. Но возникает обоснованный вопрос: что же помимо размера входит в содержание понятия ущерб? Обратимся к литературе.

Л.Д. Гаухман определение ущерба базирует на гражданско-правовой норме об убытках². Данную точку зрения поддерживает М. Б. Кострова, рассматривая понятия «крупного ущерба» и «крупного размера» с точки зрения языкового аспекта. Автор отмечает полисемичность термина «крупный ущерб», поскольку «законодатель использует его в различных главах УК, придавая различное значение»³. В главе 21 УК РФ ущерб представляет собой исключительно экономические имущественные последствия, однако в других главах в зависимости от объектов преступления «добавочным» может оказаться иной вред, например экологический. М.Б. Кострова указывает на синонимичность термина «ущерб» и гражданско-правового термина «убытки» и приходит к выводу о том, что ущерб в уголовно-правовом значении может включать в себя реальный ущерб и упущенную выгоду.

Относительно включения в понятие ущерба упущенной выгоды высказывались многие авторы. В частности, В.П. Верин также считает, что крупный ущерб может выражаться и в виде реального материального ущерба, и в виде упущенной выгоды, при этом должно учитываться финансовое положение потерпевшего⁴.

Таким образом, исходя из анализа научных точек зрения, под ущербом следует понимать комплексную правовую категорию, включающую реальный материальный ущерб, упущенную выгоду, а также иной вред, определяемую исходя из нормативно установленной суммы в зависимости от конкретного состава преступления, предусмотренного УК РФ, а также имущественного положения гражданина и его субъективной оценки по поводу значительности причиненного ему вреда.

Однако, более или менее разобравшись с понятийным аппаратом терминов «ущерб» и «размер», мы сталкиваемся с некоторыми проблемами квалификационного характера. Как, например, быть в ситуации, когда размер причиненного гражданину ущерба в результате совершения хищения составляет размер, объективно позволяющий признать его значительным (крупным, особо крупным), однако потерпевший оказался состоятельным и ущерб для себя значительным (крупным, особо крупным) не признал?

Предполагается, что в такой ситуации, при учете направленности умысла на причинение ущерба в значительном размере, содеянное следует квалифицировать как покушение на хищение с причинением значительного ущерба. Однако в том случае, если в конкретной ситуации посягавший не осознавал значительности

¹ Гаухман Л. Д. Соотношение крупного размера и крупного ущерба по УК РФ // Законность. 2001. №1. С. 34.

² Там же.

³ Кострова М.Б. Крупный размер и крупный ущерб по УК РФ: языковой аспект // Законность. 2001. № 10. С. 25-28

⁴ Верин В.П., Преступления в сфере экономики. М.: Право и закон, 1999. С.61.

причиняемого вреда или осознавал, что его действия не повлекут значительного ущерба для гражданина (предположим, преступник знал о солидном финансовом положении потерпевшего), то в такой ситуации следует исключить в деянии признак значительного ущерба.

Но что делать, если представить ситуацию, прямо противоположную исходной? Допустим, потерпевший с учетом своего финансового положения считает, что конкретным преступным действием ему был причинен крупный ущерб, однако в действительности сумма ущерба не составляет необходимый размер, указанный в статье УК РФ для квалификации деяния по данному признаку?

Л.Д. Гаухман в подобной ситуации предлагает отталкиваться от осознания виновным ущерба как крупного, а также «имущественного положения потерпевшего и указывающего на крупный ущерб соотношения названных ущерба и положения потерпевшего... Таким образом, при отсутствии осознания виновным причиненного ущерба как крупного – данный признак вменен быть не может»¹.

Данная позиция представляется обоснованной. Вменение признака «крупного ущерба» возможно в отсутствие минимально необходимой для этого суммы, указанной в статье УК РФ, при одновременном наличии оценки потерпевшим вреда как крупного, и умысла посягавшего на причинение такого вреда. Разумеется, при этом необходимы объективные доказательства трудного финансового положения гражданина.

В контексте рассматриваемой проблемы хотелось бы также рассмотреть следующий вопрос: возможно ли вменение признаков ущерба и размера одновременно?

Рассмотрим данный вопрос на примере хищения. По мнению большинства ученых-теоретиков, в частности А. И. Бойцова, значительный ущерб вменяется виновному лицу только в том случае, когда «стоимость похищенного не достигает суммы, установленной для хищения в крупном размере, коль скоро данный особо квалифицированный вид хищения «перекрывает» квалифицированный признак значительного ущерба»².

Мы позволим себе не согласиться с подобной точкой зрения. Согласно п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» при наличии в действиях лица, совершившего кражу, грабеж или разбой, нескольких квалифицирующих признаков, предусмотренных в том числе разными частями статьи (например, разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в жилище, с применением оружия и т.п.), в описательно-мотивировочной части судебного решения следует перечислить все установленные квалифицирующие признаки, не ограничиваясь указанием только на наиболее тяжкий из них³. Как мы выяснили, понятия «ущерб» и «размер» – различные правовые категории, поэтому необходимо вменение каждого из указанных признаков. Но в этой связи может возникнуть следующая коллизионная ситуация: как быть в случае, когда хищение имущества в крупном размере с прямым умыслом на причинение потерпевшему значительного ущерба, в действительности его не причиняет (исходя из субъективной оценки потерпевшего и его финансового положения)?

П.С. Яни предлагает следующее решение данной проблемы: «Деяние в этом случае квалифицируется как оконченное хищение в крупном либо особо крупном размере, тогда как в обвинении безрезультатное стремление виновного

¹ Гаухман Л. Д. Указ. соч. С. 34.

² Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 506.

³ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 29 от 27.12.2002 г. // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [М., 2018].

причинить потерпевшему значительный ущерб отражается, но без использования термина «покушение»¹. Подобная позиция представляется не совсем верной. Признак хищения в крупном размере не зависит от субъективной составляющей, поэтому он вменяется без учета оценки потерпевшим причиненного ему вреда. Напротив же, для вменения признака значительного ущерба считаем необходимым соблюдение обоих критериев - объективного и субъективного (причем субъективный критерий является первостепенным). Поскольку в рассматриваемом примере преступного посяательства добиться значительного ущерба имущественному состоянию потерпевшего не удалось, то содеянное должно быть дополнительно квалифицировано как покушение на хищение в значительном размере.

Исходя из вышеизложенного, считаем необходимым на законодательном уровне закрепить понятие «ущерба» путем внесения изменений в примечания к статьям УК РФ, предусматривающим данный квалифицирующий признак. На примере примечания 2 к статье 158 УК РФ предлагаем изложить в следующей редакции: «Значительный ущерб в статьях настоящей главы включает реальный материальный ущерб, упущенную выгоду, а также иной вред, причиненный гражданину, и определяется с учетом его имущественного положения, но не может составлять менее пяти тысяч рублей, за исключением части пятой статьи 159.

В случае, если сумма ущерба составляет менее пяти тысяч рублей, вменение признака «значительного ущерба» возможно только при одновременном наличии доказательств тяжелого материального положения потерпевшего, оценки им причиненного ущерба как значительного, и прямого умысла посягавшего на причинение такого вреда».

¹ Яни П.С. Значительный ущерб как признак хищения // Законность. 2016. № 4. С. 57.

IV

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

**И.Д. АНТОНЮК,
К.А. ЗОГИНА**
магистранты 1 курса
Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета Прокуратуры
Российской Федерации

О ЗНАЧЕНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ ПРИ ПОДДЕРЖАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ

В статье раскрывается значение криминалистической тактики при поддержании государственного обвинения. Проведен анализ точек зрения по данным вопросам с последующим формированием авторских позиций.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическая тактика, значение тактики при обвинении, государственное обвинение.

Происходящие в Российской Федерации преобразования, направленные на формирование правового государства, становление правосудия, основанного на общепризнанных демократических принципах, требуют принципиально нового подхода к определению места и роли прокурора в судебном процессе. Данный тезис полностью подтверждается позицией Генерального прокурора Российской Федерации, согласно которой законность и справедливость рассмотрения уголовного дела в значительной степени зависят от активности и профессиональной подготовленности государственного обвинителя.

Оценивая качество и эффективность участия прокурора в судебном рассмотрении дела, следует исходить из его реального вклада в принятие судом законного, обоснованного и справедливого решения, учитывать проявленные принципиальность и объективность в отстаивании своей позиции, творческую инициативу и стремление к самосовершенствованию¹.

На наш взгляд, одним из способов повышения эффективности деятельности прокурора на судебных стадиях уголовного процесса является интеграция криминалистической тактики в деятельность государственного обвинителя.

Первым ввел понятие «уголовная тактика», а также разработал основы ее применения в расследовании преступлений немецкий ученый А. Вейнгарт², идеи которого позже были восприняты и развиты отечественным криминалистом И.Н. Якимовым³, что послужило своеобразным толчком для начавшейся в 50-е годы XX века дискуссии относительно понятия и содержания тактики, а также возможности ее использования в судебных стадиях уголовного процесса.

Значительный вклад в дальнейшую разработку теоретико-прикладных проблем, связанных с использованием криминалистической тактики в судебном разбирательстве, внес Л.Е. Ароцкер⁴. Одна из его работ долгое время служила основой подготовки государственных обвинителей⁵.

В дальнейшем идеи Л.Е. Ароцкера были развиты в исследованиях Р.С. Белкина, предложившего расширить предмет уголовной тактики и заменить распространное в то время понятие «следственная тактика» на «криминалистическую тактику». Таким образом, предполагалась разработка рекомендаций для участников, как стадии предварительного расследования, так и судебного разбирательства⁶.

Данный подход нашел воплощение и дальнейшее развитие в работах ряда ученых. Так, О.Я. Баев посвятил свои исследования вопросам применения криминалистической тактики в судебном следствии⁷. Позиция И.А. Возгрин основывалась на концепции разделении системы криминалистической тактики на общую и особенную части, в которой тактика проведения судебных действий была включена в особенную часть⁸. В свою очередь Г.А. Воробьев, исследуя вопросы тактики судебного разбирательства, выделил тактику обвинения, под которой понимается система научных положений и рекомендаций, позволяющих добиться эффективной обвинительной деятельности в суде. Особенность этого подхода заключается в отождествлении тактики обвинения и тактики суда⁹.

¹ Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства: Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 25.12.2012 № 465.

² Вейнгарт А. Уголовная тактика. Руководство к расследованию преступлений. СПб.: Вестник полиции, 1912, 272 с.

³ Якимов И.Н. Криминалистика. Уголовная тактика. М.: Издательство народного комиссариата внутренних дел РСФСР. 1929, 312 с.

⁴ Ароцкер Л.Е. Шире использовать в суде криминалистику // Советская юстиция. 1960. № 11. С. 35-42.

⁵ Ароцкер Л.Е. Применение государственным обвинителем тактических приемов и методов криминалистики // Поддержание государственного обвинения / Под ред. М. П. Малярова. М., 1970.

⁶ Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М.: Издательство ВШ МВД СССР, 1970. С. 71.

⁷ Баев О.Я. Избранные работы по проблемам криминалистики и уголовного процесса : сборник. / О. Я. Баев. Москва : ЭКСМО. 2011. С. 16.

⁸ Возгрин И.А. Криминалистическая методика расследования преступлений. / И. А. Возгрин. Минск : Высшая школа. 1983. С. 93.

⁹ Воробьев Г.А. Тактика и психологические особенности судебных действий: Учеб.пос. / Г.А. Воробьев. Краснодар, 1986. С. 9-13

Параллельно с исследованиями общих вопросов тактики судебного разбирательства разрабатывались рекомендации по тактике производства отдельных судебных действий¹, в первую очередь, судебного допроса².

Новый этап в исследовании криминалистической тактики ознаменовался проведением судебной реформы, суть которой заключалась в построении уголовного процесса на основе принципа подлинной состязательности. Вследствие этого появилось большое количество работ, посвященных тактике поддержания государственного обвинения.

В этой связи мы разделяем мнение В.Г. Ульянова: «...нельзя не признать, что государственные обвинители испытывают явный недостаток рекомендаций, которые могли бы помочь им в этой нелегкой работе. Отдельные стороны их участия в исследовании доказательств на суде разрабатывались, главным образом, процессуалистами и практиками. Криминалистика же до последнего времени лишь изредка касалась этой стадии судопроизводства, оставаясь преимущественно наукой для предварительного следствия. Настала пора, не ограничиваясь фрагментарным изучением, приступить к разработке системы научных рекомендаций по вопросам методики и тактики участия прокурора в судебном следствии, как это давно уже делается в отношении следствия предварительного»³.

Существенный вклад в дальнейшее развитие криминалистической тактики, используемой государственными обвинителями, внесли Н.И. Булдыгин, В.С. Бурданова, В.К. Гавло, В.Н. Исаенко, Д.В. Ким, Н.П. Кириллова, С.Л. Кисленко, В.И. Комиссаров, Ю.В. Кореневский, К.А. Корсаков, Е.С. Курохтина, О.Н. Коршунова, С.К. Питерцев, Е.Б. Серова, А.А. Степанов, В.Г. Ульянов.

Многочисленные работы этих и других авторов посвящены особенностям поддержания государственного обвинения по делам о преступлениях конкретного вида (разновидности). Вместе с тем, до настоящего времени недостаточно глубоко исследованы проблемы, возникающие как в ходе подготовки прокурора к поддержанию государственного обвинения, так и при производстве отдельных судебных действий. В подавляющем большинстве представленных в юридической литературе исследований, предпочтение отдается разработке тактических приемов судебного следствия, в то время как иные стадии судебного разбирательства – прения и реплики сторон, остаются без должного внимания.

Не умаляя теоретико-прикладную значимость указанных исследований, полагаем, что в современных условиях назрела необходимость в разработке и иных подходов к разрешению проблем, возникающих при поддержании государственного обвинения. Представляется, что к их числу могут быть отнесены вопросы, касающиеся тактико-криминалистических закономерностей применения специальных приемов, методов и средств поддержания государственного обвинения как в целом, так и применительно к отдельным видам и группам криминалистически сходных преступлений.

¹ Белкин Р.С. Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. / Р. С. Белкин. М.: Юридическая литература, 1964. 230 с.

² Питерцев С.К., Степанов А.А. Тактика допроса в суде: Учеб. пособие. / С. К. Питерцев, А.А. Степанов СПб.: Питер, 1979. 160 с; Ароцкер Л.Е. Тактика и этика судебного допроса. / Л. Е. Ароцкер. М.: Юридическая литература, 1969. 120 с.

³ Ульянов В.Г. Государственное обвинение в российском уголовном судопроизводстве (процессуальные и криминалистические аспекты): Автореф. дис. ... докт.юрид. наук. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2002. С. 17.

В.Е. АРТАМОНОВ
магистрант 2 курса
Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета Прокуратуры
Российской Федерации

ПРЕДПОСЫЛКИ УПРОЩЕНИЯ УГОЛОВНО - ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ

В статье рассматриваются предпосылки упрощения уголовно-процессуальной формы. Проведен анализ точек зрения по данному вопросу с последующим формированием авторской позиции.

Ключевые слова: уголовный процесс, предпосылки упрощения, уголовно-процессуальная форма.

В настоящее время упрощение процессуальной формы становится одной из основных тенденций в развитии всех видов правоприменительного процесса. Данная тенденция проявляется путем появления новых упрощенных производств, расширения сферы применения уже существующих, а также путем ограничения сферы применения производств с более сложными процессуальными формами. Так, за последние годы появились: производство по делам, по которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности, сокращенное дознание; была существенно изменена процессуальная форма производства по уголовным делам об экономических преступлениях.

В качестве обоснования внесения соответствующих изменений в уголовно-процессуальное законодательство указывается целый ряд причин. К примеру, в пояснительной записке законопроекта № 33012-6 (посвященного сокращенному дознанию) указано, что сокращенная форма дознания «будет в большей мере обеспечивать права личности, позволит достичь существенной процессуальной экономии, расширить диспозитивные начала при реализации подозреваемым (обвиняемым) права на защиту, а потерпевшим – права на доступ к правосудию»¹. Внедрение сокращенного дознания, как и иных сокращенных уголовно-процессуальных форм было продиктовано объективными обстоятельствами, побуждающими к упрощению досудебного производства, которые носят характер организационных и экономических причин, рассматриваемые в науке уголовно-процессуального права как предпосылки упрощения процессуальных производств².

Характер таких предпосылок как первопричин предопределяет критерии выделения упрощенного производства, которые в свою очередь обуславливают содержание признаков, приобретаемых упрощенным производством³.

В числе организационных предпосылок для упрощения досудебного производства в профессиональном сообществе называют непрекращающийся вал уголовных дел о преступлениях небольшой и средней тяжести. Согласно официальной

¹ Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 33012-6 «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Российская газета. 2012. 11 марта.

² Трубникова Т.В. Пределы упрощения уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 134.

³ Скобарева Е.А. Предпосылки, цели и направления для упрощения досудебного производства по уголовному делу // Мировой судья. 2017. № 11. С. 28 - 33.

статистике Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2017 году доля преступлений небольшой и средней тяжести составила 78 % (в 2014 – 76%; в 2015 – 78%; в 2016 – 79%) от общего числа зарегистрированных¹.

Существующий объем преступлений небольшой и средней тяжести перегружает органы предварительного расследования и тем самым отвлекает их от качественного расследования тяжких и особо тяжких преступлений. Несоразмерность кадрового и ресурсного обеспечения органов расследования возникающему валу преступлений небольшой и средней тяжести вполне очевидна.

Эффективность процессуальной деятельности при возрастающем количестве преступлений снижается из-за сохранения в уголовно-процессуальном законе не всегда рациональных процедурных требований. В числе таковых в юридическом сообществе указываются, например, «значительное количество формальных документов», количество «избыточных дублирующих друг друга процедур по уголовным делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности и сложности в доказывании»².

Стоит учитывать, что наличие подобных сложностей формального характера не только затягивает сроки производства по отмеченной категории дел, но и делает его экономически затратным³.

В науке уголовного процесса всегда подчеркивалось влияние экономических факторов на дифференциацию уголовно-процессуальных форм. В свое время еще И.Я. Фойницкий отмечал, что процесс, помимо моральной, имеет экономическую основу, выраженную в необходимости соответствия «наличным средствам государства». При построении процесса весьма важно соблюдать экономию времени, личных сил и денежных затрат⁴.

Современное отечественное законодательство в ст. 34 Бюджетного кодекса Российской Федерации закрепляет принцип эффективного использования существующих у государства бюджетных средств – при составлении и исполнении бюджетов участники бюджетного процесса в рамках установленных им бюджетных полномочий должны исходить из необходимости достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств (экономности) и (или) достижения наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств (результативности).

Основы проводимой экономической политики в рассматриваемой сфере можно также проследить в ежегодном послании Президента Федеральному собранию Российской Федерации. В своем обращении в 2016 году Президент Российской Федерации В.В. Путин обратил внимание на судопроизводство по уголовным делам о мелких незначительных преступлениях, подчеркивая большую актуальность разрешения данного вопроса и необходимость поиска путей оптимизации процедуры разрешения правовых конфликтов по данной категории дел⁵.

Сокращенные процессуальные формы несомненно выступают одним из инструментов законодателя по оптимизации и снижению расходов на осуществление уголовного судопроизводства.

¹ Состояние преступности в России за январь - декабрь 2017 года. С. 26. [Электронный ресурс] / URL: <http://crimestat.ru/analytics>. (дата обращения 01.09.2017 г.).

² Доклад о результатах мониторинга правоприменения, осуществленного Министерством внутренних дел Российской Федерации в 2015 году. С. 21. [Электронный ресурс] / URL: https://мвд.рф/upload/site1/document_file/DOKLAD.pdf. (дата обращения 01.09.2017 г.).

³ Волеводз А.Г. Упразднение стадии возбуждения уголовного дела: цена вопроса // Уголовный процесс. 2014. № 1. С. 80 - 83.

⁴ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. С. 153.

⁵ Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения 03.09.2017 г.).

Материально-правовой предпосылкой для дифференциации процессуальной формы является существование различных категорий преступлений, обладающих такими особенностями, которые объективно требуют отличия в порядке производства по ним¹. Так, тяжкие и особо тяжкие преступления, за которые возможно назначение наказания в виде длительных сроков лишения свободы, объективно требуют более строгих форм производства, позволяющих максимально снизить риск ошибки и обеспечить наиболее объективное и справедливое разбирательство дела. Напротив, преступления небольшой и средней тяжести, в тех случаях, когда обстоятельства их совершения ясны и никем не оспариваются, позволяют использовать другие формы деятельности при производстве по делам об этих преступлениях.

Как справедливо отмечает Л.А. Ярыгина: «...те или иные процессуальные формы и процедуры, создавая оптимальные условия для достижения целей и задач процесса, успешного производства расследования и судебного разбирательства, являясь гарантиями прав личности, могут быть необходимыми по делам об одних видах преступлений и ненужными, излишними по делам о других преступлениях...»; «...по несложным, не связанным с применением строгих мер наказания, они являются пустой бессодержательной формальностью, препятствующей реализации процессуальных гарантий»².

Для достижения задач, содержащихся в ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации, и осуществления функций уголовного права – охранительной, предупредительной, воспитательной – имеет значение не столько строгость уголовной репрессии, сколько ее неотвратимость и быстрота.

С точки зрения процессуального права потребность в упрощении досудебного производства обусловлена необходимостью обеспечить разумный срок расследования, в том числе и путем корректировки формально определенных сроков³. Введение принципа разумного срока уголовного судопроизводства было обусловлено рядом объективных факторов, прежде всего, необходимостью повышения уровня процессуальных гарантий, направленных на обеспечение права участников уголовного процесса на осуществление судопроизводства без необоснованных задержек, а также реализации положений Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (принятой резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 г.), Конвенции о защите прав человека и основных свобод, решений Европейского Суда по правам человека.

Данный вопрос являлся предметом дискуссий и в рамках «Семинара-практикума по стратегиям и оптимальным видам практики по предупреждению переполненности исправительных учреждений», проводимого под эгидой ООН. На семинаре обсуждались проблемы затягивания сроков завершения следствия и передачи дел в суды, многочисленные перерывы в судебных заседаниях, рост числа незавершенных дел в судах. Приведенные проблемы, по мнению участников семинара, способствует увеличению продолжительности сроков нахождения в предварительном заключении. В качестве основной причины возникновения указанных проблем, помимо прочего, выступило отсутствие положений об упрощенном судопроизводстве или их недостаточное использование⁴.

¹ Дикарев И.С. Дифференциация уголовно-процессуальной формы и факторы, ее обуславливающие // Российская юстиция. 2013. № 9. С.19

² Ярыгина Л.А. Сокращенное дознание как самостоятельная форма досудебного производства по уголовным делам // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2016. № 3 (36).

³ Якубова С.М. Дифференциация сроков расследования в связи с приостановлением производства по уголовному делу: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 19 – 21.

⁴ XII Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию: Семинар-практикум по стратегиям и оптимальным видам практики по предупреждению переполненности исправительных учреждений. Документ ООН A/CONF.215/16, 25 January 2010. П. 12. [Электронный ресурс] / URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/V10/504/22/PDF/V1050422.pdf?OpenElement> (дата обращения: 24.02.2017).

Однако и обеспечение разумных сроков, и соблюдение формально определенных сроков расследования значимы не сами по себе, а во взаимосвязи с их наполнением – эффективными и интенсивными процессуальными действиями, направленными в конечном счете на разрешение судом уголовного дела по существу¹.

Таким образом, наличие в законодательстве сокращенных форм расследования (несмотря на ряд неточностей и противоречий в правовом регулировании данных форм) обусловлено целым комплексом предпосылок, свидетельствующим об объективной потребности в упрощении процедуры уголовного судопроизводства.

М.С. БЕРЕЗДОВЕЦ
магистрант 2 курса
Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета Прокуратуры
Российской Федерации

К ВОПРОСУ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА ПОТЕРПЕВШЕГО НА БЕЗОПАСНОСТЬ В СВЯЗИ С ЕГО УЧАСТИЕМ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассмотрены вопросы обеспечения права потерпевшего на безопасность в связи с его участием в уголовном судопроизводстве. Проведен анализ точек зрения по данным вопросам с последующим формированием авторской позиции.

Ключевые слова: уголовный процесс, обеспечение права потерпевшего, право на безопасность, уголовное судопроизводство.

Обеспечение безопасного участия потерпевшего в сфере уголовного судопроизводства является обязанностью ведущего производство по делу должностного лица.

Правовое регулирование рассматриваемой сферы правовых отношений состоит в предписаниях УПК РФ и Закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»², ряда постановлений правительства, иных нормативных актов³.

Анализ правоприменительной практики показывает, что существует множество проблем при применении мер защиты по отношению к потерпевшему в связи с его участием в уголовном судопроизводстве.

¹ Кабанцов Юрий Николаевич. Сущность и формы дознания в российском уголовном процессе // Общество и право. 2015. № 2 (52). С. 167-171.

² О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : фед. закон от 20 авг. 2004 г. № 119-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 34. ст. 3534.

³ Об утверждении Правил применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : постановление Правительства Рос. Федерации от 27 окт. 2006 г. № 630.// Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 45. ст. 4708;

Об утверждении правил применения мер безопасности в виде переселения защищаемого лица на другое место жительства в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : постановление Правительства Рос. Федерации от 21 сент. 2012 г. № 953. //Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012 № 39. ст. 5290.

Согласно опроса более тысячи граждан в семи регионах Российской Федерации, более половины считают, что право потерпевшего на защиту от давления со стороны обвиняемого и его окружения не обеспечивается¹. По результатам исследования, проведенного М.А. Авдеевым 48% свидетелей и потерпевших меняют свои показания по соображениям собственной безопасности под влиянием шантажа, угроз. 67 % опрошенных лиц заявили о наличии у них реальных опасений за свою безопасность в связи с содействием правосудию². Согласно исследованиям, проведенным С.А. Синенко, из 218 проанкетированных граждан в пяти субъектах Российской Федерации 16 % потерпевших испытывали реальную угрозу своей безопасности (в 77% случаев такая угроза была связана с причинением вреда здоровью, в остальных – с уничтожением имущества либо и тем и другим; в 9% случаев угроза была реализована). По вопросу защиты только 31% потерпевших обратились в правоохранительные органы. Удовлетворены действиями, направленными на обеспечение безопасности, оказались всего 2%. У большинства опрошенных нет уверенности в том, что их безопасность при оказании содействия правосудию будет осуществлена надлежащим образом³.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что институт защиты потерпевшего при производстве по уголовному делу является мало востребованным на практике.

Представляется, что рассматриваемая проблема связана с некорректным формулированием оснований для применения мер безопасности. Фактическими основаниями для применения мер безопасности являются достаточные данные о том, что потерпевшему угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества либо иными опасными противоправными деяниями (ч. 3 ст. 11 УПК РФ). Согласно положениям ст. 16 Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» основаниями для применения мер безопасности являются данные о наличии реальной угрозы убийства защищаемого лица, насилия над ним, уничтожения или повреждения его имущества в связи с участием в уголовном судопроизводстве, установленные органом, принимающим решение об осуществлении государственной защиты.

И в УПК РФ, и в Федеральном законе «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» используется термин «данные». В первом случае он усилен словом «достаточные»; во втором – словосочетанием «о наличии реальной угрозы», а также такие данные должны быть установлены уполномоченным на осуществление государственной защиты органом.

Представляется, что такие формулировки значительно усложняют, а в некоторых случаях делают невозможным применение мер защиты по отношению к потерпевшему. В действиях обвиняемого или лиц из его окружения не всегда можно усмотреть достаточные данные для ходатайства о применении мер безопасности.

¹ Сумачев А.В. Пояснительная записка к проекту постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, связанных с учетом волеизъявления потерпевших при применении уголовного и уголовно-процессуального законодательства» // Российский судья. – 2004. – №1. – С.39.

² Авдеев М.А. Теоретические и правовые основы обеспечения личной и имущественной безопасности участников уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.2008. С.4.

³ Синенко С.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: дис. ... докт. юрид. наук. М. 2014. С. 143.

Например, угроза потерпевшему может быть высказана однократно. Вместе с тем доказать факт угрозы очень сложно, в некоторых случаях невозможно, поскольку непросто выявить лиц, которые непосредственно угрожали потерпевшему, а свидетелей такого события обычно не бывает, либо получить их показания затруднительно. Следовательно, полагаться при решении вопроса можно только на показания потерпевшего. Однако, согласно позиции законодателя, таких показаний может не хватить для применения мер безопасности, поскольку они не будут соответствовать предписанным в законе основаниям.

Потерпевший может столкнуться с такими действиями со стороны обвиняемого и его окружения как слежка, ночные звонки, при которых вызывающий абонент молчит, фотографирование на улице незнакомыми людьми и др. В указанных случаях у потерпевшего возникают обоснованные опасения за свою жизнь, здоровье, за своих родственников и близких лиц, свое имущество. Однако его опасений недостаточно для применения мер безопасности, которые установлены законом.

Обратим внимание на правовое регулирование рассматриваемого вопроса в зарубежных странах. Согласно ч.1 ст. 99 УПК Республики Казахстан (далее УПК РК) орган предварительного расследования, обязан принять меры безопасности к потерпевшему, свидетелю, обвиняемому, другим лицам, принимающих участие в уголовном процессе, а также к членам их семей и близким родственникам, если в связи с производством по уголовному делу имеется реальная угроза совершения в отношении них насилия или иного запрещенного уголовным законом деяния. Законодатель Республики Казахстан не ставит перед правоприменителем задачи устанавливать достаточность данных, свидетельствующих о необходимости применения мер защиты потерпевшего и иных лиц. Также в УПК РК определено, что для применения мер защиты достаточно устного или письменного заявления потерпевшего, которое должно быть рассмотрено в срок, не превышающий 24 часа. Заявитель вправе обжаловать отказ правоохранительного органа в применении мер безопасности. Также правоохранительные органы могут применить меры по защите интересов потерпевшего по собственной инициативе. К сожалению, УПК РФ таких положений не содержит.

Представляется, что в целях обеспечения прав и законных интересов потерпевшего, необходимо установить обязанность должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, принимать меры безопасности к потерпевшему по его ходатайству.

Отметим, что требования потерпевшего могут быть надуманными и необоснованными. Однако думается, что в процессе расследования преступления лучше допустить реальность опасений потерпевшего, чем не защитить его от посягательств со стороны обвиняемого и его окружения с целью препятствования осуществлению правосудия. Законодатель предусмотрел достаточно широкий перечень мер безопасности, которые могут применяться избирательно, согласно мнению правоохранительного органа. К таким мерам безопасности относятся: личная охрана, охрана жилища и имущества; выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности; обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице; переселение на другое место жительства; замена документов; изменение внешности; изменение места работы (службы) или учебы; временное помещение в безопасное место.

Как справедливо замечает А.Д. Бойков, что если жизнь человека, его здоровье и собственность не имеют надежной защиты со стороны государственных органов, то следствием этого является не только падение престижа власти, но и рост правового и нравственного нигилизма¹.

¹ Бойков А.Д. Адвокатура и адвокаты. М.:Юрлитинформ, 2006. С. 153.

Для обеспечения права потерпевшего на защиту от неправомерного воздействия на него со стороны обвиняемого и его окружения необходимо максимально оперативно проверять сообщения о предполагаемых противоправных посягательствах на их жизнь и здоровье. Однако, как отмечает С.А. Синенко, анализ правоприменительной практики показывает, что нередко по фактам преступного посягательства на потерпевших уголовные дела не возбуждаются. Если и принимается решение об осуществлении расследования по данным фактам, то спустя длительное время после поступления заявления от потерпевшего¹.

Решение проблемы нежелания работников правоохранительных органов применять в отношении потерпевших меры защиты видится во внесении изменений в законодательство. Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» содержит главу, посвященную ответственности за нарушения требований данного закона. Статья 25 названного закона содержит положение о том, что должностное лицо органа, обеспечивающего государственную защиту, виновное в непринятии решения об осуществлении государственной защиты или в ненадлежащем ее осуществлении, несет ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации. Однако, при наличии некорректных формулировок оснований для применения мер безопасности невозможно привлечь нарушителя к установленной ответственности. Также в рассматриваемой норме не указан инициатор привлечения лица к ответственности, не установлен порядок привлечения к ответственности.

Согласно положениям Федерального Закона «О прокуратуре», Приказам Генерального прокуратора от 28.12.2016 № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» приказу от 26.01.2017 № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания», прокуроры должны обеспечить качественный и эффективный надзор за исполнением законов органами предварительного следствия независимо от их ведомственной принадлежности. Защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений считается приоритетным направлением деятельности органов прокуратуры.

Представляется, что для надлежащего обеспечения права потерпевшего на защиту в связи с его участием в уголовном судопроизводстве необходимо внесение изменений в УПК РФ. Во-первых, необходимо установить, что меры безопасности в отношении потерпевшего в связи с его участием в уголовном судопроизводстве будут применяться по ходатайству потерпевшего, а также по инициативе лиц, осуществляющих предварительное расследование. Такие изменения были внесены в Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» Федеральным законом от 07.02.2017², однако УПК РФ не подвергался соответствующим изменениям. Предлагается дополнить ч.2 ст. 21 УПК РФ положением следующего содержания: «а также меры безопасности в отношении потерпевшего, если в связи с его участием в производстве по уголовному делу имеется угроза совершения в отношении него насилия или иного запрещенного уголовным законом деяния». Во-вторых, необходимо наделить прокурора полномочием по постановке вопро-

¹ Синенко С.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: дис. ... докт. юрид. наук. М. 2014. С. 150.

² О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных органов» и Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»: Фед. закон от 7 фев. 2017 г. №7-ФЗ // «Собр. законодательства Рос. Федерации». – 2017. – № 7. – ст. 1026.

са о привлечении лица, допустившего нарушение требований закона о предоставлении мер защиты потерпевшему к установленной законом ответственности. В ходе исследования данной проблемы было проведено анкетирование слушателей факультета повышения квалификации Санкт-Петербургского Юридического Института (филиала) Академии Генеральной Прокуратуры РФ, по результатам которого 86 % от опрошенных работников прокуратуры разделяют данное мнение. Предлагается дополнить ч. 2 ст. 37 УПК РФ пунктом 31, который изложить в следующей редакции: «проверять исполнение требований федерального законодательства о государственной защите потерпевшего в связи с его участием в уголовном судопроизводстве».

В.Н. ЗИНЧЕНКО

магистрант 1 курса
Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета Прокуратуры
Российской Федерации

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В представленной статье рассматриваются некоторые проблемы, возникающие при обеспечении прав личности в стадии возбуждения уголовного дела. Проведен анализ точек зрения по данным вопросам с последующим формированием авторской позиции.

Ключевые слова: уголовный процесс, обеспечение прав личности, стадия уголовного процесса, возбуждение уголовного дела.

Вопрос о сущности, назначении и необходимости начальной стадии уголовного процесса в России вызывает множество научных дискуссий, в то же время на практике обнаруживается ряд проблем, которые вызывают необходимость согласования теоретических позиций и практических наработок. Особо актуальным это становится в свете негативной тенденции увеличения количества нарушений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) при приёме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении, которые влекут за собой нарушение закрепленных ст. 52 Конституции Российской Федерации прав заявителей.

Как показывает опыт правоприменительной практики, в стадии возбуждения уголовного дела допускаются серьезные нарушения законности. В последнее время наблюдается тенденция постепенного увеличения количества нарушений при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении. Согласно сведениям Генеральной прокуратуры Российской Федерации, количество выявленных в 2017 году нарушений в данной области увеличилось по сравнению с 2016 на 0,4% и составило 3 793 667.¹

¹ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2017 г. / [Эл. ресурс] URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/1336134/> (дата обращения: 01.03.2018)

В 2016 году по сравнению с 2015 рост составил 1,2% при 3778553 выявленных нарушениях соответственно.¹ Рост количества данных нарушений вызывает необходимость усиления прокурорского надзора за органами дознания и предварительного следствия, особое внимание следует уделить органам дознания МВД РФ, поскольку органами внутренних дел регистрируется до 89% от общего числа зарегистрированных преступлений.

Укажем, что серьезной проблемой является недостаточность полномочий прокурора при осуществлении надзора за рассмотрением сообщений о преступлении, предусмотренный ст. 144 УПК РФ, что проявляется, в первую очередь, в отсутствии у прокурора полномочий на возбуждение уголовного дела. Возможность вынесения мотивированного постановления в порядке п.2 ч.2 ст. 37 УПК, призванная это компенсировать, основана скорее на моральном императиве и органы дознания и предварительного следствия в большинстве случаев не отказывают в возбуждении уголовного дела после направления материалов проверки из прокуратуры. Так, за январь 2018 по 350 направленным материалам для решения вопроса об уголовном преследовании в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ было возбуждено 230 уголовных дел.²

При нежелании возбуждать уголовное дело органы предварительного расследования могут неоднократно выносить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и прокурор подобное нежелание не сможет преодолеть. В связи с этим в теории уголовного процесса существуют предложения по ликвидации или существенному преобразованию данной стадии. Так, в Дорожной карте дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации предлагается трансформировать стадию возбуждения уголовного дела в институт начала уголовного судопроизводства, который будет включать: 1) принятие, регистрацию сообщения о преступлении; 2) проверку сообщения, собирание доказательств; 3) применение мер процессуального принуждения; 4) производство ряда следственных действий.³ Данная позиция во многом повторяет опыт зарубежных стран, в первую очередь Швеции. Страны же ближнего зарубежья, такие как Украина, Республика Казахстан и Республика Молдова, пошли по пути полной отмены доследственной проверки и все сообщения о преступлениях незамедлительно заносятся в Единый реестр.⁴

Федеральным законом от 04.03.2013 г. №23-ФЗ кардинальным образом был расширен объем процессуальных действий при производстве процессуальной проверки заявлений и сообщений о преступлении, предусмотренный ст. 144 УПК РФ, в связи с чем в литературе подверглась критике ситуация, «при которой в период доследственной проверки, когда сторона защиты еще не сформировалась, законодатель позволил следователю проводить полноценное расследование и получать любого вида доказательства виновности будущего обвиняемого».⁵

¹ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2016 г. / [Эл. ресурс] URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/1162524/> (дата обращения: 01.03.2018)

² Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь 2018 г. / [Эл. ресурс] URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/1338628/> (дата обращения: 01.03.2018)

³ Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации [Эл. ресурс] URL: <http://www.mvd.ru/document/829054> (дата обращения: 01.03.2018)

⁴ Официальный сайт комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан/ [Эл. ресурс] URL: <http://pravstat.prokuror.kz/rus/sub/news/edinyy-reestr-dosudebnyh-rassledovaniy> (дата обращения: 01.03.2018)

⁵ Нвер Г. Гордиев узел доследственной проверки [Эл. ресурс] URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/gordiev-uzel-dosledstvennoy-proverki/> (дата обращения: 01.03.2018)

Многие ученые-процессуалисты скептически относятся к получаемым в ходе следственной проверки материалов. Так, И.Л. Петрухин называл все получаемые в стадии возбуждения уголовного дела (вне процессуальной формы) объяснения, ведомственные исследования и другие документы эрзац-доказательствами, которые должны, по его мнению, признаваться в суде недопустимыми.¹ Как пишет Г.П. Химичева, проверочные действия не могут заменить проведения соответствующих следственных действий при расследовании дела, поскольку закон (ч. 2 ст. 74 УПК РФ) прямо предусматривает в качестве доказательств показания свидетеля, показания потерпевшего и т.д.² По мнению М.С. Шалумова, какие бы заявления ни делал или объяснения ни давал гражданин до возбуждения уголовного дела, они не приобретают статуса допустимого доказательства, поскольку не заменяют показаний, полученных на допросе.³

Однако, на сегодняшний день вопрос о трансформировании российского уголовно-процессуального законодательства в части ликвидации или существенного пересмотра стадии возбуждения уголовного дела остаётся в рамках научных теорий и предложений и не находит своего отражения в законопроектах.

Отдельного внимания при рассмотрении проблем стадии возбуждения уголовного дела в отечественном уголовном процессе заслуживает вопрос обеспечения прав лица, понесшего вред от совершения преступления, в стадии возбуждения уголовного дела.

Согласно ч.1 ст. 42 УПК РФ потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда.

Как справедливо отмечает профессор Шадрин В.С., законодатель, установив Законом РФ от 28.12.2013 №432-ФЗ императивное требование к органам, осуществляющим предварительное расследование, о признании потерпевшим незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела, создал более благоприятные условия для реализации потерпевшим своих прав по сравнению с ранее действовавшими уголовно-процессуальными нормами, однако заложил в весьма двусмысленной формулировке «незамедлительно с момента возбуждения» возможность ее ситуативной интерпретации в интересах правоприменителя в лице следствия и дознания и последующего неправомерного растягивания этой «незамедлительности» до одного ему нужного временного периода. Также не был окончательно решен вопрос о процессуальном статусе лица, заявляющего о причинении ему вреда, в стадии возбуждения уголовного дела, поскольку де-юре оно остается не имеющим процессуальных прав заявителем на весь период указанного этапа, могущего длиться до тридцати суток.⁴

¹ Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса России // Ч. II. М.: ТК «Велби», 2005. С. 27.

² Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности // Монография. М.: Экзамен, 2003. С. 143.

³ Шалумов М.С. Использование материалов, собранных до возбуждения уголовного дела, в качестве доказательств // Уголовный процесс. 2005. № 3. С. 32.

⁴ Шадрин В.С. Проблемы обеспечения прав потерпевшего в связи с решением вопроса о возбуждении уголовного дела // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2014. № 2 (17). С. 151-154.

В теории уголовного процесса в качестве одного из путей решения данной проблемы предлагается введение такого нового понятия, характеризующего на данной стадии статус лица, понесшего вред от совершения преступления, как «пострадавший» и наделение его определёнными правами и обязанностями.¹ Однако данной позиции оппонирует мнение, согласно которому введение очередного понятия, характеризующего тот же субъект уголовно-процессуальных правоотношений, что и «потерпевший», не приведет ни к чему, кроме как нагромождению терминологии.² Действительно, наличие в уголовно-процессуальном законе двух понятий, имеющих семантическое сходство и зачастую де-факто характеризующих одно и то же лицо, повлечет лишь ненужную бюрократизацию процесса и породит очередные ошибки в правоприменительной практике.

Стоит согласиться с позицией, описанной, в частности, Шадриним В.С. и заключающейся в идейном возвращении к такому порядку признания «заявителя» потерпевшим, что был установлен российским Уставом уголовного судопроизводства 1864 (далее – УУС). Согласно УУС, под потерпевшим подразумевалось любое лицо, заявившее о совершении в отношении его преступления. Заявления (объявления) лиц о причинении им вреда, имеющего преступный характер, признавались «жалобами» (ст. 301 УУС), а жалоба «почитались достаточным поводом к начатию следствия».

В данном свете небезынтересным является позиция, изложенная Конституционным судом Российской Федерации и заключающаяся в том, что лицо, по существу, является потерпевшим (пострадавшим) в силу самого факта причинения ему преступлением такого вреда, а не вследствие вынесения решения о признании его потерпевшим; соответственно, правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением дознавателя, следователя или суда о признании потерпевшим, но не формируется им.³ Однако это ни в коей мере не значит, что следует отождествлять понятие «потерпевший» в его уголовно-правовом и уголовно-процессуальном смысле.

С учетом изложенного выше, прокурорами в настоящее время уделяется особое внимание соблюдению прав граждан при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении. В целях обеспечения прав и свобод лиц, пострадавших от преступления, а также для правильной квалификации деяния и принятия решения об утверждении или отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, необходимо проводить проверку каждого материала с результатами проверки сообщения о преступлении, и в первую очередь связываться с заявителем для выяснения его отношения к указанным результатам. В то же время действующий УПК РФ требует дальнейшего совершенствования в части регламентации механизма обеспечения прав и свобод личности в уголовном процессе, особенно в стадии возбуждения уголовного дела.

¹ Шаров Д.В. Обеспечение прав потерпевшего в досудебном производстве // М., Юрлитинформ, 2011. С. 59.

² Быков В.М., Колдин С.В. Защита прав потерпевшего в уголовном процессе России (досудебное производство) // М., Юрлитинформ, 2013. С. 42.

³ Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 11 ноября 2014 года N 28-П о проверке конституционности положений части 1 статьи 1 Федерального закона "О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок" и части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.В. Курочкина, А.Б. Михайлова и А.С. Русинова [Эл. ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155489/ (дата обращения: 01.03.2018)

Э.Г. МАГОМЕДОВА

студентка 4 курса
Саратовской государственной
юридической академии

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ ИНОСТРАННОГО ГРАЖДАНИНА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

В статье раскрывается правовое положение иностранных граждан в отечественном уголовном судопроизводстве. Проведенный автором анализ нормативных актов, юридической литературы и правоприменительной практики позволил выявить ряд проблем и сформулировать предложения по их разрешению путем дополнения УК РФ и УПК РФ соответствующими нормами.

Ключевые слова: иностранный гражданин, правовой статус, уголовный процесс, уголовный закон, универсальная юрисдикция.

В настоящее время прослеживается тенденция к увеличению сегмента иностранных граждан, участвующих в материальных и процессуальных правоотношениях. Указанное обстоятельство обусловлено, в первую очередь, изменениями на международной арене и неблагоприятной социально-экономической ситуацией.

Вопрос об участии иностранных граждан в российском судопроизводстве неоднократно поднимался учеными-юристами. Исследование указанной проблематики было ориентировано в основном на «внутреннее» регулирование отношений с участием иностранных граждан и лиц без гражданства (например, на определение их правового статуса) в рамках уголовного, гражданского судопроизводства. Однако, многие из обозначенных проблем в области участия иностранных лиц в уголовном судопроизводстве, до сих пор не нашли своего решения на законодательном уровне.

Во-первых, четко не сформулированы некоторые дефиниции, характеризующие правовое положение иностранных граждан и лиц без гражданства. Так, закон не дает точного определения и разграничения понятий «экстрадиция» и «выдача» иностранного гражданина.

Во-вторых, полностью не сформирован механизм реализации принципа языка уголовного судопроизводства. В данном ключе представляется спорной новая редакция ч. 1. ст. 96 УПК РФ, которая содержит явное ограничение предоставленного законом права подозреваемого информировать родственников или близких лиц о факте задержания и местонахождении на русском языке¹.

В-третьих, неполно урегулирована процедура участия переводчика в уголовном судопроизводстве (например, из закона неясно кто несет финансовые затраты по оплате работы переводчика, выраженные в выплате судебных издержек; как влияют факты затягивания сроков по причинам затруднений в поисках переводчика, обеспечения его явки на следственные действия и в судебное заседание на соблюдение принципа разумного срока уголовного судопроизводства; не определено понятие его компетенции, отсутствуют требования к квалификации переводчика и т. п.).

На сегодняшний день особую актуальность имеют изменения, внесенные Федеральным законом № 375-ФЗ² в ч. 3 ст. 12 УК РФ и ст. 3 УПК РФ, которые посвящены иностранным гражданам и лицам без гражданства. Так, согласно введенной в

¹ См.: Орлова А.А. О реализации принципа «язык уголовного судопроизводства» в российском уголовном процессе // Проблемы правоохранительной деятельности. Белгород, 2016. № 2. С. 17-19.

² См.: Федеральный закон от 6 июля 2017 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // СЗ РФ. 2016. № 28, ст. 4559.

ст. 3 УПК РФ, ч. 1.1, в случаях, предусмотренных ч. 3 ст. 12 УК РФ, отдельные процессуальные действия за пределами территории Российской Федерации в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства могут проводиться в соответствии с требованиями УПК РФ.

В соответствии с ч. 3 ст. 12 УК РФ процессуальные действия также могут производиться в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, не проживающих постоянно в Российской Федерации и совершивших преступления вне пределов Российской Федерации, в случаях, если преступления направлены против интересов Российской Федерации; либо в отношении гражданина Российской Федерации или постоянно проживающего в Российской Федерации лица без гражданства, а также в случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации или иным международным документом, содержащим обязательства, признаваемые Российской Федерацией, в сфере отношений, регулируемых УК РФ, если иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Российской Федерации, не были осуждены в иностранном государстве и привлекаются к уголовной ответственности на территории Российской Федерации. Новые правила направлены на законодательное оформление возможности осуществления отдельных процессуальных действий за пределами территории России. Появление указанных норм обусловлено устоявшейся правоприменительной практикой Следственного Комитета РФ по расследованию преступлений, совершенных на территориях самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик.

По смыслу норм УК РФ и УПК РФ осуществление отдельных процессуальных действий за пределами Российской Федерации возможно в отношении: иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно не проживающих на территории Российской Федерации, привлекаемых к уголовной ответственности за преступления, совершенные против интересов Российской Федерации; гражданина Российской Федерации или лица без гражданства постоянно проживающего в России; иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно не проживающих на территории Российской Федерации, привлекаемых к уголовной ответственности в случаях, предусмотренных международными актами, которые содержат обязательства, признаваемые Россией, в сфере регулируемых уголовным законом отношений, если эти лица не были осуждены в иностранном государстве и привлекаются к уголовной ответственности на территории Российской Федерации.

Исходя из содержания ч. 1.1 ст. 3 и ч. 3 ст. 12 УПК РФ представляется, что процессуальные действия за пределами российской территории могут осуществляться в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона обеих указанных выше групп иностранных граждан и лиц без гражданства. Однако в нормах части пятой УПК РФ закреплена возможность проведения процессуальных действий на территории иностранного государства исключительно уполномоченными органами этого государства на основании поступившего с российской стороны запроса. Доказательства, полученные таким путем в ходе оказания правовой помощи по уголовным делам или направленные в Россию в качестве приложения к поручению об осуществлении уголовного преследования в соответствии с международными актами и на основе принципа взаимности, обладают той же юридической силой, как если бы они были получены на территории России¹.

¹ См.: Малинин П.А. Некоторые проблемы уголовного судопроизводства в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства // Научный журнал КубГАУ. Краснодар, 2016. № 123. С. 1-11.

Из анализа норм ч. 1.1 ст. 3 УПК РФ можно сделать вывод, что проведение отдельных процессуальных действий осуществляется не только на территориях иностранных государств, но и других территориях, находящихся за пределами границы Российской Федерации (международная территория и территория со смешанным режимом). Таким образом, данное правило ограничивает круг иностранных граждан, к которым возможно применение отдельных процессуальных действий в порядке, предусмотренном частью пятой УПК РФ (положения о международном сотрудничестве в сфере уголовного судопроизводства действуют только в отношении второй группы лиц).

Уголовно-процессуальный закон, основываясь на принципе равенства всех перед законом и судом, не определяет правового статуса иностранных граждан в российском уголовном судопроизводстве. Иначе говоря, в данной области правовой статус иностранного гражданина равнозначен правовому статусу гражданина Российской Федерации¹. Однако в части процессуального статуса лиц, подпадающих под действие ч. 1.1 ст. 3 УПК РФ, то есть в условиях отсутствия международного соглашения, нельзя говорить о полноценности предварительного расследования. В попытках разрешить обозначенную проблему Следственный Комитет РФ указывает на право осуществления универсальной юрисдикции Российской Федерацией. Универсальная юрисдикция является видом уголовной юрисдикции, которая основана исключительно на характере совершенного преступления безотносительно места совершения преступного деяния, гражданства лица, совершившего преступление, гражданства жертвы преступного деяния или другой связи с государством, применяющим подобный вид юрисдикции.

Применение универсальной юрисдикции не запрещено нормами международного права, но, на сегодняшний день, в соответствии со ст. 12 УК РФ в России применяется только экстратерриториальная юрисдикция. В части формулировки «в случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации» нельзя усмотреть законодательное установление принципа универсальности, поскольку соответствующие положения международных договоров должны быть перенесены в российскую правовую систему, а сам принцип универсальности ясно выражен наряду с процессуальными условиями осуществления².

Изменения, предусмотренные Федеральным законом от 06.07.2016 г. № 375-ФЗ, содержат в себе некоторые отсылки к принципу универсальности, которые дают возможность реализовывать соответствующие нормы без специального правового механизма. К примеру, в ч. 1.1 ст. 3 УПК РФ законодатель не уточнил перечень процессуальных действий, проводимых за пределами российской территории. Следовательно, на данный момент, в этом вопросе следует ориентироваться на понятие, закрепленное п. 32 ст. 5 УПК РФ, которое в качестве процессуальных действий определяет следственное, судебное или иное действие, предусмотренное УПК РФ.

Помимо этого, российский уголовный закон не содержит перечень преступлений, направленных против интересов страны. По указанной причине органы предварительного следствия самостоятельно определяют виды подобных деяний. Например, в Следственном Комитете РФ, как правило, возбуждаются уголовные дела в отношении граждан Украины по ст. 356 УК РФ (применение запрещенных средств и методов ведения войны) и 357 УК РФ (геноцид).³

¹ См.: Жукова Н.А. Производство по уголовным делам с участием иностранных граждан в досудебных стадиях в Российской Федерации: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 21.

² Королев Г.А. Проблемы применения универсальной юрисдикции *in absentia*. // Журнал российского права. 2009. № 10. С.104-111.

³ Возбуждены еще два уголовных дела в связи с событиями на юго-востоке Украины // Следственный комитет РФ: сайт. URL: <http://sledcom.ru/news/item/1065642/> (дата обращения: 11.04.2017).

Подводя итог анализу последних уголовно-процессуальных изменений в регламентации процессуального положения и порядка участия иностранных граждан и лиц без гражданства, можно прийти к выводу о том, что приведенные нововведения скорее создали ряд дополнительных вопросов, чем решили ранее существовавшие¹. Но с другой стороны, нельзя отрицать необходимость законодательного урегулирования данной сферы общественных отношений. Думается, что в условиях современности, нельзя ограничиться внесенными изменениями в УПК РФ. Основываясь на анализе юридической литературы, мнений ученых-правоведов и практических специалистов в рассматриваемой области, можно предложить следующие пути разрешения обозначенных вопросов:

1. Необходимо на законодательном уровне определить механизм взаимодействия иностранных компетентных органов расследования с соответствующими органами России по поводу осуществления отдельных процессуальных действий на территории иностранного государства при отсутствии международного соглашения;

2. Целесообразно расширить Главу 34 УК РФ «Преступления против мира и безопасности человечества» перечнем преступлений, направленных против интересов Российской Федерации и совершенных специальным субъектом — иностранными лицом или лицом без гражданства.

3. УПК РФ, в свою очередь, в случае включения в уголовный закон новых составов преступлений, нужно дополнить нормами о процессуальных особенностях расследования таких преступлений и доказывания по ним.

А.В. МАНУКОВСКИЙ

магистрант 1 курса
Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета Прокуратуры
Российской Федерации

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПРОКУРОРОМ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В статье проведен анализ некоторых проблем осуществления уголовного преследования прокурором на стадии возбуждения уголовного дела. Проведен анализ точек зрения по данным вопросам с последующим формированием авторской позиции.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное преследование, прокурор, возбуждение уголовного дела.

Стадия возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве имеет очень важное значение, поскольку от того, насколько правильно и своевременно будет принято и зарегистрировано сообщение о преступлении, насколько полно будет проведена его проверка, зависит успех дальнейшего расследования, а также обеспечение прав и законных интересов граждан.

¹ Малинин П.А. Некоторые проблемы уголовного судопроизводства в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства // Научный журнал КубГАУ. Краснодар, 2016. № 123. С. 1-11.

В соответствии с отечественным уголовно-процессуальным законодательством прокурор включен в число субъектов, уполномоченных осуществлять уголовное преследование. Однако представляется, что полномочия, которыми он наделен на стадии возбуждения уголовного дела, выглядят неполными, ограничивающими возможности прокурора по выявлению и пресечению нарушений закона.

Согласно ч. 6 ст. 148 УПК РФ прокурор, признав постановление об отказе в возбуждении уголовного дела незаконным и необоснованным, выносит мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов руководителю следственного органа для решения вопроса об отмене указанного постановления. Некоторые авторы считают сомнительной перспективой обращение прокурора к руководителю следственного органа для решения данного вопроса вместо прямой отмены решения следователя.¹ В то же время, если провести параллель с взаимоотношениями прокурора и дознавателя, можно увидеть, что полномочия прокурора позволяют непосредственно отменять решения дознавателя о возбуждении уголовного дела без обращения к руководителю органа дознания. Представляется, что уголовно-процессуальный закон должен предусматривать единый и разумный порядок реагирования прокурора на незаконные и необоснованные решения, вынесенные как органом дознания, дознавателем, так и руководителем следственного органа, следователем.

В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ дознаватель, орган дознания, следователь обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной уголовно-процессуальным законом, принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения.

Если трактовать данную статью буквально, то прокурор не обязан принимать сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении. Как отмечает А.В. Петров в своей работе, при данной трактовке полномочия прокурора не соответствуют роли прокурора и его задачам в уголовном процессе.² Возможным вариантом разрешения сложившейся коллизии, является дополнение ч. 1 ст. 144 УПК РФ положением, согласно которому прокурор обязан принять сообщение о любом совершенном либо готовящемся преступлении, и незамедлительно передать его по подследственности в соответствии с ст. 151 УПК РФ, а по уголовным делам частного обвинения - в суд в соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ.

Также, на наш взгляд, является спорной функция уголовного преследования прокурора при невозможности самостоятельного возбуждения уголовного дела. В данной ситуации может возникнуть проблема, при которой прокурор, осуществляя надзор за исполнением требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, обнаружив укрываемое преступление при наличии достаточных к тому данных, не имеет права принять решение о возбуждении уголовного дела. Прокурор должен направить материалы о выявленном преступлении в тот же самый орган, где преступление и было укрыто.³ Однако, при этом факт незамедлительного возбуждения уголовного дела представляется весьма проблематичным. Безусловно, такой порядок содержит возможность для нарушения прав участников уголовного судопроизводства.

¹ Чубыкин А.В. О полномочиях прокурора на стадии возбуждения уголовного дела / А.В. Чубыкин // *BaikalResearchJournal*. 2013. С. 26.

² Петров А.В. прокурор в стадии возбуждения уголовного дела / А.В. Петров // Пробелы в российском законодательстве. 2008. С. 336.

³ Хлопушин С. Применение УПК после внесения изменений / С. Хлопушин // *Законность*. 2008. № 4. С.336.

Особое внимание при осуществлении надзора за исполнением законов в рассматриваемой стадии уголовного процесса, прокурор должен уделить срокам проверки поступившего сообщения о преступлении. В соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства прокурор, следователь и дознаватель обязаны проверить поступившее сообщение о преступлении и в течение трех суток принять решение о возбуждении уголовного дела либо об отказе в этом. В настоящее время отсутствует окончательное решение проблемы своевременности направления надзирающему прокурору копии постановления о возбуждении уголовного дела, а также в некоторых случаях материалов процессуальной проверки. В связи с этим прокуроры лишаются возможности своевременно реагировать на допускаемые при этом нарушения.

Подводя итог вышеизложенному, можно прийти к выводу о том, что уголовно-процессуальный закон нуждается в более детальной проработке в отношении процессуальных полномочий прокурора, которые в настоящее время вряд ли способствуют своевременной и высокой эффективной защите прав и законных интересов граждан и организаций в уголовном процессе. В этой связи следует согласиться с мнением В.Н. Махова, согласно которому в отечественном уголовном процессе права прокурора в досудебном производстве целесообразно расширить и учесть опыт, полученный в нашем государстве до и после изменений, произошедших в 2007 году, а также обратить внимание на накопленный в других странах опыт, прежде всего ФРГ и Франции, так как российский уголовный процесс наиболее близок к уголовному процессу этих стран.¹

В.И. МОРЯКИНА
студентка 4 курса
юридического института
Балтийского федерального
университета им. И. Канта

МЕДИАЦИЯ КАК СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

В статье рассматриваются актуальные вопросы и некоторые проблемы медиации как способа разрешения уголовно-процессуального конфликта. Проведен анализ точек зрения по данному вопросу с последующим формированием авторской позиции.

Ключевые слова: уголовный процесс, медиация, уголовное судопроизводство, способ разрешения, уголовно-процессуальный конфликт.

В настоящее время существует тенденция изменения системы уголовного судопроизводства, формы и содержания отдельных её элементов, прежде всего, ввиду модификации условий существования российского государства, необходимости процессуальной экономии в условиях неустойчивости различных сфер общества и риска экономического кризиса. Кроме того, в связи с усилением защиты прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве расширилась сфера действия диспозитивности и состязательности, существенно увеличились полномочия сторон-участников процесса.

¹ Махов В.Н. Роль прокурора и органов дознания в уголовном преследовании / В.Н. Махов// Законность. 2008. №7. С.28

На протяжении многих десятилетий уголовная и уголовно-процессуальная политика России носила преимущественно репрессивный характер, страна находилась в лидерах по количеству заключенных под стражу. Такое положение дел не добавляло авторитета РФ на мировой арене. Встал вопрос о реформировании уголовно-процессуального законодательства. Уголовно-процессуальный кодекс РФ, который вступил в силу в 2002 году, утвердил личностные приоритеты, обозначил переход от репрессивного к охранительному типу судопроизводства. Последующие изменения, внесенные в УПК РФ за последние 15 лет, также свидетельствуют об уважении государства к ценностям гуманизма.

В продолжении реализации принципа гуманизма одной из возможных альтернативных процедур в уголовном судопроизводстве становится медиация. Данная процедура предполагает участие нейтральной незаинтересованной стороны – медиатора.¹ Ключевой особенностью медиации является наделение сторон возможностью и правом контролировать не только содержание принимаемого решения, но и процесс его поиска и выработки. Именно эта черта выделяет медиацию как особый способ разрешения конфликтов.

Опыт зарубежных стран показывает, что применение альтернативных процедур разрешения конфликтов вызвал довольно сильный интерес.² Так, например, во Франции, Австрии и Германии процедура медиации в уголовных делах предусмотрена на законодательном уровне, где инициатором медиации является прокурор, который может направить уголовное дело для организации посредничества между пострадавшим и правонарушителем, в результате чего стороны могут прийти к взаимному соглашению.

Поиск оптимальных способов разрешения конфликтов, возникающих в связи с совершением преступлений, связан, в первую очередь, с проблемой дифференциации, с необходимостью совершенствования уголовно-процессуальной формы, с рациональностью и экономичностью использования сил и средств судопроизводства, с обеспечением скорейшей защиты прав граждан и удовлетворением их интересов. Однако немаловажную роль сыграл и кризис традиционной концепции реакции государства на преступление. Как следствие, частичная смена приоритетов в системе уголовной юстиции. Как известно, традиционными методами реакции государства на нарушение уголовного закона являются уголовное преследование, уголовная ответственность и наказание. Отказ от применения не только уголовного наказания, но и по возможности от многих традиционных уголовно-процессуальных механизмов, развитие в законодательстве и правоприменительной практике разнообразных альтернатив уголовному преследованию стало одной из ключевых тенденций в развитии зарубежного уголовного судопроизводства.³

В зарубежных государствах, и, прежде всего, в странах англосаксонского права, накоплен богатый опыт вовлечения в сферу уголовного процесса различных программ восстановительного правосудия, в том числе медиации, которые рекомендованы рядом международно-правовых документов при разрешении уголовных дел в отношении несовершеннолетних. Восстановительное правосудие является одним из вариантов альтернатив уголовному преследованию, который в последнее

¹ Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 4.

² Рекомендации Комитета министров Совета Европы № R(99)19 от 15 сентября 1999 г. «О медиации в уголовных делах».

³ Григорьев В.Н. О некоторых современных тенденциях в развитии уголовно-процессуальной формы // Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях: проблемы теории и практики. Сборник статей. М., 2010. С. 23.

время завоевывает все больший авторитет в мировой юридической практике. Основным моментом здесь является не наказание, а примирение правонарушителя с потерпевшим и возмещение ущерба.

Основной целью правосудия становится не только восстановление нарушенного правопорядка, но и возмещение потерпевшему причиненного преступлением вреда, искупление вины обидчиком, взятие на себя ответственности, восстановление нарушенных отношений в социальной общности.¹ Главными действующими лицами, которые решают проблемы, связанные с совершенным преступлением и его последствиями, становятся правонарушитель и потерпевший. Отличительным признаком восстановительных программ является участие в них независимого, беспристрастного и объективного профессионально подготовленного посредника, главным назначением которого является налаживание контакта между сторонами. Таким образом, восстановительная юстиция основана на использовании альтернативных уголовному преследованию механизмов, которые предлагают примирение сторон конфликта и позволяют разрешить его с наибольшим положительным эффектом для участников уголовного процесса.

Итак, процедура медиации помогает решить множество задач, которые стоят перед уголовным преследованием на данный момент:

- а) способствует разрешению кризиса традиционной концепции реакции государства на нарушение уголовного закона и преодолению ее различных негативных эффектов;
- б) позволяет найти оптимальные способы разрешения конфликтов, возникающих в связи с совершением, как правило, не тяжких преступлений;
- в) даёт возможность использовать наряду с методом принуждения метод поощрения;
- г) способствует дифференциации, ускорению, упрощению процесса, что снижает нагрузку на уголовную юстицию, которая может больше внимания уделить опасной преступности и тяжким преступлениям;
- д) максимально быстро, в кратчайшие сроки восстанавливает права потерпевшего;
- е) смягчает действие принципа целесообразности возбуждения уголовного дела.

Следует признать, что привлечение лица к уголовной ответственности и назначение ему наказания не всегда является эффективным способом устранения уголовно-правового и уголовно-процессуального конфликтов.² Например, осужденное лицо, находящееся в местах лишения свободы, в дальнейшем утрачивает способность к социальной адаптации, несмотря на реабилитационные программы. Более того, отбытие наказания в местах лишения свободы способствует рецидиву. Осужденные вновь совершают преступления в связи с утратой социальных связей, не приспособляются к жизни на свободе, отсутствует возможность устроиться на высокооплачиваемую работу. Также обостряется проблема недостаточной защищенности интересов потерпевшего, не всегда возмещается вред, причиненный преступлением. В связи с этим, применение процедуры медиации на ранних стадиях уголовного процесса является эффективным способом разрешения уголовно-процессуального конфликта. Особое значение в этом случае имеет позитивное поведение лица, выраженное в конкретных действиях, отражающих его волю устранить вредные последствия преступного деяния (возмещение ущерба или заглаживание вреда, причиненного преступлением).

¹ Нагуляк М.В. Актуальные вопросы прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. С. 3.

² Василенко А.С. Медиация и другие программы восстановительного правосудия в уголовном процессе стран англосаксонского права. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 3.

Ф.Н. НИКИТИН,

Е.А. ФРАНЦЕВ

студенты 3 курса

Санкт-Петербургского

юридического института (филиала)

Университета Прокуратуры

Российской Федерации

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИНСТИТУТА СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассмотрены некоторые вопросы института свидетельских показаний в уголовном судопроизводстве. Проведен анализ точек зрения по данным вопросам с последующим формированием авторской позиции.

Ключевые слова: уголовный процесс, институт свидетельских показаний, лжесвидетельствование, допрос, уголовное судопроизводство.

Институт свидетельских показаний в уголовном судопроизводстве является одним из важнейших элементов. Он во многом помогает установить обстоятельства, подлежащие доказыванию по делу, и наиболее правильным, а также справедливым образом разрешить вопрос рассмотрения дела по существу. Тем не менее, как и в отношении многих других неотъемлемых элементов уголовного судопроизводства, относительно него существуют определенные проблемные вопросы, которые следует рассмотреть.

На сегодняшний день в российском уголовном процессе одной из актуальных проблем остается проблема дачи свидетелями заведомо ложных показаний. Такое поведение свидетелей обусловлено многими причинами, в первую очередь, опасением за свою жизнь и здоровье, так как не секрет, что на свидетелей может оказываться физическое и психическое воздействие.

Показания свидетелей являются ценным доказательством виновности или невиновности обвиняемого, подсудимого, особенно по таким делам, в которых недостаточно иных доказательств вины лица в инкриминируемом ему деянии. Как отмечает в своей работе С.А. Новиков «без данного вида доказательств не обходится ни одно расследование»¹, подтверждая нашу мысль, Е.И. Замылин подчеркивает в своей статье, «что посягательство на свидетелей имеет место по тем уголовным делам, по которым ограниченность доказательственного материала придает особую значимость информации, содержащейся в их показаниях»².

Необходимо разобраться, почему институт свидетельских показаний потерял свой престиж и чем вызвана проблема лжесвидетельствования?

Законодатель, пытаясь решить проблему возможного воздействия обвиняемого или подсудимого на свидетелей, принял Федеральный закон от 20.08.2004 N 119-ФЗ (ред. от 07.02.2017) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Также во избежание дачи ложных показаний и отказа от дачи показаний законодателем установлена уголовная ответственность - ст.ст. 307 и 308 УК РФ, ч. 7 ст. 42 и ч. 8 ст. 56 УПК РФ. Однако, так или иначе, несмотря на возможную уголовную ответственность, лжесвидетельство так и остается достаточно частым явлением в российском уголовном судопроизвод-

¹ Новиков С.А. «Институт показаний свидетеля в уголовном процессе России: проблемы совершенствования» / С.А. Новиков // Евразийская адвокатура. 2013. С. 100-101.

² Замылин Е.И. «Лжесвидетельство в уголовном судопроизводстве России: проблемы остаются» / Е.И.Замылин // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. С.116.

стве. Мы согласны с Е.И. Замылиным, который считает, что во многом это объясняется тем, что имеет место незначительное, скорее, символическое наказание за дачу заведомо ложных показаний, а кроме того ответственности за дачу ложных показаний в значительной степени присущ декларативный характер, если исходить из примечания к ст. 307 УК РФ, к которой нас отсылает ч. 8 ст. 56 УПК РФ¹.

Интересными видятся в качестве решения проблемы обеспечения безопасности свидетелей, меры, которые предлагает С.А. Новиков: уточнить ч. 9 ст. 166 УПК РФ с тем, чтобы опечатанный конверт с данными свидетеля, давшего показания под псевдонимом, хранился не в материалах уголовного дела, а отдельно от него; дополнить институт мер процессуального принуждения судебным ограничительным приказом, запрещающим участникам процесса и третьим лицам выполнение определенных действий в отношении защищаемого лица и его близких.²

С.А. Новиков также предлагает использовать при получении свидетельских показаний видеоконференцсвязь (ВКС), причем на досудебной и судебной стадиях. Однако не стоит забывать, что не всегда есть возможность применять ВКС, поэтому в каждой конкретной ситуации необходимо исходить из реальных возможностей суда.

На наш взгляд, необходимо более точно применять закон о защите свидетелей, поскольку чаще всего давление оказывают на свидетелей с устойчивой гражданской позицией, которых сложно подкупить. Как отмечает О.П. Волошина, «вероятность насильственного посягательства возрастает в отношении свидетеля с устойчивой гражданской позицией, несклонного к компромиссам с лицами, заинтересованными в неблагоприятном исходе расследования по делу»³. Е.И. Замылин подтверждает позицию О.П. Володиной, отмечая, что при выборе жертвы происходит градация по степени устойчивости перед психическим и физическим насилием, что обусловлено многими факторами: психологическими характеристиками жертвы, уровнем ее правовой культуры и т. д.⁴

В связи со сложностью защиты свидетелей многие авторы высказывали мнения, что если государство не может эффективно бороться с посягательствами на свидетелей и обеспечить их достойной защитой, то оно не имеет права привлекать их к ответственности за дачу ложных показаний⁵. Либо у свидетеля должен быть выбор давать показания или нет. Таким образом, данные авторы предлагали поставить на первое место интересы граждан, а не правосудия, что на наш взгляд, является не совсем правильным. Ведь как справедливо замечает Е.И. Замылин, возникает ряд вопросов, среди которых особняком стоит следующий - кто будет оценивать степень безопасности свидетелей. Он предлагает брать за основу критерий реальности угрозы и объективных оснований опасаться реализации данной угрозы.

Считаем, что к решению данной проблемы необходимо подходить объективно, во-первых, при решении вопроса об освобождении лжесвидетеля от ответственности руководствоваться критериями реальности угрозы и объективных оснований опасаться реализации данной угрозы, во-вторых, активно внедрять использование ВКС при допросе свидетелей, причем на судебной и досудебной стадиях⁶.

¹ Там же. С.118.

² Новиков С.А. Указ. соч. С.101.

³ Волошина О.П. Криминологическая характеристика и предупреждение насильственных преступлений против правосудия, совершаемых в отношении свидетелей и потерпевших: дис. ... канд. юрид. наук М., 2010. – С. 27

⁴ Замылин Е.И. Указ. соч. С.117.

⁵ Булатов В.А. Проблемы обеспечения безопасности потерпевших и свидетелей // Конфликты и конфликтные ситуации на предварительном следствии: сб. науч. тр. Волгоград: ВА МВД России, 2003. С. 104-106.

⁶ Новиков С.А. Указ. соч. С.101.

Необходимость обеспечения безопасности свидетелей порождает такую проблемную ситуацию как недоверие со стороны законопослушных граждан к деятельности правоохранительных органов. Поэтому, решая проблему безопасности, государство решает и проблему недоверия, т.к. когда свидетели преступления есть, но они не доверяют силовым структурам и опасаются за свою жизнь, это способствует их «самоустранению» или запугиванию.

В качестве вывода, хочется отметить, что проблему лжесвидетельствования не решить одномоментным образом, государство должно принять комплекс мер, направленных на ее решение. В частности, необходимо разработать механизм действия закона о защите свидетелей и потерпевших, чтобы они не боялись давать правдивые показания, и чтобы у них не возникало недоверия к правоохранительным органам.

Еще одним спорным вопросом является проблема применения ст. 281 УПК РФ. Дело в том, что закон предусматривает несколько случаев оглашения показаний свидетеля, а именно: 1) оглашение ранее данных показаний с согласия сторон при неявке свидетеля в суд; 2) оглашение ранее данных показаний по ходатайству сторон или по собственной инициативе суда, только в определенных ч. 2 ст. 281 УПК РФ случаях; 3) оглашение ранее данных показаний свидетеля при его явке в суд, но только если между ранее данными показаниями и показаниями, данными в суде, имеются существенные противоречия.

В первом случае заметно, что при неявке свидетеля в суд и отсутствии согласия сторон на оглашение его предыдущих показаний суд, ни при каких обстоятельствах не может огласить эти показания. При этом бывают и такие ситуации, когда после трех или даже четырех вызовов и попытки привода свидетель не является для дачи показаний. На практике имеет место быть неприятная тенденция - обвинитель ходатайствует об оглашении предыдущих показаний, ссылаясь на п.4 ч.2 ст.281 УПК РФ, а именно на наличие чрезвычайных обстоятельств, препятствующих явке свидетеля в суд. Суд, удовлетворяя ходатайство прокурора, также ссылается на чрезвычайные обстоятельства и принимает решение об оглашении показаний. То есть суд плавно переходит от первого случая оглашения показаний при неявке свидетеля ко второму.

Дело в том, что понятие «чрезвычайные обстоятельства» носит оценочный характер. Причем оценивать, является ли конкретное обстоятельство чрезвычайным по конкретному делу, будет судья. На наш взгляд, чрезвычайности в неявке свидетеля после многочисленных вызовов в суд не будет. Суд и прокурор фактически расписываются лишь в своей беспомощности вызвать свидетеля и не более того. Законодателю необходимо четко определить, какие случаи являются чрезвычайными для того чтобы можно было огласить показания свидетеля или вообще исключить этот пункт из ч.2 ст.281 УПК РФ. Справедливым было бы законодательно признать чрезвычайным обстоятельством призыв в армию или арест, или захват в заложники, но никак не то обстоятельство, когда суд и прокурор не смогли обеспечить явку свидетеля в суд. Свободное толкование судом этого понятия и, соответственно, грубое нарушение правил оглашения показаний согласно ст.281 УПК РФ, пагубно сказывается и на авторитете суда, и на судьбе подсудимого, и на авторитете адвокатуры¹.

Таким образом, институт показаний свидетеля, так или иначе, обладает рядом проблемных вопросов, в связи с чем, необходимо его дальнейшее совершенствование.

¹ Сибалаков А.Г. Оглашение показаний свидетеля и потерпевшего в судебном заседании – проблемы [Электронный ресурс]: научн. статья. URL: <http://advokat-tolyatti.ru/oglashenie-pokazaniy-svidetelya.html> (дата обращения 16.03.2018)

Д.С. ФИРСОВ
магистрант 2 курса
Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета Прокуратуры
Российской Федерации

АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ПРОКУРОРОМ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА

В статье рассмотрены наиболее важные аспекты анализа прокурором заключения эксперта, а также раскрываются типичные нарушения (ошибки), допускаемые экспертами при производстве судебных экспертиз. Приводятся результаты анкетирования практических работников органов прокуратуры.

Ключевые слова: специальные знания, судебная экспертиза, экспертные нарушения (ошибки), преступления коррупционной направленности, анализ и оценка прокурором.

Генеральный прокурор РФ в приказе от 28 декабря 2016 г. № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» предписывает прокурорам при изучении уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением, акцентировать внимание на соблюдение при производстве экспертных исследований требований уголовно-процессуального законодательства, в том числе касающихся обеспечения принципа независимости эксперта, а также его компетентности, включая наличие аттестации на право самостоятельного производства экспертизы, проведенной в порядке, установленном соответствующими федеральными органами исполнительной власти, и лицензии, если этого требуют действующие нормативные правовые акты в сфере судебно-экспертной деятельности¹.

Важно отметить, что в ранее действующем приказе Генерального прокурора РФ² отсутствовали требования, касающиеся соблюдения уголовно-процессуального законодательства при назначении и производстве экспертных исследований. В этой связи, уместно предположить, что данное обстоятельство наглядно свидетельствует о возрастающей роли института специальных знаний, как при проверке сообщения о преступлении, так и в ходе расследования преступления. Как справедливо отмечает Е.В. Елагина, при формальном равенстве всех доказательств неоспорим тот факт, что заключение эксперта, является одним из наиболее весомых, поскольку результаты экспертного исследования, оформленные в заключение эксперта, относятся к категории объективных, в отличие, например, от показаний участников уголовного процесса³.

Подобный подход обуславливает не только целесообразность, но и необходимость анализа прокурором результатов применения специальных знаний (заключения эксперта, заключения специалиста, акта ревизии, акта документальной проверки), поскольку от качества проведенного анализа зависит качество доказательственной базы по уголовному делу. Так, при формальном подходе к анализу и оценке результатов использования специальных знаний весьма вероятна ситу-

¹ Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: Приказ Генеральной прокуратуры РФ № 826 от 28.12.2016 // Гарант [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [М., 2018].

² Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: Приказ Генеральной прокуратуры РФ № 162 от 02.06.2011 // Гарант [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [М., 2018].

³ Анализ и оценка прокурором заключения эксперта: конспект лекции / Е. В. Елагина. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. С. 4.

ация, когда имеющиеся нарушения (ошибки), например, в заключении эксперта останутся без внимания прокурора, что, как следствие, может привести к признанию заключения эксперта недопустимым доказательством и существенным осложнением при поддержании государственного обвинения.

Представляется, что для эффективного и всестороннего анализа прокурору необходимо не только иметь общее представление о сущности проводимого экспертного исследования, но знать типичные нарушения (ошибки), допускаемые следователями и экспертами при назначении и производстве судебной экспертизы, равно, как и уметь их выявлять.

Типичными ошибками (нарушениями), допускаемыми следователями при подготовке и назначении судебных экспертиз являются следующие: получение ряда материальных объектов в ходе не предназначенных для этого процессуальных действий (например, получение биологического материала человека в ходе выемки); подмена в ходе предварительного расследования процессуальных действий оперативно-розыскными мероприятиями (получение образцов для сравнительного исследования подменяются сбором образцов для сравнительного исследования); минимизация количества вопросов, поставленных перед экспертом, и наоборот, включение лишних и несущественных вопросов, которые приводят к увеличению срока производства экспертизы; выбор недолжного субъекта для проведения экспертного исследования¹.

В дополнение к указанным выше ошибкам (нарушениям), приведем результаты анкетирования заместителей, прокуроров городов и районов, а также старших помощников, помощников прокуроров городов и районов, участвующих в рассмотрении уголовных дел судами: несоблюдение прав участников уголовного процесса, связанных с производством и назначением экспертизы – 43%; постановка перед экспертом вопросов, связанных с квалификацией действий подозреваемого (обвиняемого), касающихся субъективной стороны преступления либо относящихся к оценке доказательств – 37%; представление объектов для исследования не в полном объеме – 30%; не назначение экспертизы в случаях, предусмотренных ст. 196 УПК РФ – 26%; несоответствие вида судебной экспертизы характеру вопросов, поставленных перед экспертом – 24%; назначение судебных экспертиз, необходимость в производстве которых не обусловлена видом расследуемого преступления или следственной ситуацией – 8%².

Вместе с тем, результаты анализа судебно-следственной практики дают основание для вывода о достаточной распространённости экспертных ошибок. Последние, по мнению Р.С. Белкина подразделяются на процессуальные, гносеологические (познавательные) и деятельные (организационные или операционные)³.

К ошибкам процессуального характера относятся следующие: самостоятельное получение образцов; несоблюдение установленных уголовно-процессуальным законом правил составления заключения (нарушение структурированности заключения; отсутствие сведений об эксперте, производившем исследование, например, его образовании, специальности, стаже работы); выход эксперта за пределы своей компетенции. Ошибки познавательного характера заключаются в некорректном применении логических приемов и операций, в частности, смешение причинной связи с простой последовательностью во времени; имеющиеся искаженное пред-

¹ См.: Анализ и оценка прокурором заключения эксперта: конспект лекции / Е. В. Елагина. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. С. 48.

² Анкетирование проводилось в рамках диссертационного исследования по вопросам целесообразности и необходимости использования специальных знаний в ходе расследования преступлений.

³ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М.: Норма-Инфра, 2001. С. 186.

ставление об отношениях между предметами объективной действительности; неверное использование методов исследования, в том числе, без раскрытия их содержания. Зачастую, эти методы переписываются из заключения в заключение чисто механически, и как следствие, возникают неустраняемые сомнения относительно правильности применения указанных методов¹.

Организационные ошибки связаны с использованием несправных технических средств либо негодных (поврежденных) материалов для сравнительного исследования; несоблюдением последовательности процедур исследования; использование несертифицированных измерительных приборов и нелицензионных программ.

Наряду с этим, результаты проведенного нами анкетирования свидетельствуют о том, что наиболее распространенными являются экспертные нарушения (ошибки) процессуального и гносеологического характера: недостаточная ясность заключения эксперта (невозможность уяснения смысла и значения терминологии, используемой экспертом, методики исследования, смысла и значения признаков, выявленных при изучении объектов, критериев оценки выявленных признаков) – 55%; неполнота заключения эксперта (отсутствуют ответы на все поставленные перед экспертом вопросы, не учтены обстоятельства, имеющие значение для разрешения поставленных вопросов) – 42%; наличие ошибок и неточностей (арифметических, орфографических, синтаксических, лексических) в заключении – 32%; отсутствие в заключении эксперта указания на использование методики исследования – 26%; выход эксперта за пределы своей компетенции – 19%; использование экспертом методики исследования, не позволяющей получить однозначный или достоверный результат – 18%; самостоятельное собирание объектов для экспертного исследования – 16%.

Вместе с тем, в юридической литературе неоднократно ставилась под сомнение возможность всестороннего анализа прокурором заключения эксперта. Так, по мнению А.А. Эксархопуло, позицию которого разделяем, таким участникам уголовного судопроизводства, как следователь, суд или же прокурор, представляется невозможным оценить научную обоснованность, правильность выбора и применения методов исследования, поскольку для такой оценки они должны обладать соответствующими специальными знаниями, что и эксперт².

Представляется, что разрешение этой проблемы возможно путем привлечения специалиста соответствующего профиля. На существование права привлекать специалиста для содействия в оценке заключения эксперта обращает внимание Пленум Верховного Суда РФ в п.19 постановления № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», что для оказания помощи в оценке заключения эксперта может привлекаться специалист, разъяснения которого допускаются в форме устного либо письменного заключения³.

В юридической литературе предлагается решить указанную проблему посредством назначения так называемой «экспертизы экспертиз»⁴. Однако, по нашему мнению, использование подобного решения не только может занять значительное

¹ См.: Судебная экспертиза: типичные ошибки / Е.И. Галяшина, В.В. Голикова, Е.Н. Дмитриев и др.; под ред. Е.Р. Россинской. М.: Проспект, 2012. С. 544

² Эксархопуло А.А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела / А. А. Эксархопуло. СПб.: Издательский Дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. С. 100-106.

³ О судебной экспертизе по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 № 28 ФЗ // Консультант плюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрондан. [М., 2018].

⁴ Криминалистика: учебник для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская; под ред. Р.С. Белкина. М., 1999. С. 406.

время (в особенности, когда заключение эксперта занимает несколько десятков страниц), но и приведет к определенной «цикличности», поскольку такой способ не может гарантировать того, что эксперт не пропустил какую-нибудь ошибку или не допустил ее сам.

Следует упомянуть еще об одной существенной проблеме, встречающейся в судебно-следственной практике – правомерности назначения так называемых правовых экспертиз. Так, Пленум Верховного суда РФ в п.4 вышеназванного постановления высказал позицию относительно допустимости исследования правовых вопросов, указывая, что постановка перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда (например, что имело место - убийство или самоубийство), как не входящих в его компетенцию, не допускается.

Как отмечают Н.А. Данилова и Т.Г. Николаева, формулировка редакции п. 4 вышеупомянутого постановления Пленума Верховного Суда не отличается четкостью и не вносит ясность относительно возможности исследования правовых вопросов, не связанных с оценкой деяния¹. Неоспоримо и другое обстоятельство, на которое справедливо указывают авторы. Так, помимо высшего юридического образования, эксперт должен иметь соответствующую специализацию в конкретной юридической науке (гражданском, банковском, коммерческом и других отраслях права). В этой связи, было бы преждевременным считать, что следователь, в производстве которого находится уголовное дело, обладает подобной специализацией, а значит, что для решения ряда вопросов требуется привлечение сведущих лиц, имеющих узкую специализацию в конкретной области права.

В этой связи справедливым представляется мнение А.В. Победкина, указавшего на то, что в судебной практике не ставится под сомнение возможность назначения судебно-бухгалтерской, автотехнической экспертиз, ревизии, других исследований, по результатам которых лицо, обладающее специальными познаниями, дает оценку соблюдения нормативных предписаний. Данное обстоятельство, по мнению автора, свидетельствует о том, что нельзя безапелляционно отвергать возможность использования должностными лицами, ведущими производство по делу, специальных знаний в «узких» правовых вопросах². К числу последних, на наш взгляд, относятся вопросы в сфере выпуска и обращения ценных бумаг, в области налогового, банковского права и др.

Резюмируя вышесказанное, полагаем, что целесообразность и необходимость анализа прокурором результатов применения специальных знаний, в частности, заключения эксперта вполне очевидна. Не менее очевидно и то, что прокурор должен не только иметь общее представление о типичных следственных и экспертных ошибках, но и уметь их выявлять.

¹ См.: Данилова Н.А., Николаева Т.Г. К вопросу о возможности производства правовой экспертизы в уголовном судопроизводстве / Н. А. Данилова, Т. Г. Николаева // Мир юридической науки. 2016. № 11. С. 66-72.

² Уголовно-процессуальное доказывание. Монография / Победкин А.В. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 314-315.

V

ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ВЗГЛЯД МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Н.И. БЕЗРУКАВАЯ
аспирант
Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета Прокуратуры
Российской Федерации

ПРЕДМЕТ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В РАССМОТРЕНИИ СУДАМИ ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

В настоящей статье исследован вопрос о предмете института участия прокурора в рассмотрении дел об административных правонарушениях судебными органами. Проанализированы взгляды ведущих ученых относительно определения предмета прокурорского надзора. Разграничены понятия предмета прокурорского надзора и предмета участия прокурора в суде. Сделан вывод о недостаточной научной разработанности вопроса определения предмета деятельности прокурора, участвующего в судебном рассмотрении административно-деликтных дел. Определены общие и специальные составляющие предмета соответствующей деятельности прокурора. Отражены особенности предмета участия прокурора в отдельных категориях дел об административных правонарушениях и на разных стадиях рассмотрения дела.

Ключевые слова: прокурор, суд, административное правонарушение, участие в деле, предмет.

Административная ответственность является наиболее распространенным и востребованным видом юридической ответственности. Этот институт активно участвует в обеспечении стабильности общественной жизни и повышении гарантий защищенности прав граждан.

Органы прокуратуры Российской Федерации сегодня являются одним из ключевых субъектов, реализующих государственные функции по привлечению к административной ответственности. В сфере внимания прокуроров оказывается весь законодательный массив, устанавливающий ответственность за совершение административных правонарушений¹.

¹ Прокурорский надзор: учебник / Винокуров Ю.Е. и др.; под общ. ред. Ю.Е. Винокурова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Высшее образование, 2005. С. 344.

При производстве по делам об административных правонарушениях прокурор является полноценным его участником, наделенным широким кругом полномочий, имеющим возможность непосредственно влиять на производство по делу на всех его этапах¹. Институт участия прокурора в рассмотрении судами дел об административных правонарушениях на сегодняшний день недостаточно изучен в теории прокурорского надзора и административного права. Также недостаточно исследованы отдельные элементы данного института, в частности, предмет участия прокурора в процессе.

Говоря о предмете прокурорского надзора, традиционно обращаются к содержанию ст. 21 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре)², согласно которой к предмету надзора прокурора относятся: соблюдение Конституции Российской Федерации и исполнение законов федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом Российской Федерации, представительными (законодательными) и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, субъектами осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, а также органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций, а также соответствие законам правовых актов, издаваемых указанными органами и должностными лицами.

В теории прокурорского надзора под предметом прокурорского надзора принято понимать сферу общественных отношений, на регулирование которой направлена деятельность прокурора. Из сущности прокурорского надзора вытекает, что деятельность прокурора направлена на регулирование общественных отношений, связанных с исполнением требований законов. Поскольку эти требования обязательны для всех юридических и физических лиц, то предметом прокурорского надзора можно считать исполнение законов юридическими и физическими (должностными) лицами³.

Как указывает А.Ф. Смирнов, предметом прокурорского надзора являются действия и бездействие должностных лиц, которые оцениваются с точки зрения их соответствия требованиям закона. По результатам такой оценки делается вывод о допущенных нарушениях и применяются акты прокурорского реагирования, позволяющие устранить выявленные нарушения⁴.

Отдельные ученые к предмету прокурорского надзора относят исполнение не только законов, но и других нормативно-правовых актов. Так, по мнению Н.Н. Карпова, в ст. 21 Закона о прокуратуре в предмет надзора должны быть включены имеющие нормативный характер указы Президента Российской Федерации⁵. А.Х. Казарина полагает необходимым включить в предмет прокурорского надзора наряду с законами подзаконные нормативные правовые акты, изданные Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации по специальному полномочию и выполняющие роль квазизаконов⁶.

¹ Гриценко Д.В. Правовой статус прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях. Дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2014. С. 44.

² Собрание законодательства РФ. 20.11.1995. № 47. Ст. 4472.

³ Прокурорский надзор: Учебник. Под общ. ред. Ю.Е. Винокурова ... С. 13.

⁴ Прокурорский надзор: учебник и практикум для академического бакалавриата / под ред. А.Ф. Смирнова, А. А. Усачева. М.: Издательство Юрайт, 2016. С. 21.

⁵ Карпов Н.Н. Прокурорский надзор за исполнением имеющих нормативный характер указов Президента Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2012. № 5. С. 30.

⁶ Казарина А.Х. Предмет общего надзора // Законность. 2004. № 11. С. 8.

В последнее время также высказывается точка зрения, согласно которой органы прокуратуры осуществляют надзор за исполнением органами и должностными лицами местного самоуправления муниципальных правовых актов и уставов муниципальных образований¹.

Приведенные выше определения предмета прокурорского надзора имеют отношение к надзорной деятельности органов прокуратуры и неприменимы к участию прокурора в суде.

В советский период, когда прокуроры осуществляли надзор за деятельностью судов, в предмет прокурорского надзора включалось исполнение законов и судами.

В связи с изменением основных подходов к законодательному регулированию деятельности прокурора в суде Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» исключил участие прокурора в рассмотрении дел судами из числа надзорных направлений деятельности. Поэтому существующие научные и правовые основы деятельности прокурора, связанной с рассмотрением судами дел, не допускают возможности использования понятия «предмет» при условии сохранения прежнего его содержания применительно к современному содержанию деятельности прокурора, участвующего в рассмотрении дел судами. Вместе с тем, представляется целесообразным обосновать возможность и необходимость использования указанного понятия, наполнив его новым, современным содержанием².

Сегодня, как и ранее, легальное определение понятия предмета участия прокурора в рассмотрении судами дел (в том числе и дел об административных правонарушениях) отсутствует; в теории прокурорского надзора данный вопрос разработан недостаточно.

Реализация прокурором полномочий в административно-юрисдикционном процессе как представителя надзирающего органа и как участника производства по делу, безусловно, связана с проведением проверок исполнения законов, выявлением нарушений и их устранением, в том числе, посредством применения мер административной ответственности, в связи с чем, понятие предмета прокурорского надзора, закрепленное в ст. 21 Закона о прокуратуре, вполне применимо к указанной деятельности прокурора, носящей надзорный характер.

Иными словами, надзорная деятельность прокурора осуществляется в досудебных стадиях производства по делу об административном правонарушении, в том числе при проведении прокурорских проверок исполнения законов в той или иной сфере. При этом участие в рассмотрении судами дел об административных правонарушениях, как уже было сказано, является ненадзорным направлением деятельности и принципиально отличается по содержанию от деятельности прокурора, надзирающего за исполнением соответствующего законодательства. Однако это не означает, что исследуемый нами правовой институт не имеет своего предмета.

Согласимся с мнением И.И. Головки, исследовавшей вопросы участия прокурора в гражданском процессе, о том, что было бы неверно утверждать, что при переходе от прокурорской проверки к рассмотрению судом заявления прокурора в интересах гражданина предмет деятельности прокурора утрачивается. Деятельность прокурора вне предмета, беспредметная не будет целенаправленной и эффективной³. Это вполне применимо и к институту участия прокурора в рассмотрении судами дел об административных правонарушениях.

¹ Винокуров А.Ю. Прокурорский надзор за исполнением законов // Актуальные проблемы прокурорской деятельности: курс лекций под ред. О. С. Капинус; рук. авт. кол. Б. В. Коробейников. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2015. С. 12-13.

² Головка И.И. К вопросу определения предмета деятельности прокурора по защите трудовых прав и свобод граждан в гражданском судопроизводстве // КриминалистЪ. 2013. № 1 (12). С. 84.

³ Там же. С. 85.

Исходя из задач, стоящих перед прокурором, участвующим в рассмотрении судом административно-деликтных дел, можно выделить ряд элементов, составляющих предмет соответствующей деятельности прокурора.

Указанные элементы подразделяются на общие (характерные для рассмотрения любого дела об административном правонарушении) и специальные (характерные для того или иного вида дел). Общими являются: соответствие законам действий участвующих в рассмотрении дела лиц, соблюдение требований о полном, своевременном, объективном и всестороннем разбирательстве, законность и обоснованность принятых судебных постановлений, своевременное обращение судебных постановлений к исполнению. Специальные составляющие предмета деятельности прокурора могут меняться в зависимости от тех или иных изменяющихся условий: от вида суда, категории дела или круга участников, от стадии рассмотрения конкретного дела об административном правонарушении.

Так, например, при участии в рассмотрении дела в отношении несовершеннолетнего в предмет деятельности прокурора, наряду с общими элементами, будет входить исполнение судом и иными участниками процесса законов, касающихся защиты прав и интересов несовершеннолетнего; при участии в рассмотрении дел «коррупционной направленности» предметом также будет являться исполнение законов, касающихся защиты интересов и возмещения ущерба, причиненного государству; на стадии исследования доказательств в предмет будет входить соблюдение требований об объективной оценке доказательств, о необходимости исследования обстоятельств, подлежащих выяснению; при участии в рассмотрении судом протеста (жалобы) прокурора на постановление по делу об административном правонарушении в предмет входит удовлетворение судом требований прокурора об отмене (изменении) оспариваемого акта.

Отметим, что исполнение законов судебными приставами не входит в предмет деятельности прокурора по участию в рассмотрении судами дел об административных правонарушениях, а является предметом надзорной деятельности прокурора.

Таким образом, к предмету участия прокурора в процессе рассмотрения судом дел об административных правонарушениях относятся такие материальные и процессуальные правоотношения, которые, в случае нарушения законов их участниками, могут быть приведены в соответствие с законом путем применения прокурором средств прокурорского реагирования.

Средствами прокурорского реагирования в данном случае будут являться: протест (жалоба) прокурора на промежуточные и окончательные незаконные судебные акты; предложение суду (в форме ходатайства) о необходимости внесения частного представления в орган или должностному лицу, в деятельности которых в ходе рассмотрения дела выявлены нарушения.

По нашему мнению, в качестве средства прокурорского реагирования можно также рассматривать рапорт прокурора-исполнителя (непосредственно участвующего в процессе) своему руководителю, содержащий сведения о выявленных в ходе рассмотрения дела нарушениях законности, требующих принятия мер прокурорского реагирования. Указанный рапорт может явиться основанием для принятия решения о проведении проверки в соответствии с положениями ч.ч. 2-14 ст. 21 Закона о прокуратуре. Данное средство применимо в тех случаях, когда выявленные в ходе рассмотрения дела нарушения не могут служить основанием для отмены (изменения) вынесенного судебного акта (и, соответственно, принесения протеста), либо если отмена (изменение) вынесенного судебного акта не повлечут устранение выявленных нарушений, а также тогда, когда суд по тем или иным причинам не реагирует на выявленные нарушения посредством внесения частного представления.

Таким образом, деятельность прокурора по участию в рассмотрении судами дел об административных правонарушениях имеет свой предмет, обусловленный целями и задачами, стоящими перед органами прокуратуры, который заключается в соответствии законам действий участвующих в рассмотрении дела лиц; соблюдении требований о полном, своевременном, объективном и всестороннем разбирательстве; законности и обоснованности судебных постановлений; своевременном обращении судебных постановлений к исполнению.

А.В. ВАСИЛЬЕВА

аспирант

Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета Прокуратуры
Российской Федерации

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ

В статье рассматриваются вопросы организации кадрового обеспечения органов прокуратуры, проанализированы основные правовые акты в части организации работы с кадрами, исследованы актуальные направления в деятельности органов прокуратуры по работе с кадрами.

Ключевые слова: прокуратура, кадровое обеспечение, кадровая служба, политика кадров.

Результативность деятельности прокуратуры, эффективность реализации ее основных функций основаны на качестве кадрового обеспечения, на уровне профессионализма, как кадровых работников, так и кандидатов на должности в органах прокуратуры, а также на морально-психологической подготовке вышеуказанных лиц. Это предопределяет необходимость постоянного совершенствования деятельности по обеспечению кадровой работы в органах и организациях прокуратуры, в том числе посредством укрепления ее правовой основы, организационного, информационно-методического и социально - психологического обеспечения, распространения положительного опыта организации работы с кадрами.

В этой связи, в последние годы Генеральной прокуратурой Российской Федерации принимаются дополнительные меры, направленные на формирование высокопрофессионального кадрового состава органов прокуратуры, в частности, по вопросам работы с кадрами были внесены соответствующие изменения в организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации.

Повышается требовательность к уровню профессиональной подготовки работников, активно реформируется система профессиональной переподготовки действующих прокурорских работников, все чаще проводится обучение работников кадровых подразделений, кроме того, больше внимания уделяется психологическому и этическому обеспечению прокурорской деятельности¹.

¹ Кехлеров С.Г., Капинус О.С. Настольная книга прокурора. т.1 :практич. пособие / под общ. ред. ; науч.ред. А.Ю. Винокуров. М. : Юрайт, 2015. С. 449.

В органах прокуратуры, как субъекта Российской Федерации, так и города (района) важнейшими мероприятиями организационного характера остаются качественный подбор и разумная расстановка кадров. Бесспорно, что в современных реалиях ключевым фактором эффективности и результативности прокурорской деятельности является целенаправленная кадровая работа.

Вышеуказанный фактор детерминирует успешную реализацию возложенных законом на органы прокуратуры полномочий по обеспечению верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Работу с кадрами, в том числе в органах прокуратуры, можно определить как одно из основных направлений внутрисистемной организации работы, которая обеспечивает выполнение целей и задач, стоящих перед прокуратурой. Вместе с тем, данная сфера деятельности органов прокуратуры не является беспроблемной. Решение существующих дискуссионных вопросов должно способствовать совершенствованию механизмов кадрового обеспечения органов прокуратуры.

Согласно ст. 40 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — Закон) одним из видов федеральной государственной службы является служба в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации¹. Следовательно, прокуроры являются государственными служащими Российской Федерации, которые с учетом требований вышеупомянутого Закона обязаны исполнять полномочия в соответствии с государственной должностью федеральной государственной службы Российской Федерации.

В отечественной литературе справедливо отмечается, что прокуратура является специфическим государственным органом, наделенным присущими только ему надзорными функциями, и поэтому она не может быть отнесена к законодательной, исполнительной или судебной власти. В связи с этим служба в органах прокуратуры представляется особым видом федеральной государственной службы, однако, прямо данное утверждение не нашло своего закрепления в Законе².

Кадровое обеспечение в органах прокуратуры представляет собой постоянно развивающуюся органическую систему, в которую входят следующие элементы: основные направления, этапы, принципы, виды и формы работы с кадрами. Значение этой системы заключается в обеспечении деятельности прокуратуры высокопрофессиональным кадровым составом, способным достигать цели, определенные Законом. Достижение поставленной задачи воплощается путем создания надлежащих организационных условий для успешного формирования кадрового состава.

Кроме того, успешность кадрового обеспечения во многом определяется кадровой политикой, которая диктует определенные направления и перспективы использования кадровых ресурсов в условиях существующих экономических, социальных процессов в обществе и государстве³.

Сегодня среди основных направлений кадровой политики в системе органов прокуратуры выделяют поиск новых подходов к определению методов повышения эффективности деятельности прокурорских работников, новых методов

¹ О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202 – 1 // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [М., 2018].

² Братановский С.Н. Право России. М., 2010. С. 329.

³ Заболотских А.Б. Определение штатной численности и распределение кадровых ресурсов в прокуратуре субъекта Российской Федерации: методические рекомендации СПб. :Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2012. С. 5

по обеспечению высокого уровня профессиональной подготовки, стабильности кадров и их необходимой ротации, а также условий, способствующих постепенному развитию инициативных и творческих начал у работников прокуратуры с осознанием значимости собственного вклада в результаты деятельности органов прокуратуры.

Необходимо отметить, что алгоритм кадровой работы в системе органов прокуратуры состоит из следующих элементов: 1) компетентный отбор кандидатов с учетом индивидуальных характеристик и их соответствия предъявляемым требованиям; 2) расстановка действующих и потенциальных кадров; 3) правовая регламентация положения прокурорского работника; 4) обучение и организация переподготовки и повышения квалификации работников; 5) оценка их деятельности. Каждое из вышеуказанных составляющих кадровой работы реализуется в определенных правовых рамках и имеет свою специфику.

Нормативно-правовая баз деятельности по обеспечению кадровой работы в органах и организациях прокуратуры включает в себя законы, подзаконные нормативные правовые акты, в том числе организационно-распорядительные акты Генерального прокурора Российской Федерации, а также локальные акты правового характера прокуроров субъектов Российской Федерации¹. При этом к числу основополагающих правовых актов следует отнести Конституцию Российской Федерации, в ст. 129 которой были внесены изменения², касающиеся вопросов правового статуса отдельных категорий прокурорских работников. В целях приведения Закона о прокуратуре в соответствие с Конституцией Российской Федерации 22.12.2014 принят Федеральный закон № 427-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», которым регламентирован порядок назначения прокуроров, установлен срок их полномочий — пять лет, а также изменен порядок привлечения к дисциплинарной ответственности прокуроров, назначаемых Президентом Российской Федерации.

Учитывая, что проводимая руководителями и кадровыми подразделениями органов и организаций прокуратуры кадровая работа со всеми вышеперечисленными элементами по подбору, расстановке кадров, их воспитанию и повышению квалификации является одним из предопределяющих эффективность условий деятельности российской прокуратуры, на современном этапе требуют внимания вопросы о полномочиях руководителей и кадровых подразделений органов прокуратуры по кадровому обеспечению прокурорской деятельности, а также вопросы ее организации.

Требуют своего разрешения актуальные вопросы совершенствования форм и методов отбора кандидатов для поступления на государственную службу, определения условий и критериев для их карьерного роста с соответствующим выдвижением и назначением на вышестоящие должности, повышения инициативности прокурорских работников, а также требований к уровню их подготовки.

Восполнение пробелов в области правового регулирования организации кадровой работы в органах прокуратуры будет способствовать улучшению этой деятельности, а следовательно, совершенствованию прокурорского надзора.

¹ Заболотских А.Б., Васильева Т.А., Дудин Н.П. Кадровая работа в прокуратуре субъекта Российской Федерации : (на примере прокуратур Северо-Западного федерального округа) : учебное пособие / под общ. ред. Н. П. Дудина. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2011. С. 8

² О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации : Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 05.02.2014 № 2-ФКЗ

К.Н. КАРПОВ

аспирант

Российского государственного
университета правосудия

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ

В статье рассмотрены дискуссионные вопросы функциональной деятельности прокуратуры. Проведен анализ точек зрения по данным вопросам с последующим формированием авторской позиции.

Ключевые слова: прокурорский надзор, прокуратура, совершенствование деятельности, функциональная деятельность.

В соответствии со ст. ст. 1, 2, 8, 51 и др. Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» на прокуратуру Российской Федерации возлагаются следующие функции, в том числе: надзорная, включающая пять соответствующих подфункций; уголовное преследование в соответствии с полномочиями, установленными российским уголовно-процессуальным законодательством; координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью; участие в рассмотрении дел судами, арбитражными судами; участие в правотворческой деятельности; международное сотрудничество в пределах своей компетенции; осуществление государственного единого статистического учета заявлений и сообщений о преступлениях, состояния преступности, раскрываемости преступлений, состояния и результатов следственной работы и прокурорского надзора.¹

При этом согласно абз. 2 п. 1 ст. 1 названного Федерального закона, прокуратура Российской Федерации выполняет и иные функции, установленные федеральными законами.

На наш взгляд, положение, при котором функции прокуратуры перечисляются и располагаются в разных статьях одноименного Федерального закона, а также могут быть установлены иными федеральными законами следует признать определенным недостатком действующего Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Данное упущение может быть устранено посредством включения в указанный Федеральный закон отдельной статьи, посвященной непосредственно функциям прокуратуры, а также путем закрепления в указанном законе принципиального положения о том, что функции (как, впрочем, и полномочия) прокуратуры могут быть установлены только данным Федеральным законом и изменены только посредством внесения поправок, изменений и дополнений именно в данный Федеральный закон.

Отметим, что в России «прокуратура с момента ее создания в 1722 г. императором Петром I и до судебных реформ Александра II (1860-е гг.) была преимущественно органом общего (административного) надзора, а собственно судебная, обвинительная или исковая деятельность... составляла лишь одно из частных дополнений к функции надзора, едва намеченное в законе, слабое и незначительное на практике»², а именно так охарактеризовал дореформенную российскую прокуратуру в 1889 г. видный отечественный государственный деятель, министр юстиции, Генерал-прокурор Российской империи Н.В. Муравьев.

¹ О прокуратуре Российской Федерации. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.08.2017)// Российская газета, № 39, 18.02.1992.

² Муравьев Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности / М., 1889. С. 284.

В настоящее время надзорная функция прокуратуры, состоящая из пяти надзорных подфункций, также является, несомненно, главной функцией, видом деятельности прокуратуры Российской Федерации, одним из мощнейших средств воздействия прокуратуры на укрепление законности в стране. Однако, именно на прокурорских работников, осуществляющих надзор за исполнением законов и соответствием закону издаваемых правовых актов, т. е. ключевую надзорную подфункцию, возложено также осуществление правового мониторинга проектов нормативно правовых актов, разрабатываемых, в частности, законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти.

Так, Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 17 сентября 2007 года № 144 «О правотворческой деятельности органов прокуратуры и улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления» презюмируется необходимость, не ослабляя надзора за законностью нормативных правовых актов, в частности, улучшать сотрудничество с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти, на регулярной основе участвовать в подготовке ими проектов законов и иных нормативных правовых актов, осуществлять правовую экспертизу нормативных правовых актов, готовить по ним заключения и другие документы (курсив мой – К.К.).

Принципиальная полезность и объективная необходимость такой деятельности прокуратуры в общегосударственном масштабе нами признается и под сомнение не ставится. Это своего рода свидетельство о готовности прокуратуры помочь органам государственной и муниципальной власти в их правотворческой миссии. Однако, как представляется, в этом случае имеет место некоторое расширение функциональных возможностей прокуратуры.

Так, правовой основой участия прокуратуры в правотворческой деятельности является норма, содержащаяся в ст. 9 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и определяющая для прокурора возможность вносить в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы соответствующего и нижестоящего уровней предложения об изменении, о дополнении, об отмене или о принятии законов и иных нормативных правовых актов. Таким образом, закон не требует от органов прокуратуры иного вмешательства в правотворческую деятельность органов государственной и муниципальной власти, позволяя ей сконцентрировать свои усилия на реализации иных своих функций. На наш взгляд, участие прокуратуры в осуществлении правотворческой деятельности в названном формате приводит к тому, что прокуратура в определенной мере начинает подменять органы государственной и муниципальной власти и заниматься не свойственной ей деятельностью – участвовать в процессе разработки и издания любого нормативно правового акта, а не только того, который был разработан и инициирован непосредственно прокуратурой.

Показателен в этом смысле пример организации работы в прокуратуре районного звена. В ней, как правило, участие в правотворческой деятельности и осуществление надзора за исполнением законов возлагается на одного из заместителей прокурора района, который совместно со старшими помощниками и помощниками изучает не только правовые акты, но и их проекты, ежедневно поступающие в прокуратуру в огромном количестве от органов местного самоуправления. Прокурор, помимо надзора за исполнением законов, должен заниматься (и фактически занимается при этом) мониторингом проектов этих нормативных правовых актов, тем самым отвлекаясь от выполнения надзорных и иных функций, установленных Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации». В результате утрачивается активность, инициативность и эффективность надзорных мероприя-

тий прокурора на других не менее важных и приоритетных направлениях его деятельности. Вместе с тем, в рамках надзорной деятельности прокуратура, выявляя нарушения законов, тем самым определенным образом уже понуждает государственные и муниципальные власти более качественно выстраивать работу по разработке и принятию нормативных правовых (правовых) актов.

В рамках же участия прокуратуры в правотворческой деятельности прокуратурой должны быть изучены только действующие нормативные правовые акты, проведен их анализ, по результатам которого будут выявлены потребности или пробелы в правовом регулировании, и предложены конкретные нормы и механизмы правового регулирования. Таким образом, у прокурора (заместителя, помощника) будет высвобождено значительное время для осуществления иных установленных законом надзорных и иных функций. Поэтому, на наш взгляд, имеются основания предложить в интересах повышения эффективности функциональной прокурорской деятельности некоторую корректировку указанного положения ведомственного приказа, либо расширение штата органов прокуратуры посредством включения в него должностей прокурорских работников, осуществляющих мониторинг законодательства и нормативных правовых (правовых) актов органов местного самоуправления.

Несмотря на то, что прокуратуре предоставлено право участвовать в правотворческой деятельности в качестве субъекта права законодательной (правотворческой) инициативы почти во всех субъектах Российской Федерации (и в абсолютном большинстве муниципальных образований), в настоящее время существует проблема необходимости предоставления именно Генеральному прокурору России права законодательной инициативы на федеральном уровне. Отметим, что такое право было предоставлено Генеральному прокурору СССР еще на основании ст. 114 Конституции СССР 1977 года. Очевидно, что Генеральный прокурор Российской Федерации, обладая полнотой информации о состоянии законности и преступности в России, о мерах, которые необходимо предпринять для предупреждения нарушений законности, смог бы с большой эффективностью и пользой для общества участвовать в правотворческой деятельности. С другой стороны, нельзя не отметить, что прокуратура, обладая правом законодательной инициативы на региональном уровне, вправе инициировать внесение предлагаемого ею законопроекта на федеральный уровень субъектом права законодательной инициативы федерального уровня - законодательным (представительным) органом субъекта Российской Федерации. Аргументируя соответствующий законопроект федерального уровня, прокуратура субъекта Российской Федерации вполне может актуализировать перед законодателями вопросы общероссийского значения и способствовать их решению.

Кроме того, отметим, что для реализации целей деятельности прокуратуры по обеспечению верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина и охраняемых законом интересов общества и государства прокуратуре необходимо, на наш взгляд, предоставить возможность активнее предупреждать возможные попытки нарушения прав граждан и законных интересов общества и государства. В этой связи уместно говорить об эффективности профилактической деятельности органов государственной власти по укреплению законности и предупреждению правонарушений. Напомним, что в самом общем виде под правонарушением в теории права понимается противоправное виновное деяние (действие или бездействие), причиняющее или способное причинить вред обществу, государству. В зависимости от степени социальной опасности (вредности) правонарушения подразделяются на преступления и иные правонарушения (проступки) – административные, гражданские, дисциплинарные, процессуальные и др.¹

¹ Теория государства и права: учебник. 4-е изд. / Под ред Л.А. Морозовой. М., Эксмо. 2011. С. 414.

До 2016 года, в Российской Федерации по существу отсутствовала законодательная база, регламентирующая осуществление предупреждения правонарушений. И если, к примеру, ст. 2 УПК РСФСР устанавливала, что одной из задач уголовного судопроизводства должны быть предупреждение и искоренение преступлений, то ст. 6 УПК Российской Федерации, определяющая назначение уголовного судопроизводства, до сих пор не содержит подобной нормы о предупреждении правонарушений как цели (предназначении) уголовного судопроизводства.

В настоящее время в соответствии со ст. 9 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» органы прокуратуры Российской Федерации должны осуществлять профилактику правонарушений, обеспечивая надзор за исполнением законов федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и их должностными лицами в соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации». Таким образом, законодатель, по существу, установил, что профилактика правонарушений является лишь одним из направлений надзорной функции прокуратуры, а именно ее подфункции по осуществлению надзора за исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации. Однако, названным нами федеральным законом из перечня объектов профилактики правонарушений были исключены такие объекты надзорной деятельности прокуратуры как, в частности, органы военного управления, органы контроля и их должностные лица; органы управления и руководители коммерческих и некоммерческих организаций. Законом также устанавливалось, что координационная деятельность по профилактике правонарушений осуществляется в рамках межведомственного, ведомственного и регионального взаимодействия, а Положение о межведомственном координационном органе в сфере профилактики правонарушений и его персональный состав утверждаются Правительством Российской Федерации. До настоящего времени, однако, соответствующие подзаконные акты по данному вопросу не разработаны, а, следовательно, и невозможно осуществление какой-либо слаженной деятельности в данном направлении. Как представляется, подобная координация может осуществляться в рамках реализации прокуратурой функции по координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, так как уже существует солидная положительная практика участия в координационных совещаниях представителей не только правоохранительных органов, но и органов муниципальной власти, общественных объединений.

Нельзя не отметить, что прокуратура Союза ССР являлась важным субъектом предупреждения правонарушений в Советском Союзе. Так, в ст. 3 Закона СССР от 30 ноября 1979 года «О прокуратуре СССР» определялось, что разработка мер предупреждения преступлений и иных правонарушений, координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступлениями и иными правонарушениями, участие в совершенствовании законодательства и пропаганде советских законов являются направлениями (в редакции указанного закона) ее деятельности.¹ В настоящее время деятельность российской прокуратуры по предупреждению правонарушений регулируется исключительно ведомственными актами, к примеру, Приказом Генерального прокурора РФ от 16 января 2012 года № 7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности», которым установлены конкретные меры, направленные на повышение эффективности деятельности прокуратуры по противодействию преступности. Отметим также, что п. 1 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 7 декабря 2007 года № 195 «Об организации прокурорского надзора за

¹ О прокуратуре СССР. Закон СССР от 30.11.1979 // Ведомости ВС СССР. 1979, № 49, ст. 843

исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» определено, что предупреждение преступных проявлений является одним из основных направлений надзорной деятельности (курсив мой –К.К.) прокуратуры.

Предупреждение прокуратурой правонарушений в настоящее время реализуется в процессе осуществления прокуратурой всех своих функций, которые закреплены в Разделе 1 и ст. 51 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». К функциям прокуратуры, посредством реализации которых она особенно эффективно воздействует на предупреждение правонарушений, следует отнести функции надзора, уголовного преследования и координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, а также функцию ведения государственного единого статистического учета.

Так, посредством реализации своей функции по ведению государственного единого статистического учета преступности именно прокуратура аккумулирует всю статистическую информацию о правонарушениях, что, несомненно, посредством последующего анализа имеющейся информации и разработки на этой основе мер по профилактике правонарушений способствует более эффективному их предупреждению. Наличие такого рода статистической информации положительно сказывается и на реализации надзорной функции прокуратуры, поскольку способствует активизации прокурорско-надзорных мероприятий на наиболее актуальных и сложных, проблемных участках исполнения действующего на территории России законодательства. Кроме того, при реализации прокуратурой функции по координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, прокурор, обладая значительной статистической информацией о состоянии законности на поднадзорном участке, выступает лицом, которое координирует деятельность правоохранительных органов по предупреждению в целом не только преступлений, но и иных правонарушений.

В связи с изложенным нельзя не отметить, что, к примеру, в Разделе 1 Руководящих принципов в сфере этики и кодекса поведения работников прокуратуры, утвержденных Шестой конференцией Генеральных прокуроров стран-членов Совета Европы 31 мая 2005 года, указано, что работники прокуратуры обязаны уважать, защищать и соблюдать права и достоинство личности, стремиться к поиску гармоничного баланса между общими интересами общества и интересами и правами личности.¹

Отметим также, что для обеспечения эффективной деятельности прокуратуры по предупреждению правонарушений необходимо осуществлять согласованную организационно-управленческую деятельность внутри самой системы органов прокуратуры. При этом важной составной частью организационно-управленческой деятельности по предупреждению правонарушений является именно информационно-аналитическая работа, которая заключается, в частности, в сборе, обобщении и анализе информации, а затем и в подготовке на этой основе предложений по повышению эффективности предупредительно-профилактической деятельности. Полагаем необходимым в связи с изложенным в полной мере согласиться с мнением профессора А.Ф. Смирнова, который совершенно справедливо отмечает, что от того, как будет поставлена информационно-аналитическая работа в решающей степени зависит результативность деятельности прокуратуры.²

Весьма важным представляется, что Генеральный прокурор Российской Федерации своим приказом от 10 сентября 2008 г. № 182 «Об организации работы по взаимодействию с общественностью, разъяснению законодательства и правовому просвещению» возложил на прокурорский корпус в рамках надзорной деятель-

¹ Карпов Н.Н. Международные и национальные стандарты этики и профессиональной ответственности прокуроров: лекция / М. Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2012. С. 32.

² Основы организации и управления в органах прокуратуры Российской Федерации: учебник/ Под ред. А.Ф. Смирнова. М., Институт повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры РФ. 2004. С. 103.

ности задачу по правому просвещению населения. Деятельность прокуратуры по правому просвещению включает в себя три основных направления, в том числе: правовую пропаганду, то есть распространение правовых знаний в обществе и разъяснение в доступной форме положений отдельных правовых актов неопределенному кругу лиц; правовое обучение, которое предполагает преподавание основ права в образовательных организациях юридического или иного профиля; а также правовое консультирование, то есть разъяснение отдельным гражданам юридических норм, подлежащих применению в конкретном случае. Однако, в связи с тем, что правовое просвещение в настоящее время рекомендовано осуществлять только в рамках надзорной деятельности, его реализация может происходить в определенной мере по остаточному принципу.

В связи с изложенным, было бы уместным высказать мнение о том, что важнейшими самостоятельными функциями прокуратуры должны быть признаны ее участие в предупреждении преступлений и иных правонарушений, а также правовое воспитание. Причем, на наш взгляд представляется необходимым, чтобы эти функции осуществлялись не только в рамках надзорных мероприятий, но и совершенно обособлено, для чего необходимо разработать их понятийный аппарат и, в частности, предусмотреть для их реализации специальные полномочия.

Кроме того, в системе предупреждения правонарушений российская прокуратура должна занимать ведущее, ключевое место, так как цели и задачи ее деятельности, функции и полномочия, которыми она наделена, в полной мере позволяют ей эффективно организовывать такую деятельность и выступать одним из главных непосредственных участников предупреждения правонарушений в Российской Федерации.

Е.И. НОСЁНОК

аспирант

Санкт-Петербургского

юридического института (филиала)

Университета Прокуратуры

Российской Федерации

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОКУРОРСКОЙ ПРОВЕРКИ ИСПОЛНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЖИВОТНОМ МИРЕ С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ СПЕЦИАЛИСТА

Данная статья посвящена рассмотрению особенностей организации прокурорской проверки исполнения законодательства о животном мире с привлечением специалистов, на примере опыта прокуратуры Санкт-Петербурга. Автор исследует вопрос о целесообразности использования специальных знаний в данной области и о необходимости внесения соответствующих изменений в действующее законодательство.

Ключевые слова: специалист, прокуратура, прокурорская проверка, специальные знания, животный мир, заключение, нарушения закона.

На протяжении долгого времени журналисты, правоведы, деятели искусства и отдельные граждане активно обсуждают вопросы защиты прав животных. Не обошел данный вопрос и органы прокуратуры Российской Федерации, которым, зачастую, приходится сталкиваться с нарушениями прав животных, в том числе, со стороны управляющих компаний и юридических лиц.

При поступлении в органы прокуратуры соответствующей информации (например, сведения о нарушениях при содержании животных) решается вопрос о проверочных мероприятиях. Полагаем, что организация любой прокурорской проверки состоит из двух основных этапов: планирования и непосредственного проведения. На этапе планирования проверки прокурором анализируются сведения об аналогичных нарушениях закона за определенный период, на конкретной территории, запрашивается информация из органов контроля, которая может сориентировать при выборе методов проверки.

Из-за ограниченности кадровых и материальных ресурсов часто прокуроры поручают проведение проверок органам государственного контроля в пределах их компетенции, вместе с тем, в случаях, когда результаты такой проверки не дают результатов либо проверяемые факты не охватываются компетенцией органов государственного контроля, а законные основания для проведения проверки имеются, прокурор вправе самостоятельно организовать прокурорскую проверку и привлечь к ней специалистов (в силу ст. 22 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»¹ (далее – Закон о прокуратуре) прокурор вправе требовать от руководителей и других должностных лиц выделения специалистов для выяснения возникших вопросов)². В таком случае, надлежит определить орган или организацию, из которой надлежит привлекать специалиста. При этом на этапе планирования проверки данный вопрос следует решить одним из первых, поскольку не всегда имеется возможность найти лиц, обладающих специальными знаниями, за короткие сроки, более того, им также необходимо время на ознакомление с имеющимися материалами и подготовку заключения. Если же принимается решение о проведении проверки с привлеченным специалистом, целесообразно поставить в известность его руководителя (направить письменный запрос), чтобы не нарушать нормальный рабочий режим деятельности органа либо организации.

В ходе проведения проверки прокурору следует ориентировать специалиста на выявление и оценку фактов (получение соответствующих объяснений и документов), которые могут иметь также и юридическое значение и использоваться в качестве доказательств в том или ином деле, поскольку многие специалисты не обладают специальными юридическими познаниями (например, врач – ветеринар, если, конечно, у него нет юридического образования). Наиболее часто к проверкам исполнения законодательства о животном мире в качестве специалистов привлекаются врачи – ветеринары, сотрудники Управления ветеринарии и другие.

Прокурору необходимо обозначить перед специалистом основные задачи проверки, очертить перечень вопросов, которые будут рассматриваться им непосредственно или с его участием, определить объекты, подлежащие проверке, сроки начала и окончания работы, форму предоставления ожидаемых материалов, при необходимости дать методические и тактические рекомендации. Если же к проверке привлекаются несколько специалистов, то вышеуказанные вопросы должны быть распределены между ними с учетом их специальности и уровня квалификации (особенно это касается выездной проверки). К сожалению, вышеупомянутые аспекты совместной работы специалиста с прокурором законодательно не закреплены, в связи с чем, на практике возникают сложности при проведении подобных проверок.

¹ О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 31.12.2017) (с изм. и доп. вступ. в силу с 01.02.2018) // Российская газета, № 39, 18.02.1992.

² Соколова И.А. Организация и осуществление прокурорских проверок исполнения законодательства о банках и банковской деятельности: пособие // Институт повышения квалификации руковод. кадров Генеральной прокуратуры РФ. М., 2004. С. 38.

Привлечение специалистов органов контроля по малозначительным вопросам, без оценки сроков и целесообразности их реального участия, заблаговременного определения иных организационных нюансов, предопределяющих рациональное использование кадрового потенциала, недопустимо¹.

Проанализировав теоретические основы использования специальных знаний в деятельности органов прокуратуры и практический опыт прокуратуры Санкт-Петербурга, следует отметить, что применение таких знаний в исследуемой сфере недостаточно распространено, выявляемые нарушения единичны, вместе с тем, полагаем, что для решения вопроса о принятии мер реагирования прокурору целесообразно учитывать как совокупность законодательных положений, так и руководствоваться мнениями специалистов.

Отметим, что на практике «требование в выделении специалистов» чаще всего заключается не в непосредственном участии лица, обладающего специальными знаниями, в выездной прокурорской проверке, а в получении мотивированного заключения по узким вопросам (при разрешении обращений, участии в правотворческой деятельности и др.).

Таким образом, опыт надзорной работы прокуроров показывает, что под «требованием в выделении специалистов» следует понимать правомочие прокурора по экспертному сопровождению деятельности в широком смысле как уполномоченными в соответствующих сферах практиками поднадзорных прокуратуре органов, органов местного самоуправления, так и представителями научной и образовательной сферы (научными сотрудниками Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации), гражданского общества. К примеру, по обращениям прокуроров научными сотрудниками отдела психологического обеспечения прокурорской деятельности НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации даются научные консультации по психолингвистической оценке смысловой направленности материалов СМИ, публичных выступлений и проч.²

Вернёмся к нашей теме. Интерес представляет документарная проверка исполнения федерального законодательства прокуратуры Санкт-Петербурга, проведенная в 2017 г. по обращению граждан о проблемах обращения с безнадзорными животными, проживающими в подвалах многоквартирных домов, в ходе которой прокурором для вынесения решения истребованы мнения специалистов различных областей. Из обращения следовало, что в наших климатических условиях бездомные кошки, которые снижают рост популяции грызунов и затраты на дератизацию, могут выжить только в технических подвалах жилых домов, попадая в них через продухи в цоколях зданий, однако, представителями коммунальных служб на основании пункта 3.4.1 («организация по обслуживанию жилищного фонда должна обеспечить защиту помещений от проникновения животных: грызунов, кошек, собак») Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда, утвержденных постановлением Госстроя РФ от 27.09.2003 № 170³ (далее – Правила), указанные продухи, в нарушение пункта 3.4.3 Правил («подвалы должны проветриваться регулярно в течение всего года; продухи в цоколях зданий должны быть открыты»), наглухо закрываются, что влечет гибель животных.

¹ Субанова Н.В. Проверка прокурором исполнения законов: пособие // Академия Генеральной прокуратуры РФ. М., 2015. С. 42.

² Субанова Н.В. Указ. соч. С. 43.

³ Об утверждении Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда: постановление Госстроя РФ от 27.09.2003 № 170 // Российская газета, № 214, 23.10.2003.

Для подготовки ответа на вышеупомянутое обращение прокурором были подготовлены запросы в Управление ветеринарии Санкт-Петербурга (далее – Управление ветеринарии) и Государственной жилищной инспекции Санкт-Петербурга о предоставлении имеющейся информации о работе с безнадзорными животными и мотивированной позиции относительно поставленного вопроса.

На основании полученных данных специалистов указанных ведомств прокуратура Санкт-Петербурга постановила, что вопросы распоряжения безнадзорными животными регламентированы статьёй 230 ГК РФ¹, содержание безнадзорных животных в подвалах жилых домов противоречит требованиям санитарных правил и гигиенических нормативов, которые устанавливают критерии обеспечения безопасности и безвредности факторов среды обитания человека; мнение заявителей о том, что в п.п. 3.4.1 и 3.4.3 Правил имеются противоречия, поскольку они одновременно содержат требования о закрытии подвальных помещений от проникновения животных и об их проветривании, ошибочно, эти нормы не являются взаимоисключающими. Кроме того, несоблюдение требований п.п. 3.4.1 и 3.4.3 Правил влечет административную ответственность, предусмотренную ст. 7.22 КоАП РФ² (нарушение правил содержания и ремонта жилых домов и (или) жилых помещений), при этом собственники жилых помещений в многоквартирном доме, принявшие решение о содержании безнадзорных животных, обязаны обеспечить уход за ними, включающий не только прикармливание, но и соблюдение необходимых санитарно-гигиенических условий и своевременное проведение ветеринарно-профилактических мероприятий.

Таким образом, для разрешения обращения, в том числе вопроса об имеющейся правовой коллизии, прокурором истребованы позиции специалистов различных ведомств, оценка которых позволила разобраться в сложившейся ситуации и сделать определенные выводы. Поскольку формы использования знаний специалиста в Законе о прокуратуре, как, например, в Кодексе административного судопроизводства РФ (консультация в собственном смысле слова и пояснения специалиста), не выделены, можно предположить, что в данном случае прокурор воспользовался возможностью получения консультации специалиста по правовым вопросам, который помогал установить содержание акта без указания на его применение.

Примером совместного со специалистами Управления ветеринарии мероприятия служит организованная прокуратурой Петродворцового района Санкт-Петербурга в январе 2018 года проверка информации СМИ о содержании нильского крокодила в подвале дома³, по результатам которой установлено, что рептилия, в нарушение требований действующего законодательства, не была чипирована, а её хозяин не имел соответствующих документов, в связи с чем материалы проверки направлены в Управление ветеринарии для рассмотрения вопроса о привлечении владельца животного к ответственности, поскольку последний являлся физическим лицом, основания для принятия мер прокурорского реагирования отсутствовали.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Российская газета, № 238-239, 08.12.1994.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 07.03.2018) // Российская газета, № 256, 31.12.2001.

³ Прокуратура организовала проверку по факту информации об обнаружении крокодила в подвале дома [Электронный ресурс] // URL:<http://procspb.ru/news/spb/17605-prokuratura-organizovala-proverku-po-faktu-informacii-ob-obnaruzhenii-krokodila-v-podvale-doma> (дата обращения: 26.02.2018).

Возбуждением уголовного дела закончилась проверка законности деятельности развлекательного аттракциона «Крокодиловая ферма»¹, проведенная прокуратурой Петроградского района Санкт-Петербурга в 2014 году, когда на основании полученных из Комитета по управлению городским имуществом Санкт-Петербурга (в настоящее время – Комитет имущественных отношений Санкт-Петербурга) документов было определено, что ООО «Великий город» на земельном участке разметило аттракцион «Крокодиловая ферма», однако данный участок находился в государственной собственности города и передан в аренду ЧУК «Парк культуры и отдыха «Северная Венеция». Поскольку деятельность ООО «Великий город» по предоставлению развлекательных услуг в виде демонстрации крокодилов различного вида осуществлялась без правоустанавливающих документов на использование участка, чем причинила существенный вред ЧУК «Парк культуры и отдыха «Северная Венеция» в виде необоснованного обогащения на сумму более 282 тыс. рублей, прокуратура района направила материалы проверки в УМВД России по Петроградскому району для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. По результатам рассмотрения материалов возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 330 УК РФ² (самоуправство).

В данных случаях специалисты привлекались прокурором в целях установления лиц, которыми нарушены права и свободы, то есть в форме непосредственной помощи прокурору в исследовании тех или иных фактов.

Подводя итог, следует выделить особенности организации прокурорской проверки исполнения законодательства о животном мире: при проведении проверок прокурор должен самостоятельно определять, во-первых, степень необходимости участия в ней специалиста (как в первом примере, при решении правовой коллизии в части обращения с безнадзорными животными, проживающими в подвалах многоквартирных домов, когда прокурор мог использовать исключительно юридические познания), во-вторых, область, в которой требуется использование специальных знаний (к примеру, содержание и уход за рептилиями), в-третьих, применять меры, направленные на реальное устранение нарушений прав граждан, и, при выявлении фактов жестокого обращения с животными, принимать соответствующие процессуальные решения.

Кроме того, представляется, что в Закон о прокуратуре следует внести изменения относительно «требования в выделении специалиста», определив формы и разновидности использования специальных знаний, условия получения таких знаний (к примеру, консультации и пояснения даются специалистом беспристрастно, исходя из своих профессиональных знаний, без проведения специальных исследований, на основе достаточного объема необходимых материалов и т.д.), пределы их использования, права и обязанности специалиста, а также порядок оплаты его работы.

Отметим, что нерешенность вопроса о правовой природе статуса специалиста, привлекаемого прокурором, может повлечь за собой как трудности, связанные с применением соответствующих норм на практике, так и привести к упразднению использования этого института в целом.

¹ В Петроградском районе по материалам прокурорской проверки аттракциона «Крокодиловая ферма» возбуждено уголовное дело о самоуправстве [Электронный ресурс] // URL:<http://procppb.ru/news/spb/10427-v-petrogradskom-rayone-po-materialam-prokurorskoj-proverki-attrakciona-krokodilovaya-ferma-vozbuzhdeno-ugolovnoe-delo-o-samoupravstve> (дата обращения: 26.02.2018).

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 19.02.2018) // Собрание законодательства РФ, № 25, 17.06.1996, ст. 2954.

М.Н. ШИШКИН

магистрант 2 курса
Московского государственного
юридического университета
им. О.Е. Кутафина

**ПРЕДМЕТ И ПРЕДЕЛЫ
ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА
ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О НАЛОГАХ И СБОРАХ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ОСОБЕННОСТИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**

В статье анализируются подходы к определению предмета и пределов прокурорского надзора за исполнением законодательства о налогах и сборах в Российской Федерации. Проведенный автором анализ позволяет сформировать четкое представление компетенции прокурора, его полномочий и обязанностей, а также разграничить сферы деятельности прокуратуры и иных органов власти.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор, налоговое законодательство.

В систему источников налогового права в первую очередь входит Конституция Российской Федерации, нормы международного права, а также специальное законодательство о налогах и сборах, которое классифицируют на федеральное, региональное законодательство и законодательство органов местного самоуправления. В вышеуказанную классификацию источников входят подзаконные нормативные правовые акты по вопросам, связанным с налогами и сборами, и ведомственные подзаконные нормативные правовые акты.

Известно, что судебные акты не являются источниками налогового права, тем не менее, их роль в отечественном праве резко возросла в связи с созданием Конституционного суда¹.

Так, И.И. Кучеров отмечает, что судебная практика имеет нормоустановительное значение².

Противоположного мнения придерживается О.И. Долгополов, который считает, что признание судебного прецедента официальным источником налогового права, выполняющего правотворческие функции не только в случае отсутствия соответствующего закона, но и при наличии недостаточно четкой нормы, исключает возможность применения нормы п. 7 ст. 3 НК РФ, так как судебным актом устраняются сомнения, противоречия и неясности актов законодательства о налогах и сборах, чем снижается конституционная гарантия налогоплательщиков (плательщиков сборов), которые в случае разрешения вопроса не в их пользу становятся обязанными уплачивать налоги и сборы, установленные не законом, а судебным актом.³

На наш взгляд, аргументы в пользу принадлежности судебных актов к источникам отечественного налогового права преобладают, поскольку в условиях динамично развивающегося материального права судебная практика на основе норм

¹ Золотарева А.Б. Роль прецедента в налоговом праве: научное издание / А.Б. Золотарева, С.С. Шаталов: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. – М.: издательский дом «Дело», 2014. С. 82.

² Кучеров И.И. Налоговое право России: Курс лекций. М.: ЮрИнфоР, 2001. С. 72.

³ О важности судебного прецедента в разрешении налоговых споров // журнал «Налоговый Вестник» 2008. № 10. URL: <http://www.nalvest.ru/nvarticles/detail.php?ID=32157> – (дата обращения: 24.03.2018).

российского законодательства позволяет устранить неурегулированные пробелы и противоречия, не искажая при этом положения нормативных правовых актов.

Анализ правовой природы разъяснений (писем) ФНС России и Минфина России показал, что разъясняя порядок применения норм НК РФ, вышеуказанные органы ссылаются помимо постановлений Пленума или Президиума ВС РФ и ВАС РФ также на акты судебных органов.

Согласно письму ФНС России от 14.09.2007 № ШС-6-18/716 целях сокращения количества судебных споров, проигранных налогоплательщикам, и исключения принятия судебных решений не в пользу налоговых органов при вынесении решений по результатам налоговых проверок и участия в судебных разбирательствах с налогоплательщиками налоговым органам следует руководствоваться сложившейся судебной практикой и вступившими в законную силу судебными решениями.¹

В настоящее время среди научной общественности дискуссионным остается вопрос определения предмета прокурорского надзора за исполнением законов. Определение предмета надзора является необходимым для формирования четкого представления компетенции прокурора, его полномочий и обязанностей, а также разграничения сфер деятельности прокуратуры и иных органов власти.

Статья 21 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»² (далее – Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации») содержит предмет прокурорского надзора за исполнением законов, под которым понимается соблюдение Конституции Российской Федерации и исполнение законов, действующих на территории Российской Федерации, объектами прокурорского надзора.

Соблюдение требований подзаконных нормативных правовых актов прямо не определено в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» как предмет прокурорского надзора. Тем не менее, именно ими урегулирована значительная часть правоотношений в сфере налогов и сборов.

В данном случае, полагаю, говоря о предмете прокурорского надзора, следует придерживаться позиции В.П. Рябцева, по мнению которого подзаконные нормативные правовые акты могут входить в содержание предмета прокурорского надзора.³

Вместе с тем, Постановлением Конституционного Суда РФ от 31 марта 2015 г. № 6-П⁴ акты ФНС РФ, содержащие разъяснения налогового законодательства, признаны формально не являющимися нормативными правовыми актами, но обладающими нормативными свойствами.

При этом акты налогового органа подлежат оспариванию в суде при условии содержания в них разъяснений, которые не выходят за рамки адекватного истолкования положений налогового законодательства и не влекут изменение правового регулирования налоговых отношений.

¹ О порядке применения разъяснений Минфина России по вопросам применения законодательства Российской Федерации о налогах и сборах : Письмо ФНС РФ от 14.09.2007 № ШС-6-18/716 // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрон.дан. [М., 2018].

² О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрон.дан. [М., 2018].

³ Рябцев В. П. Прокурорский надзор: Курс лекций. М.: Норма, 2006. С.159-160.

⁴ По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Газпром нефть»: Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2015 № 6-П // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрон.дан. [М., 2018].

По нашему мнению правовые акты, не имеющие нормативных признаков, являются предметом надзора. Прокурор в ходе осуществления своих функций устанавливает их соответствие требованиям законодательства, в том числе положениям законодательства о налогах и сборах. При этом в предмет включается соответствие положениям законодательства правовых актов, не являющихся нормативными, принятых как органами государственной власти, так и иными объектами надзора. Вместе с тем, некоторые исследователи закономерно ставят вопрос о возможности прокуроров осилить такой значительный объем работы.¹

Рябцев В. П. отмечает, что объекты надзора, не перечисленные в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации», не должны включаться в состав органов, на которые распространяется надзорная компетенция прокуратуры.²

Таким образом, под предметом прокурорского надзора за исполнением законодательства о налогах и сборах следует понимать исполнение законов о налогах и сборах, действующих на территории Российской Федерации, органами налогового контроля, в число которых входят налоговые и таможенные органы, их структурные подразделения и должностные лица, представительными и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций, а также, соответствие законам, издаваемые вышеуказанными органами и должностными лицами правовых актов.

Анализ перечня источников налогового права показал, что последний шире предмета прокурорского надзора за исполнением законодательства о налогах и сборах. В частности, в указанном предмете надзора отсутствуют акты судебных органов.

Из положений Приказа Генпрокуратуры РФ от 09.06.2009 № 193 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о налогах и сборах»³ (далее - Приказ Генпрокуратуры РФ № 193) следует, что прокурорский надзор за исполнением законодательства о налогах и сборах в деятельности налоговых органов является одним из приоритетных направлений.

Несмотря на отсутствие в ст. 21 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» актов судебных органов в качестве предмета надзора, Приказ Генпрокуратуры РФ № 193 содержит требования проверки на коррупциогенность практику правоприменения анализа нормативных правовых актов, а также обсуждения проблем правоприменительной практики на координационных совещаниях, заседаниях совместных рабочих групп и коллегий.

Указанные требования Генпрокуратуры являются обоснованными, поскольку отсутствие аутентичного толкования положений налогового законодательства в условиях постоянного введения изменений и дополнений в НК РФ приводит к тому, что защита прав участников налоговых правоотношений осуществляется только судом путем разъяснения соответствующих норм. Тем не менее, положения вышеуказанного Приказа Генпрокуратуры не содержат предписаний к анализу прокурорами судебной практики по вопросам исполнения законов налоговыми

¹ Калугина О. В. Прокурорский надзор за законностью муниципальных правовых актов, регулирующих земельные правоотношения //Административное и муниципальное право. 2012. № 4. С. 13 – 18; Хышиктуев О. В., Хобраков Д. Ц. Прокурорский надзор как институт системы контроля за законностью нормативных правовых актов органов местного самоуправления // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 8 –10.

² Рябцев В. П. Прокурорский надзор: Курс лекций. М.: Норма, 2006. С.157.

³ Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о налогах и сборах : Приказ Генпрокуратуры РФ от 09.06.2009 № 193 // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрон.дан. [М., 2018].

органами, органами власти и местного самоуправления, а также органами управления и руководителями кредитных организаций (банков) за соблюдением прав и законных интересов налогоплательщиков.

На основании изложенного считаем возможным изложить абзац 2 пункта 1.2 Приказа Генпрокуратуры РФ № 193 в следующей редакции: «Обеспечить предупредительный характер прокурорского надзора, в том числе путем анализа судебной практики по соответствующим направлениям».

При определении пределов прокурорского надзора за исполнением законодательства о налогах и сборах необходимо руководствоваться положениями части 2 статьи 21 и части 2 статьи 26 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», в соответствии с которыми органы прокуратуры при осуществлении надзора не подменяют другие органы и не вмешиваются в оперативно-хозяйственную деятельность предприятий. Указанные положения раскрываются в ведомственных приказах. В частности, в Приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 21 июня 2013 года № 252 «О совершенствовании прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства органами государственной власти, местного самоуправления, иными органами и организациями»¹ подчеркивается недопустимость подмены органами прокуратуры контролирующих органов и дублирования их функций при осуществлении надзорных мероприятий.

Однако вышеуказанная норма не является основанием ограничения предмета прокурорского надзора вопросами, не входящими в компетенцию органов государственного контроля. Сужение предмета надзора лишит прокурора возможности оценить соответствие деятельности органов государственного контроля законодательству о налогах и сборах и будет способствовать снижению уровня законности.

Учитывая изложенное, при осуществлении надзора за исполнением законодательства о налогах и сборах прокурор проверяет соблюдение законов объектами надзора. Экономическая оценка их деятельности, которая дается контролирующими органами, не входит в компетенцию прокурора.

Таким образом, прокурорский надзор за исполнением законодательства о налогах и сборах выполняет важную компенсаторную роль, восполняющую недостатки государственного контроля (надзора).

¹ О совершенствовании прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства органами государственной власти, местного самоуправления, иными органами и организациями : Приказ Генпрокуратуры России от 21.06.2013 № 252 // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрон.дан. [М., 2018].

VI

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

К.В. ДРИЦ
студент 4 курса
Северо-Западного института управления
РАНХиГС при Президенте РФ

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ И ОХРАННЫХ КОМПАНИЙ

В статье рассматривается ряд актуальных вопросов, связанных с определением международно-правового статуса и регулированием деятельности частных военных и охранных компаний. Автор отмечает сложности правового регулирования ЧВОК в современных реалиях международных отношений.

Ключевые слова: ЧВОК, международное гуманитарное право, регулирование, аутсорсинг силовых функций, наёмничество.

В результате изменения геополитической обстановки после окончания «Холодной войны», сокращения расходов на Вооруженные Силы, в условиях глобальной войны против терроризма на международной арене возник такой социально-политический феномен, как частные военные и охранные компании (private military and security companies aka PMSCs) – ЧВОК.

Первые в мире частные военные и охранные компании были созданы еще в 70-80-х годах прошлого века. С тех пор они стали важнейшей составляющей многих военных операций, а также ряда миротворческих миссий и постконфликтного восстановления и миростроительства в различных регионах мира. Однако, несмотря на это, на сегодняшний момент отсутствует нормативная международно-правовая

база регулирования их деятельности. Так, все еще остаются неопределенными правовая сущность ЧВОК, их международно-правовой статус и механизм привлечения таких компаний к ответственности.

В юридической науке сложились различные подходы к пониманию правовой сущности данного феномена. Однако не подлежит сомнению тот факт, что ЧВОК, во-первых, носят негосударственный характер, хотя и выступают зачастую инструментом проведения политики отдельных государств на территории других. Во-вторых, ЧВОК сегодня являются сложно организованными коммерческими субъектами, деятельность которых включает в себя не только силовую, но и бизнес компоненту, что позволяет им свободно оперировать в системе мирового бизнеса и вступать в экономические отношения с другими акторами. И, в-третьих, частные военные и охранные компании являются иным, отличным от наёмничества, правовым явлением, деятельность которого носит законный характер.

Исходя из этого, можно согласиться с определением ЧВОК, предлагаемым рабочей группой ООН в тексте проекта Конвенции по регулированию деятельности частных военных и охранных компаний¹. Так, под ЧВОК понимаются корпоративные образования, предоставляющие на возмездной основе военные и/или охранные услуги, обеспечиваемые физическими и/или юридическими лицами². При этом к военным услугам, предоставляемым ЧВОК, относятся услуги, связанные с ведением военных действий, включая стратегическое планирование, наземную, морскую и воздушную разведку, сбор и анализ разведанных, воздушные операции, осуществляемые посредством любых видов пилотируемых и беспилотных летательных аппаратов, спутниковое наблюдение, передачу любого рода сведений для использования их в военных целях, а также материальная и техническая поддержка вооруженных сил и иные смежные виды деятельности.

Под охранными услугами проект Конвенции понимает услуги, связанные с вооруженной охраной и защитой зданий, объектов, имущества и людей, передачу любого рода знаний, имеющих отношение к обеспечению безопасности и порядка, разработку и применение мер информационной защиты и иные смежные виды деятельности³.

В силу своего негосударственного статуса ЧВОК обладают относительной независимостью от государства, что позволяет им в ряде случаев выходить из-под государственного контроля, изменять баланс политических сил в конфликтных регионах. Их относительная независимость подкрепляется активными процессами внутренней самоорганизации и саморегуляции данного сектора⁴. Негосударственный статус частных военных и охранных компаний приводит к трудностям в квалификации данного вида деятельности, а также не позволяет дать ему политическую оценку в конкретных ситуациях.

¹ Draft of a possible Convention on Private Military and Security Companies (PMSCs) for consideration and action by the Human Rights Council. URL: http://psm.du.edu/media/documents/international_regulation/united_nations/human_rights_council_and_ga/open_ended_wg/session_1/un_open_ended_wg_session_1_draft-of-a-possible-convention.pdf (дата обращения 04.12.2017).

² Поощрение и защита всех прав человека, гражданских, политических, социальных и культурных прав, включая право на развитие. Доклад рабочей группы по использованию наемников как средства нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение. URL: http://psm.du.edu/media/documents/international_regulation/united_nations/human_rights_council_and_ga/open_ended_wg/session_1/un_open_ended_wg_session_1_draft-of-a-possible-convention.pdf (дата обращения 04.12.2017).

³ Доклад рабочей группы по вопросу об использовании наемников как средство нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение. URL: http://psm.du.edu/media/documents/international_regulation/united_nations/human_rights_council_and_ga/open_ended_wg/session_1/un_open_ended_wg_session_1_draft-of-a-possible-convention.pdf (дата обращения 04.12.2017). URL: https://mgimo.ru/files2/y08_2011/209768/note2.pdf (дата обращения 4.12.2017).

⁴ Небольсина М. А. Регулирование деятельности частных военных и охранных компаний: сравнительный анализ политики международных организаций и мировых держав : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.04 / Небольсина М.А. [Место защиты: Моск. гос. ин-т междунар. отношений]. Москва, 2016. С.22.

Некоторые сложности в определение правового статуса ЧВОК вносит и их двойственная природа. С одной стороны, ЧВОК являются независимыми субъектами правоотношений. С другой же стороны, они могут выступать и в качестве инструментов государственной политики. В первом случае ЧВОК являются альтернативой действиям государств и международных организаций, а во втором ЧВОК выступают инструментом проведения политики отдельных государств.

Двойственная природа рассматриваемого феномена также обуславливает существование двух абсолютно разных механизмов регулирования деятельности ЧВОК. Так, в настоящий момент можно говорить о наличии международной системы регулирования, основанной на проекте Конвенции по регулированию деятельности ЧВОК и Документе Монтрё, и механизме саморегулирования, представленном в Международном Кодексе поведения ЧВОК.

Неопределенность правового статуса ЧВОК и их двойственная природа порождают вопросы ответственности частных военных и охранных компаний, в частности в области обеспечения безопасности и нарушения норм международного гуманитарного права (далее по тексту – МГП). Сегодня ЧВОК зачастую становятся объектом обвинений в нарушении прав человека, например, права народов на самоопределение. Так, ЧВОК неоднократно нанимались развитыми государствами или транснациональными компаниями для осуществления деятельности в развивающихся странах с целью воспрепятствовать появлению новых государств, приходу к власти национально-освободительных движений или оппозиционных по отношению к «старым» режимам политических сил¹.

Следует отметить, что выступая инструментом государственной военно-силовой политики и не имея закреплённого политико-правового статуса, ЧВОК частично снимают ответственность за свои действия с государств, выступающих в качестве заказчиков их услуг. Что же касается самих компаний, то они принимают на себя ответственность только в рамках подряда. Если до распространения тенденции «аутсорсинга государственных силовых функций» задачи военно-силовой политики выполнялись силами регулярной армии и, следовательно, ответственность за нарушения возлагалась на сами государства, то сегодня при передаче части функций ЧВОК решение вопроса определения субъектов ответственности крайне затруднено.

Российский ученый И.И. Кузнецов выделяет три категории ЧВОК, каждая из которых подразумевает определенный вид ответственности субъекта-заказчика².

К первой группе относятся компании, преимущественно работающие по контрактам с государством, а также с международными организациями. Здесь ответственность восходит к заказчику, а именно к государству или международному институту. Таким образом, речь идет о безусловной ответственности заказчика за используемые ЧВОК инструменты насилия.

Во вторую группу предлагается включить компании, сотрудничающие с ТНК и бизнесом в целом, а также с зарегистрированными неправительственными институтами. Многие представители бизнеса зачастую предпочитают ЧВОК военным подразделениям национальных армий. Это обусловлено, в первую очередь тем, что филиалы и офисы транснациональных корпораций могут быть расположены в различных регионах мира, а пределы использования вооруженных и полицейских

¹ Небольсина М. А. Регулирование деятельности частных военных и охранных компаний: сравнительный анализ политики международных организаций и мировых держав : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.04 / Небольсина М.А. [Место защиты: Моск. гос. ин-т междунар. отношений]. Москва. 2016. С.5.

² Кузнецов И.И. Транснациональные отношения в системе государств: партнёрство или новый виток соперничества? // Межгосударственные и внутригосударственные конфликты: предотвращение, урегулирование и постконфликтная реабилитация / Альманах Космополис. М. 1999. С. 125.

сил государства весьма ограничены. В данном случае можно говорить о «размытой» или частичной ответственности, так как ТНК, нанимающие ЧВОК, исходят, в первую очередь, из превалирования собственных экономических интересов над законодательством в области прав человека и над нормами МГП.

В третью группу включены компании, привлекаемые частными лицами, а также незаконными и преступными организациями или боевиками¹. Цели найма ЧВОК в данной ситуации весьма разнообразны. Это могут быть сопровождение партий наркотиков и иных незаконных грузов, обеспечение собственной безопасности, сбора развединформации с целью обхода закона или обеспечения незаметного отступления. Подобные цели не подразумевают применения мер принуждения к виновному за совершение противоправного деяния как такового.

Что же касается реального положения дел, то механизм ответственности предлагается не только в рассматриваемой Конвенции ООН, но и в Документе Монтрё о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта. Данный акт представляет собой разработанный в рамках Швейцарской инициативы комплекс важнейших международных обязательств, принципов и ориентиров для государств в отношении деятельности частных военных и охранных компаний².

Документ устанавливает ответственность государств-заказчиков за нарушения прав человека, совершенные ЧВОК. Так, государство несет ответственность за преступные действия, совершённые: персоналом ЧВОК, если он входит в состав вооружённых или полицейских сил государства; индивидами или образованиями, которым доверены некоторые элементы государственной власти, индивидами, действующими по предписанию, под руководством или под управлением государства³.

Кроме того, Документ Монтрё обязывает государства расследовать и привлекать к ответственности ЧВОК, персонал которой замешан в нарушениях норм МГП и прав человека⁴. Устанавливаемая Документом обязанность коррелирует с обязательствами государств по привлечению к ответственности грубых нарушителей Женевских Конвенций и дополнительных протоколов к ним⁵.

Не вызывает сомнений тот факт, что на сегодняшний момент назрела необходимость полной и всеобъемлющей международно-правовой регламентации деятельности частных военных и охранных компаний. Ввиду этого представляется рациональным проведение масштабной международной работы и обсуждения с широким привлечением представителей ЧВОК, специалистов в области политики, науки и бизнеса с целью создания сбалансированной системы регулирования на международном и, возможно, государственном уровнях. Вновь создаваемая система должна содержать как компоненты профессионального

¹ Mandel R. *Armies Without States: The Privatization of Security*, P. 102. URL: <https://www.questia.com/library/105968250/armies-without-states-the-privatization-of-security> (дата обращения 10.12.2017).

² The Montreux Document. P.1. Pertinent International Legal Obligations Relating to Private Military and Security Companies. A. Contracting States. Item 7, B. Territorial States, Item 9-12, C. Home States, Item 14-17, D. All Other States. Item 18.; P.2. A. Good Practices for Contracting States. Paragraph III. Item 15; B. Good practices for territorial states. Paragraph IV. Item 3. URL: https://www.icrc.org/eng/assets/files/other/icrc_002_0996.pdf (дата обращения 10.12.2017).

³ Никитин А.И. Перспективы международного регулирования деятельности частных военных компаний. Вестник МГИМО – Университета. 2016. № 2 (47). С. 154.

⁴ The Montreux Document. P. 1. Pertinent International Legal Obligations Relating to Private Military and Security Companies, B. Territorial States, item 9, C. Home States, Item 14. URL: https://www.icrc.org/eng/assets/files/other/icrc_002_0996.pdf (дата обращения 10.12.2017).

⁵ Geneva Convention Relative to the Treatment of Prisoners of War of 12 August, 1949, Article 129. URL: http://www.un.org/en/genocideprevention/documents/atrocities-crimes/Doc.32_GC-III-EN.pdf (дата обращения 10.12.2017).

мониторинга и разработки критериев и стандартов, предлагаемые в рамках модели саморегулирования, так и механизмы государственного учёта, лицензирования деятельности ЧВОК, дополненные межгосударственными механизмами на уровне ООН.

В будущем при активном сотрудничестве всех вышеперечисленных субъектов и сочетании обеих инициатив представляется возможным легитимация деятельности частных военных и охранных компаний, полное закрепление их международно-правового статуса и создание действующего и эффективного механизма привлечения их к ответственности с сохранением основ государственного суверенитета.

Ю.Я. ДУБРОВИНА
студентка 4 курса
Саратовской государственной
юридической академии

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАН В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Статья посвящена рассмотрению вопроса об информировании граждан в рамках информационного обеспечения выборов. Автором рассмотрены теоретические и практические проблемы, возникающие в ходе осуществления информирования избирателей, приведены мнения ученых по соответствующим вопросам и предложены пути решения.

Ключевые слова: информирование, предвыборная агитация, избиратели, избирательный процесс.

Несмотря на положительное реформирование российского избирательного законодательства, в настоящее время все еще продолжает сохраняться ряд вопросов в рамках информационного обеспечения выборов.

Во – первых, следует отметить, что Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»¹ содержит понятие «информационное обеспечение выборов», включающее в себя информирование и предвыборную агитацию. Информационное обеспечение выборов выступает одной из важнейших составляющих системы гарантий избирательных прав российских граждан.

В соответствии с Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав...») в России в период проведения каждой избирательной кампании всем субъектам избирательного процесса должна быть предоставлена необходимая, специфическая, то есть связанная с выборами информация: о кандидатах, избирательных объединениях и блоках, о проводимых ими действиях, о сроках и порядке проведения голосования, о ходе избирательной кампании и т. д. Доведением данной информации до «конечного потребителя» занимается большой ряд субъектов: органы местного самоуправления, органы государственной власти, физические и юридические лица, организации, осуществляющие выпуск СМИ. Основная цель такой деятельности – способствование гласности выборов, осознанному волеизъявлению граждан.

¹ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. Электрондан. [М., 2018].

В настоящее время законодатель не дает ясных и четких критериев разграничения понятий информирования и предвыборной агитации. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 48 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав...» предвыборной агитацией признается деятельность граждан, избирательных кандидатов, общественных объединений, целью которой является побудить избирателей к участию в выборах, голосованию за тех или иных кандидатов или против них. И если для предвыборной агитации законодатель ввел достаточно четкое описание, то понятие «информирование избирателей» как таковое в законе отсутствует.

На практике отсутствие легального определения «информирование» породило немало серьезных проблем, связанных с фактическим возложением на правоприменителя обязанности по самостоятельному определению объема понятия «информирование избирателей», путем исключения из сферы информационных отношений всего того, что могло бы быть отнесено к понятию «предвыборная агитация». Результатом такого нормативного воздействия стал довольно узкий объем понятия «информирование избирателей».

В соответствии с Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав...», информирование представляет собой любую информацию, связанную с избирательным процессом, не содержащую признаков предвыборной агитации¹.

Ч. 1 ст. 45 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав...» указывает, что осведомление граждан осуществляют, органы государственной власти, МСУ, объединения, комиссии, СМИ, юридические и физические лица. Одним из важнейших условий данного этапа является то, что органы государственной власти и органы МСУ не имеют права информировать граждан о конкретных избирательных объединениях, ставить выше какого – либо кандидата или политическую партию.

Главной задачей участковых избирательных комиссий в процессе освещения граждан является доведение до избирателей сведений о проводимых выборах. Это делается для того, чтобы уведомить людей о дате, времени и месте проведения голосования, установленных законом сроках, а также возможности их участия в этих выборах.

На основании п.4 ст.45 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав...» деятельность организаций, выпускающих информацию, направленную на информирование граждан осуществляется свободно. Однако в п.3 этой же статьи указано, что информирование избирателей осуществляют избирательные комиссии. Из данной нормы права непонятно, какова роль средств массовой информации, выполняют ли они роль механизма передачи информации или же они выступают в качестве самостоятельного субъекта информирования.

Проанализировав п. 1 ст. 46 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав...» можно сделать вывод о том, что СМИ способны самостоятельно осуществлять информирование граждан, однако провозглашенная свобода информирования граждан весьма сомнительна. Так, в публикациях в периодических печатных изданиях, теле- и радиопрограммах сообщения о проведении предвыборных мероприятий должны даваться без комментариев, отдельным информационным блоком. Однако легитимного понятия «комментарий» нет, в связи с чем возникает вопрос, а что представляет собой «комментарий». Отсутствие законодательного определения порождает собой множество практических проблем, поэтому предлагаем разработать понятие «комментарий» и закрепить его в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав...».

В целях обеспечения действительной свободы выбора нужна стопроцентная информированность избирателей, в связи с чем, ограничение свободы средств массовой информации может привести к ущемлению прав граждан на непосредственное осуществление государственной власти, поскольку информация – основной инструмент принятия решений.

¹ Китайчик М. Ограничение свободы массовой информации в России в связи с проведением выборов. 2003. № 9 // URL: <http://www.medialaw.ru>. (дата обращения: 21.02.2018).

Полноценное информационное обеспечение выборов невозможно представить без возложения на средства массовой информации определенных обязанностей, однако СМИ обязательно должны иметь гарантии своей профессиональной деятельности. Жесткий контроль в этой сфере не будет способствовать цели становления демократического государства.

Алексеев С.С. говорил, что «правовой режим есть сочетание дозволений, запретов и позитивных обязываний, создающих особую направленность правового регулирования; единение комплекса правовых средств и содержания регулируемых отношений»¹.

Таким образом, необходимо дальнейшее развитие правовых механизмов, противодействующих злоупотреблениям и нарушениям в информационном обеспечении выборов².

Право граждан на получение информации о выборах предполагает право знать, какие пути решения острых социальных проблем предлагает кандидат, какие действия он предполагает предпринять, какие пути модернизации общества видит в случае его избрания. В соответствии с Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав ...» одной из главных задач информационного обеспечения выборов является осознанное волеизъявление граждан. Каждый гражданин должен четко понимать за кого он отдает свой голос и соответственно какой путь развития общества выбирает на ближайшие годы. Конституционный принцип народовластия подразумевает то, что на выборах голосует не бездумный, а политически осознанный избиратель³.

Информирование избирателей в контексте значения этого слова в словарях Д.Н. Ушакова, В.И. Даля, С.И. Ожегова выступает механизмом, задействованным в процессе обеспечения конституционной безопасности, являющейся основной идеей конституционной доктрины как совокупности научных воззрений на отрасль конституционного права⁴.

Положения Основного закона нашей страны и принятого на основании него Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав...», устанавливающих обязательность и периодичность выборов, предельные сроки, на которые могут избираться органы, выступают в качестве средства защиты общества от неэффективной государственной власти. На основании этих норм реализуется выполнение принципа конституционной ответственности органов власти перед народом. Однако без должного информационного обеспечения этот правовой механизм работать не будет.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что предвыборная программа, несомненно, должна стать элементом избирательного процесса и условием выдвижения кандидата, списка кандидатов. В настоящее время данный вопрос не урегулирован на законодательном уровне, в связи с чем, предвыборную программу необходимо включить в перечень документов для выдвижения на выборах. Это положение нужно закрепить в ст. 33 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав...». И в последующем в случае неисполнения заявленной предвыборной программы кандидат может быть отозван избирателями или же досрочно прекратить свои полномочия.

¹ Алексеев, С.С. Теория права: учебник. М.: БЕК, 1995. С. 209.

² Шишкин В. С. Информационное обеспечение выборов: информирование и предвыборная агитация // Про пупс. 2006. №3 (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnoe-obespechenie-vyborov-informirovanie-i-predvybornaya-agitatsiya/> (дата обращения: 20.03.2018).

³ Реут Д.А. Информирование избирателей как гарантия реализации активного избирательного права граждан в Российской Федерации: автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.02 / Реут Дмитрий Алексеевич; [Место защиты: Акад. Генер. прокуратуры РФ]. - Москва, 2016. 28 с. Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право.

⁴ Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — М.: РАН ИРЯ им. В. В. Виноградова, 1997. С. 944.

А.А. КАЗИМИР,

А.Д. ФЕДОРОВА

студентки 2 курса

Московского государственного

юридического университета

имени О.Е. Кутафина

ТРАНСПЛАНТАЦИЯ ОРГАНОВ: МОРАЛЬНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье рассмотрены правовые и моральные аспекты трансплантации органов, как в России, так и на примере международного опыта. Опираясь на сформулированные положения, авторы акцентируют внимание на проблемах проведения данной процедуры, а также пробеле в законодательстве Российской Федерации.

Ключевые слова: трансплантация, органы и ткани человека, «презумпция согласия», донорство, правовой статус органов.

Трансплантология и мораль

Право и мораль тесно взаимосвязаны между собой. Но существует ряд вопросов, в которых эти понятия вступают в конфликт. Одной из таких тем является трансплантация органов и тканей человека. Трансплантация органов и (или) тканей человека является средством спасения жизни и восстановления здоровья человека. К сожалению, чье-то выздоровление и шанс на жизнь для другого человека значит смерть и горе для родственников, потому что не всеми органами человек может поделиться и остаться живым. Большинство людей после потери близкого человека уходят в горе, что даже не допускают мысли о том, чтобы их родной человек был донором органов для реципиентов. Это очень сложный и неоднозначный вопрос, наверно, нельзя дать шаблонного ответа на него, так как это глубоко личное решение людей, зависящее от воспитания, культуры, религии и других факторов.

Правовой статус органов человека

Определение статуса человеческих органов способствует возникновению множества дискуссий: являются ли части человеческого тела вещью? Можно ли осуществлять трансплантацию органов у умершего человека без уточнения согласия умершего и его близких? Проанализировав мнения ученых о статусе человеческих органов, выделим три основные точки зрения:

1) человеческие органы не относятся к вещам¹, так как имеют специфичное происхождение и не отвечают всем признакам вещей;

2) части тела – личные неимущественные блага, благодаря которым складываются донорские отношения²;

3) самостоятельный объект, ограниченный в обороте³, так как он отделен от человека. Мы придерживаемся мнения Г.Н. Красновского и также считаем, что части человеческого тела не относятся к вещам. Вещь материальна и может устойчиво существовать независимо от субъекта. К частям человеческого тела данный признак применять некорректно.

¹ Красновский Г.Н., Иванов Д.Н. Актуальные вопросы правового регулирования трансплантации органов и тканей в Российской Федерации // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1993. № 5. С. 33.

² Красавчикова Л.О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. Екатеринбург, 1994. С. 101.

³ Аполинская Н.В. О статусе биологических объектов в гражданском праве РФ // Сибирский юридический вестник. 2002. N 4. URL: <http://law.isu.ru/ru/science/ vestnik/20024/apolinskaya.html> (дата обращения: 04.03.2018).

Самовольно лишить себя, к примеру, пальца и отдать его в пользование кому-то нельзя. Другой человек не сможет пользоваться, владеть и распоряжаться им. Если говорить о жизненно важных органах, таких, как сердце, почки и т. д., то пользование ими без вмешательства врачей невозможно.

Судебная практика

Далее обратимся к судебной практике. Ярким примером, относящимся к изучаемой проблеме, является определение Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2016 г. № 224-О¹.

Суть заключалась в том, что у умершей А.О. Саблиной изъяли органы после смерти без согласия родственников. Матери так и не удалось восстановить справедливость и призвать сотрудников больницы к ответственности. Конституционный Суд РФ в Определении от 4 декабря 2003 г. № 459-О Российской Федерации² пришел к выводу о том, что статья 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека», содержащая формулу презумпции согласия на изъятие в целях трансплантации органов и (или) тканей человека после его смерти, сама по себе не является неясной или неопределенной, а потому не может рассматриваться как нарушающая конституционные права граждан.

Далее приводятся принципы Всемирной организации здравоохранения по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов (утверждены 21 мая 2010 г. на Шестидесят третьей сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения, Резолюция WHA63.22)³, которые предусматривают, что для проведения трансплантации клетки, ткани и органы могут быть изъяты из тел умерших в случае, если: во-первых, получено согласие в форме, требуемой законом, и во-вторых, нет оснований полагать, что умершее лицо возражало против такого изъятия.

На наш взгляд, этот аргумент, приведенный судом, является безосновательным, так как в своей жалобе Е.В. Саблина (мать умершей) четко указывает, что она и другие родственники не только не были согласны на трансплантацию, но и не были осведомлены об изъятии органов. А в российском и зарубежном законодательстве ключевыми словами являются: «добровольность» и «отсутствие несогласия». Дел подобного рода достаточно много, из чего можно сделать вывод о том, что граждане не одобряют выбранную Россией политику по данному вопросу. Сейчас в отечественном законодательстве просто ратифицированы международные принципы, но нет соответствующих условий для их претворения в жизнь.

В качестве решения мы предлагаем ввести обязательный документ для смертельно-больных пациентов и тех, у кого вероятность летального исхода превышает 85%, в котором сам больной или его ближайший родственник, давал бы письменное согласие или несогласие на трансплантацию органов. Особо стоит отметить, что инициатива уточнения возможности трансплантации органов должна исходить от медицинского учреждения, а не пациента или родственников.

Международный опыт

Сегодня Испания является одним из лидеров в области трансплантации органов, благодаря своей передовой системе. Население Испании позитивно относится к донорству. Каждый, кто хочет после смерти передать свои органы для пересадки нуждающемуся человеку, оформляет донорскую карточку. Тем не менее, врач обязан потребовать согласие родственников умершего на извлечение органов для трансплантации. «Испанская модель» в затрагиваемой сфере успешна вследствие

¹ Интернет-ресурс: Консультант+. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194949/ (дата обращения: 04.03.2018).

² Интернет-ресурс: Гарант. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12034429/> (дата обращения: 04.03.2018).

³ Интернет-ресурс: Гарант. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12034429/> (дата обращения: 04.03.2018).

таких моментов, как добровольность, альтруизм и равенство. Доступ к трансплантации доступен абсолютно всем, независимо от социального статуса. Трансплантация оплачивается государством из фонда обязательного медицинского страхования. Одним из главных принципов данной модели является централизация. В целях координации всех вопросов донорства и трансплантации в Испании создана Национальная организация трансплантологии. Ее признают эталоном по все миру.¹

В целях недопущения «трансплантационного туризма» в Испании запрещена пересадка органов гражданам других стран. Таким образом, Испания достигла такого успеха, благодаря комплексному подходу: действует единое законодательство, разработана централизованная система получения человеческих органов, ведется активная информационно-просветительская работа с населением о необходимости донорства.

Опыт Китая достаточно неоднозначен в процедуре трансплантации органов. По законодательству Китая извлечение органов без добровольного согласия донора незаконно, но с принятием в 1984 году изменений в законе стало возможным извлечение органов у казнённых преступников с предварительного их согласия или разрешения их родственников. В декабре 2005 года заместитель министра здравоохранения Китая признал, что в стране широко распространена практика изъятия органов у казнённых заключённых.² В мире начали осуждать такую практику, из-за опасений принудительного согласия к донорству. В январе 2015 года в Китае запретили трансплантацию органов, пожертвованных казнёнными заключёнными. Следовательно, в Китае добровольное донорство стало единственным законным способом получения донорских органов.

В 2010 году в стране стартовала первая система посмертного донорства органов, только 34 человека согласились пожертвовать свои органы после смерти, но уже в 2016 году число доноров возросло до 4080 человек. За последние годы Китай добился масштабного прогресса в правовой политике проведения трансплантаций органов. Китай намерен стать мировым лидером по трансплантации органов к 2020 году³.

Выводы

Ознакомившись с доктриной и судебной практикой, мы пришли к заключению, что законодателю следует обратить особое внимание на существующую коллизию в праве и дать четкий ответ по поводу статуса человеческих органов.

Ведь все наши доводы строились в соответствии с легальной трансплантацией, а если рассматривать нелегальный рынок человеческих органов, то там они выступают в роли объектов купли-продажи.

В Определениях Конституционный Суд РФ указывает, что согласие на трансплантацию органов и тканей человека требует более детальной регламентации, следовательно, он сам признает пробелы в действующем законодательстве в этом вопросе.

Требуется повышать правовую грамотность нашего населения, чтобы у людей сформировалось собственное мнение в таком сложном, с моральной точки зрения, вопросе.

¹ Хочу быть донором. Принципы трансплантологии в Испании // Аргументы и факты 2015 № 24 URL: http://www.aif.ru/health/life/altruizm_i_ravenstvo_takovy_glavnye_principy_transplantologii_v_ishpanii (дата обращения: 01.03.2018)

² Трансплантация органов в Китае URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2_%D0%B2_%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B5 (дата обращения: 02.03.2018)

³ Китай намерен стать мировым лидером по трансплантации органов к 2020 году URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Kitai-nameren-stat-mirovym-liderom-po-transplantacii-organov-k-2020-godu.html> (дата обращения: 02.03.2018)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ АВТОРСКИХ ОРИГИНАЛОВ СТАТЕЙ

Статьи следует представлять в распечатанном виде и в электронном варианте. Текст должен быть набран на компьютере в редакторе Word и отпечатан на одной стороне стандартных листов писчей бумаги формата А4. Поля: верхнее, нижнее, левое, правое — 25 мм. Нумерация страниц располагается внизу по центру. Стил оформлени основногo текста должен содержать следующие установки. Гарнитура «Times New Roman Cyr». Расстояние между строками текста — 1,5 интервала, между текстом и заголовками — 1 строка, заголовок — прописными. Размер шрифта — 14. Абзацный отступ — 0,75. Выравнивание — по ширине. Перенос — автоматический. При наборе сносок необходимо использовать вкладку «Ссылки» — группу команд «Сноски» — команду «Внизу страницы». Ширина таблицы должна соответствовать ширине наборной полосы журнала — 150 мм. Если таблица будет располагаться на полосе «лежа», ее ширина не должна превышать 210 мм. Размер шрифта текста внутри таблиц — 9. Рисунки, иллюстрации, фотографии должны быть представлены в распечатке и отдельным файлом в электронном виде. При фактическом размере изображения в публикации они должны иметь полиграфическое разрешение не менее 300 точек/дюйм. Объем статьи не должен превышать 0,5 учетно-издательского листа (20 000 знаков, включая пробелы между словами).

К рукописи статьи прилагается следующая информация на русском языке: аннотация (не более четырех предложений); список ключевых слов (не более семи); фамилия, имя, отчество (полностью), название учебного заведения, (студент/магистрант/аспирант), курс. Также следует указать номер телефона, адрес электронной почты для связи.

Материалы публикуются безвозмездно.

